THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

НАРОДНЫЯ

РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

П. ЯКУШКИНА.

САНКТПЕТЕРРУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго, (Литейная, № 38).
1865.

IAkushkin, Pavel Ivanovich.
"
Narodnyia russkia piesni.

НАРОДНЫЯ
РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

П. ЯКУШКИНА.

САНКТПЕТЕРРУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго, (Литейная, № 38).
1865.

Р63113
I 8
1865

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11-го марта 1865 года.

РУССКІЯ ПѢСНИ,

ИЗЪ СОБРАНІЯ

П. И. ЯКУШКИНА.

Нѣсколько словъ отъ собирателя.

Пока не вышло въ свѣтъ драгоцѣнное собраніе пѣсенъ, оставшееся послѣ покойнаго Петра Васильевича Кирѣевскаго, обязанность каждаго любителя народной поэзіи заключается въ томъ, чтобъ сообщать и печатать всѣ матеріалы, какіе онъ успѣетъ собрать. Матеріалы эти покамѣстъ, до выхода въ свѣтъ собранія Кирѣевскаго, имѣютъ значеніе безотносительное, а для редакторовъ этого, всѣми такъ нетерпѣливо-ожидаемаго собранія, могутъ быть полезны, по-крайней-мѣрѣ, какъ варіанты. Съ этою цѣлью издаю я часть моего собранія, которое надѣюсь напечатать въ скоромъ времени все.

Хотя въ настоящее время казалось бы рано подводить пѣсни подъ различные отдѣлы, и хотя другая обязанность собирателя состоитъ еще въ томъ, чтобъ не мудрствовать лукаво и пока не извлекать изъ нихъ теорій въ пользу того или другаго историческаго и нравственнаго взгляда; но, для удобства употребленія, необходимо подвести ихъ подъ какіе-нибудь рубрики. Въ этомъ отношеніи, сколько я могъ убѣдиться при разсматриваніи бывшихъ у меня подъ руками матеріаловъ П. В. Кирѣевскаго, пѣсни могутъ быть безопасно раздѣлены на слѣдующіе отдѣлы: I) Стихи духовнаго содержанія; II) Пѣсни историческія, съ которыми могутъ быть соединены и солдатскія; III) Пѣсни лирическія, изъ которыхъ нѣкоторыя, по своему содержанію, нѣсколько эпическому, принадлежатъ къ области балладъ, другія къ роду элегій. Впрочемъ, баллада такъ легко переходитъ въ элегію и, наоборотъ, элегія въ балладу, что строго разграничить ихъ невозможно, по-крайней-мѣ-

рѣ, до времени, и наконецъ IV) Пѣсни обрядныя, то-есть a) свадебныя, b) величальныя, c) подблюдныя, d) хороводныя и e) праздничныя.

Я думаю, что варіанты пѣсенъ должны быть печатаемы *всѣ:* варіанты словъ могутъ быть подводимы подъ тексты, но варіанты содержанія должны быть сохраняемы во всей ихъ цѣлости и неприкосновенности. На это есть различные способы и методы. П. В. Кирѣевскій составлялъ пѣсню изъ различныхъ варіантовъ, относя разности въ примѣчанія и такимъ образомъ сохраняя варіанты и вмѣстѣ выводя изъ нихъ существенное содержаніе; но это могъ дѣлать одинъ П. В. Кирѣевскій съ его глубокимъ знаніемъ источниковъ, съ его въ высшей степени замѣчательнымъ эстетическимъ чутьемъ и при обиліи его матеріаловъ. Укажу, какъ на примѣръ такой мастерской работы, на свадебную пѣсню, помѣщенную ниже. Но не всѣмъ такой пріемъ позволителенъ. Приведу для примѣра пѣсню, записанную г. Языковымъ и переданную имъ П. В. Кирѣевскому (см. „Денница“ 1834) и передѣлку этой же пѣсни г. Сахаровымъ:

Пѣсня, напечатанная въ «Денницѣ» П. В. Кирѣевскимъ.

Копилъ-то король, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ собака двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ силушки смѣты нѣтъ.
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ.
Накоплемши онъ силы, на Русь пошелъ;
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый на городъ на Полотскій,
На другой-то на городъ Велики-Луки,
На третій на батюшку на Опсковъ градъ,
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики-Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ
Становился собака въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ собака во золотъ стулъ,
Смекалъ-то онъ силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много ли силушки убыло?
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ *ротъ*,
А прибыло силушки сорокъ полковъ;
Тутъ же онъ собака возрадуется:
„Охъ вы гой еси мои скорые хожатели,
„Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
„Мечитесь скоро въ зеленые луга,
„Въ зеленые луга государевы!

. . . . . .
. . . . . (*)
„Бери свово коня Бахмута,
„Поѣзжай во батюшку въ Опсковъ градъ:
„Во городъ въѣзжай не спрашивай,
„Ко двору подъѣзжай не докладывай,
„Во палаты восходи не бей челомъ;
„Клади ярлыки на дубовы столы.“—
За столами сидитъ воевода царевъ
Карамышевъ Семенъ Константиновичъ.
„Охъ ты гой еси воевода царевъ,
„Карамышевъ Семенъ Константиновичъ!
„Отдай городъ Волокъ безъ бою (**),
„Безъ бою и безъ драки великія,
„Безъ того уголовія смертнаго;
„Я на первомъ часу возьму Опсковъ градъ,
„На другіемъ часу стану чистити,
„На третьемъ часу стану столъ становить,
„Стану пить, веселиться, прохлаждатися;
„Князей твоихъ бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
„Донскихъ козаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
„А тебя воеводу казнить буду!“
Возговоритъ воевода царевъ
Карамышевъ Семенъ Константиновичъ:
„Блуденъ сынъ король съ королевичемъ!
„Съ паномъ гетманомъ Хоткевичемъ
„И съ воинскимъ конемъ Вороновичемъ,
„Не отдамъ я тебѣ города безъ бою,
„Безъ бою и безъ драки великія,
„И безъ того уголовія смертнаго!“
Какъ со вечера солдаты причащалися,
Со полуночи ружья чистили,

Ко бѣлой зорѣ, какъ куры пропѣли,
Не туча съ тучей соходилася,
Не зоря со зорей сомыкалася
Соходилися два войска, два великія,
Бѣлаго Царя съ королевскіимъ.
Тутъ ѣздитъ разъѣзжаетъ удалый добрый молодецъ
Еще тотъ ли же Воевода Царевъ
Карамышевъ Семенъ Константиновичъ.

(*) Здѣсь долженъ быть пропускъ. *Прим. П. В. К.*

(**) Названіе «Волока» (Ламскаго) вмѣсто Пскова, здѣсь очевидно взято изъ другой пѣсни, вѣроятно, похожей на эту содержаніемъ и напѣвомъ. Такія перестановки нерѣдки въ народныхъ пѣсняхъ.
Прим. П. В. К.

Кому у насъ на бою, братцы, Божья помочь?
Помогъ Богъ воеводѣ московскому
Карамышеву Семену Константиновичу!
Побилъ силу королевскую;
Всѣхъ латничковъ, сиповщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщиковъ;
Насилу король самтретей убѣжалъ.
Бѣгучи онъ собака заклинается:
„Не дай Боже мнѣ во Руси бывать!
„Ни дѣтямъ моимъ, и ни внучатамъ!
„И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ!“

Пѣсня, напечатанная г. Сахаровымъ въ «Сказаніяхъ Русскаго Народа».

Копилъ-то король, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ собака двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ силушки: смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ.
Накоплемши онъ силы, на Русь пошелъ;
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый-то городъ на Полотскій,
На другой-то городъ на Велики Луки,
На третій-то на батюшку на Опсковъ градъ;
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ,
Становился собака въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ собака во золотъ стулъ,
Смекалъ-то онъ силушку по три дни,
По три дни и по четыре:
Много ли силущки убыло,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ *сотъ*,
А прибыло силушки сорокъ полковъ;
Тутъ же онъ собака возрадуется:
„Охъ, вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
Мечитесь скоро въ зеленые луга,
Въ зеленые луга государевы!
Посылаетъ онъ воеводу своего,
А самъ крѣпко наказываетъ:
Бери своево коня Бахмута,

Поѣзжай во батюшку во *Псковъ* градъ:
Во городъ въѣзжай, не спрашивай,
Ко двору подъѣзжай, не докладывай,
Во палаты возходи, не бей челомъ,
Клади ярлыки на дубовы столы."
За столами сидитъ воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
„Охъ, ты гой еси воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
Отдай городъ *Опсковъ* безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
Безъ того уголовія смертнаго.
Я на первомъ часу возьму Опсковъ градъ,
На другіемъ часу стану чистити,
На третьемъ часу стану столъ становить,
Стану пить, веселиться, *прохлажатися;*
Князей твоихъ бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
Донскихъ козаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
А *я* тебя, воеводу, казнить буду!"
Возговоритъ воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ:
Блуденъ сынъ король съ королевичемъ,
Съ паномъ гетманомъ Хоткевичемъ,
И съ воинскимъ конемъ Вороновичемъ!
Не отдамъ я тебѣ городъ безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
И безъ того уголовія смертнаго!"
Какъ со вечера *ратные* причащалися,
Со полуночи ружья чистили,
Ко бѣлой зарѣ, какъ куры пропѣли,
Не туча съ тучей сходилася,
Не заря со зарей сомыкалася,
Сходилися два войска, два великія,
Бѣлаго Царя *съ королевскимъ*,
Тутъ ѣздитъ, разъѣзжаетъ, удалый добрый молодецъ,
Еще тотъ ли же воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ.
Кому у насъ на бою, братцы, Божья помочь?
Помогъ Богъ воеводѣ московскому,
Шуйскому князю Ивану Петровичу!
Побить силу королевскую:
Всѣхъ латничковъ, сиповщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ;
Насилу король самъ третей убѣжалъ.
Бѣгучи, онъ, собака, заклинается:
Не дай Боже мнѣ во Руси бывать!
Ни дѣтямъ моимъ, и ни внучатамъ!
И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ.

Вещь совершенно невозможная, чтобы при изустной передачѣ пѣсни она оказалась такъ, слово въ слово сходною съ прежде приведенною и чтобы единственный варіантъ былъ въ имени князя Шуйскаго, исторически болѣе вѣрномъ. Дѣло, кажется, ясное, что она г. Сахаровымъ просто перепечатана съ измѣненіемъ имени героя, съ присочиненными явно стихами, съ замѣною словъ, по мнѣнію издателя, *новыхъ старыми*, какъ: *ротъ*, *солдатъ* и другими. Что касается до П. В. Кирѣевскаго, то, соединяя варіянты (если таковые были), онъ никогда не сочинялъ отъ себя ни одного слова. Привожу еще двѣ пѣсни, одну: свадебную, П. В. Кирѣевскаго и другую мою, о князѣ Голицынѣ: пѣсня П. В. Кирѣевскаго составлена изъ нѣсколькихъ варіантовъ; я же, не принимая на себя такой смѣлой задачи, только подвожу варіанты, думая, что они должны быть сохраняемы. Что касается до варіантовъ содержанія, то ихъ я оставляю совершенно-неприкосновенными; ибо каждый варіантъ представляетъ свой особый интересъ. Укажу въ этомъ отношеніи на варіанты пѣсни о Ванѣ Ключничкѣ и на нѣкоторыя лирическія пѣсни предлагаемаго собранія.

Что при ве́черѣ вечёрничкѣ,
При остàтнемъ часу́ — вре́мячкѣ,
При Катери́ниномъ дѣви́чничкѣ,
При Михàйло́вной дѣви́чничкѣ,
Прилетàлъ младъ ясмёнъ соко́лъ,
Младъ ясмёнъ соколъ сизокрыльчатый;
Онъ сади́лся на око́шечко,
На серёбрину причёлинку.
Что никто́ его не ви́дѣлъ;
То́лько ви́дѣлъ родно́й ба́тюшко.
Говори́лъ онъ свое́й до́чери,
Свое́й до́чери Катери́нѣ душѣ,
Свое́й до́чери Михàйловнѣ:
„Ты серде́чное ди́тятко,
„Катери́на Михàйловна!
„Приголу́бь себѣ́ голу́бчика,
„Яснаго со́кола залётнаго,
„До́браго мо́лодца заѣ́зжаго,
„Свѣтъ Ивана Александровича!“
— Госуда́рь родно́й ба́тюшко,
Госуда́рыня мàтушка!
Я бы ра́да приголу́била его:
Ско́ры но́жки подломи́лися,
Бѣ́лы ру́чки опусти́лися,
Ясны о́чи помути́лися,
Красота́ съ лица́ смѣни́лася.

Пять варіантовъ: А) записанъ въ городѣ Осташковѣ; В) доставленъ отъ А. С. Пушкина; Г) записанъ Орловской Губ., Мало-архангельск. уѣз., въ с. Лимовомъ; Д) записанъ Московск. Губ., Звѣнигородск. у., въ с. Ильинскомъ; Е) записанъ Московск. Губ., Звѣнигородск. у., въ дер. Воронкахъ. Осташковскій варіантъ принятъ за текстъ.

1 — В) Начинается такъ: *Какъ при вѣчерѣ, вѣчерѣ, При послѣднемъ часу врéмячкѣ, При княгúнином дѣвúчникѣ, Вылетáлъ же младъ ясёнъ соко́лъ; Онъ сáдился на окошечко, На серебряну рѣшёточку, На шелкóву занавѣсочку,* — Въ вар. Г) первыхъ четырехъ стиховъ нѣтъ, а начинается прямо: *Прилетáлъ соко́лъ къ окошечку; Онъ садился на окошечко, На серéбряно стеколечко, На иозлощёную рѣшёточку.* — Д) *На сговорѣ на дѣвичникѣ, На дѣвúчьемъ было вѣчерѣ, У Катерины было въ тѣремѣ, У Михайловны въ высокiемъ: Ей въ ночи младой мало спалось, Мало спалось, во снѣ видѣлось. Ей неловокъ сонъ привидѣлся, Прилеталъ же къ ней ясёнъ соко́лъ, Онъ садился къ ней на окошечко, на златую на причéленку.* Е) *Какъ у Катерúны на дѣвичникѣ, У Михайловны на красномъ, При дѣвичьемъ было при вѣчерѣ, Прилеталъ къ ней ясенъ соко́лъ*; далѣе какъ въ текстѣ.

2 — В) *Какъ увидѣла да ўзрѣла свѣтъ княгинина матушка; Ты дитя моё дитятко, Ты дитя чадо милое! Приголубь ты яснаго сокола! Яснаго сокола*, и проч. — Д) *Что увидѣла ясно́ва соколá Катеринина-то матушка: Охъ ты дитятко Катеринушка, Ты привѣтъ приголубь ясно́ва соколá.* — Въ вар. Г) и Е) совсѣмъ нѣтъ стиховъ 9, 10, 11, 12 и 13, а вмѣсто того послѣ 8-го стиха поется въ вар. Г) *Душа, душа красная дѣвица, Прими, прими яснаго сокола, Яснаго соколá, залётнаго, Добраго молодца пріѣзжаго;* а вар. Е) *Катеринушка, ты Михайловна, пусти соколá залётнаго.*

3. — Съ 22-го стиха окончаніе взято изъ вар. В) и дополнено 25-мъ стихомъ изъ Г). — Въ остальныхъ варіантахъ конецъ поется такъ: А) *Я и рада бъ приголубить его; Скорыя ноженьки подломилися, Бѣлыя рученьки опустилися, Ретивó сéрдце испугалося, На всѣ стороны кидалося, ко Ивану приклонялося, Къ Александровичу приклонялося.* Въ Г) *Я бы рада привѣтила его: Ретивó сердце испужалося, Рѣзвы ножки подломилися, Бѣлы ручки опустилися, Златы перстни покатилися, Ясны очи помутилися, Чёрны брови приморгалися.* Въ Д) *Ты родимая моя матушка! Я бы рада привѣтила ясно́ва соколá: Мое сéрдце не воротится, Животъ кровью обливается, Лицё слéзьми омывается.* Въ Е) *Моё сéрдце*

воротится, Животъ кровью обливается; У батюшки гости сидятъ, А у матутки гостынька, У меня младой подруженьки. — За тѣмъ въ вар. Е). присоединена еще къ этой пѣсни другая: *Вы подруженьки голубушки*, и проч.

Не куликъ по болотамъ куликаетъ, (1)
Молодой князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ; (2)
Не одинъ князь гуляетъ — съ разными полками,
Съ Донскими казаками, еще съ егарями (3)
И онъ думаетъ, гадаетъ, гдѣ пройдтить, проѣхать: (4)
Ему лѣсомъ ѣхать очень темно,
Мнѣ лугами князю ѣхать очень было мокро,
Чистымъ полемъ князю ѣхать — мужикамъ обидно,
А дорожкою ѣхать — дорожкою пыльно;
А Москвой коли ѣхать было стыдно, (5)
Ужь поѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
Тверскою Ямскою, Новой Слободою, глухимъ переулкомъ. (6)
Подъѣзжаетъ князь Голицынъ близко ко Собору, (7)
Скидаваетъ князь Голицынъ шапочку соболью, (8)
Становился князь Голицынъ на колѣнки, (9)
На колѣнки становился, самъ Богу молился; (10)
Богу помолился, Царю Государю низко поклонился: (11)
„Ужь ты здравствуй, Государь Царь, съ своими боярами, (12)
„Съ своими боярами, съ большими князьями,
„А еще ты, Государь Царь, съ голубыми лентами,
„А еще ты, Государь Царь, съ разными полками!
„Охъ ты батюшка, Государь Царь ты нашъ православный!
. . . . . .
. . . . . .
„Ты пожалуй, Государь Царь, меня городочкомъ,
„Небольшимъ городочкомъ, Малымъ Ярославцемъ". (13)
— Нѣту, нѣту тебѣ князю, нѣтъ ни городочка,
Ни малаго, ни большаго нѣту Ярославца. (14)

Восемь варіантовъ: 1) Воронки Моск. г. 2) Тульск. г. (пѣлъ солдатъ). 3) Калуж. г., Лихв. у., имѣніе г. Полтова. 4) Орлов. губ., Малоарх. у., с. Саборово. 5) Мал. у. 6) Тульск. губ. 7) Орлов. г. и у. 8) Москов. г., с. Ильинское. Первый принятъ за текстъ.

1) 2 *этого стиха нѣтъ*. 3) У насъ только во болотѣ куликъ куликаетъ, 4) 6) Что ни куликъ куликаетъ, 5) Эхъ да ни куликъ-атъ, братцы, во чистомъ полѣ куликаетъ, 7) Ни куличинька по болоту куликаетъ.

2) 2) Во лужкáхъ-то князь Голицынъ гуляетъ, 3) Вотъ нашъ да князь Голицынъ сы полкомъ гуляе, 4) 6) Ни молоденькій князь... 5)

Ально молодой.... 7) Князь Голицынъ по лужечку гуляетъ, 8) По лужкамъ князь Голицыъ гуляетъ.

3) 2) Онъ со тѣми вѣдь со полками, все съ егерями. 3) *Этого стиха нѣтъ.* 4) 6).... съ своими полками, со любезными полками, больше съ казаками. 5) Іонъ гуляить, разгуляить на ворономъ, кони Ни одинъ князь гуляить съ своими полками, што съ своими полками, съ Донскимъ казаками 7).... съ своими полками, съ своими полками больше съ егарями. 8).... съ своими полками, съ своими полками еще съ егарями.

4) 2 Онъ и думаетъ, князь Голицынъ, гдѣ пройдтить лучше проѣхать. 3) Думалъ, думалъ князь Голицынъ, думалъ гдѣ проѣхать. 4) 6) Да онъ думаетъ князь, гадаетъ, про все размышляетъ: Вотъ и гдѣ князю Голицыну въ Москву проѣхать? 4) Вотъ онъ.... 7).... гдѣ въ Москву проѣхать 8).... гдѣ лучше проѣхать.

5) 2) Дорогою ѣхать пыльно, а лѣсомъ ѣхать тёмно. 3) Только лѣсомъ только ѣхать, лѣсомъ очень темно, только полими князю ѣхать, полими очень пыльно. 4) Вотъ и полемъ князю ѣхать, полемъ было пыльно, Вотъ и полемъ ѣхать князю да все былья, Вотъ и лѣсомъ князю ѣхать, — ему было темно; Вотъ Москвою ѣхать князю, ему было стыдно; Отъ чего же Князю стыдно?— 5) Если лугомъ князю ѣхать, — лугомъ очень мокро; Если лѣсомъ князю ѣхать, — лѣсомъ очень тёмно; Вотъ и полемъ князю ѣхать — черно, пыльно; Што Москвою князю ѣхать, Москвой очень стыдно. 6) Вотъ и полемъ князю ѣхать, полемъ было пыльно, Вотъ и лѣсомъ князю ѣхать, ему было страшно, Вотъ Москвой... *какъ въ 4-мъ вар.*, Полемъ (князю ѣхать черно) бльно, лужичкомъ князю ѣхать — трава павелика; Лѣсомъ князю ѣхать будетъ темно; Большой дорогой князю ѣхать будетъ пыльно, Большой улицей князю ѣхать, будетъ отъ господъ стыдно. 8) Ужь и полемъ князю ѣхать ему пыльно, Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать было страшно, А дорогой князю ѣхать было стыдно.

6) 2) Новой слободой — *нѣтъ* 3) Только ѣхалъ князь Голицынъ, ѣхалъ все проулками, Все проулками, закоулками. 4) 6).... улицей Тверскою, Слободой Ямскою, къ новому Собору. 5) Вотъ онъ крался князь, пробирался улицей Тверскою, Што и улицей Тверской, Охотнимъ рядомъ. 7) Поѣхалъ князь Голицынъ глухимъ переулкомъ. 8) Ужь поѣхалъ князь Голицынъ переулкомъ.

7) 2)..... прямо ко Собору 3)..... Кы цареву кы Собору. 4) 6) *этого стиха нѣтъ* 7).... Къ Успенскому Собору. 8) близко *нѣтъ.*

8) 3) Онъ скидаетъ.... 4) 6) Онъ скидаетъ шапочку саболью, несетъ онъ съ собою 7).... шапочку соболью, Кладетъ онъ ее передъ собою 8) Скидавалъ-то князь Голицынъ пуховую шляпу.

9) 2) 4) 5) 6) 7) *этого стиха нѣтъ.* 3) Онъ Богу молился, низко поклонился, Низко, низко только поклонился, упалъ на колѣнки.

10) 2) Вотъ и сталъ князь Голицынъ Богу онъ молиться. 3) *эт. ст. нѣтъ* 4) Онъ сталъ Голицынъ, сталъ Богу молиться 5) Вотъ онъ Богу-то помолился, на всѣ три сторонки. 6) Вотъ и молится Голицынъ Спасу со Пречистой. 7) На колѣни князь становился, Богу онъ молился. 8) *эт. ст. нѣтъ.*

11) 2) На всѣ стороны князь Голицынъ поклонился 3) *эт. ст. нѣтъ.* 4) 6) Вотъ и Богу князь помолился, да всѣмъ поклонился 5) На четвертую сторонку Царю поклонился 7) Богу онъ молился, Царю поклонился 8) И онъ кланялся Царю бѣлому, Кланялся князь Голицынъ господамъ всѣмъ боярамъ.

12) 2) Съ своею Царевной 3) 8) *эт. ст. нѣтъ* 4) 6).... со своей Царицей 5).... съ своими полками *вар. кончился.* 7) Здравствуй Государь Царь надежа моя.

13) 2) Вотъ ты жалуешь, Государь Царь, князьевъ и бояревъ, Вотъ ты жалуешь, Государь Царь, мàлыми чинами, А ты пожалуй-ко меня Государь Царь, меня городочкомъ, Вотъ и тѣмъ ли же городочкомъ Малымъ Ярославцемъ! — "Вотъ и чѣмъ же тебѣ, князь Голицынъ, городъ показался?" — Хорошо Ярославь городъ построенъ, на рѣчкѣ поставленъ, — Вотъ въ томъ ли городочкѣ много зе́леныхъ садочковъ! Что во тѣхъ ли во садочкахъ гуляютъ дѣвòчки, Гуляютъ дѣвòчки, генеральскія дочки. 3) Ужь чѣмъ, Государь Царь, чѣмъ жа насъ пожалуешь? 4) 6) Ужь ты жалуй, Царь, господъ разными чинами. А меня князя Голицына малымъ городочкомъ, Да вотъ малымъ городочкомъ, славнымъ Ярославомъ. 7) Чѣмъ ты, Государь Царь, господъ жалуешь? "Господъ я жалую чинами, купцовъ городами". — А меня, Государь Царь, жалуй городочкомъ, Жалуй городочкомъ Малымъ-Ярославцемъ. — "Чѣмъ же тебѣ, князь, Ярославь городъ показался?" — Показался мнѣ Ярославь городъ садами: Во первомъ во садикѣ гуляли генеральскія дочи, Во другомъ во садикѣ гуляли купеческія дочки 8) *эт. ст. нѣтъ.*

14) 2) 4) 6) *эт. ст. нѣтъ* 3) пожалую тебѣ, князь Голицынъ мелкими деревнями, Мелкими деревнями, новыми городами: Они тёсомъ не(о)бложоны, небомъ не покрыты. 8) Вы стройте мнѣ, бояре, каменны палаты, Что не крытыя, не мшоны, совсѣмъ не свёршены.

Важное значеніе варіантовъ въ пѣсняхъ особенно-наглядно выражается, напримѣръ, въ пѣснѣ о князѣ Волконскомъ и Ванѣ ключникѣ. Въ моемъ собраніи, нынѣ предлагаемомъ публикѣ, я представляю это народное созданіе въ трехъ варіантахъ, и пѣсню про молодца въ которой разсказывается подобное же происшествіе. Какъ варіанъ той же пѣсни замѣчательны: 1) въ древнѣйшей, по всей видимости, формѣ о Дунаѣ Ивановичѣ (напечатанной въ „Извѣстіяхъ Академіи"), 2) въ формѣ, сохраненной новиковскимъ пѣсенникомъ:

Гулялъ молодецъ по Украйнѣ ровно тридцать лѣтъ,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву.

3) въ смутной и темной формѣ пѣсенъ о князѣ Волконскомъ, напечатанныя О. М. Бодянскимъ въ III № Чтеній 1859 года, 4) наконецъ въ позднѣйшей, искаженной трактирной цивилизаціей формѣ: „Любила княгиня камеръ-лакея", помѣщенной во многихъ старыхъ сборникахъ пѣсенъ.

Другая важная сторона значенія варіантовъ уясняется изъ извѣстной пѣсни:

Ахъ ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по прежнему?...

равно относимой народнымъ творчествомъ къ Іоанну IV, Петру I, Петру II, Петру III, Екатеринѣ (вѣроятно, II), къ Павлу I и къ Александру I. Эпическія формы остаются тѣ же, но прилагаются къ разнымъ лицамъ. Такъ еще пѣсня, сложенная про смертть Лопухина изъ эпохи „Семилѣтней войны", приложена къ французскому нашествію. Вообще географическимъ названіямъ и именамъ историческихъ лицъ не должно приписывать въ пѣсняхъ бо̀льшаго значенія. Въ Новгородѣ и Псковѣ является часто и совершенно-неумѣстно Иванъ IV; въ Орлѣ, Воронежѣ, Тамбовѣ и проч. Петръ I; въ низовыхъ губерніяхъ: Симбирскѣ, Саратовѣ и проч. Алексѣй Михайловичъ (*).

Такъ въ приведенной выше пѣснѣ является Карамышевъ, въ пѣснѣ объ осадѣ Соловецкаго монастыря Салтыковъ, лица, неучаствовавшія въ событіяхъ, о которыхъ въ пѣсняхъ разсказывается.

Вообще я долженъ замѣтить, что баллады представляютъ гораздо-болѣе варіантовъ, чѣмъ пѣсни чисто-лирическія. Изъ послѣднихъ мож-

(*) Я имѣлъ эту пѣсню изъ Вятки, Новгорода, Костромы, Москвы, Орла, Воронежа. Всѣхъ списковъ я знаю до 20-ти.

но указать на нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, „Калина съ малиною лазоревый цвѣтъ“, извѣстная въ народѣ подъ названіемъ „*Веселая бесѣдушка*“, рѣшительно не представляютъ варіантовъ (кромѣ выговора) (*). Свидѣтельствуетъ ли это въ пользу ихъ древности — предоставляю рѣшить знатокамъ. Укажу еще на пѣсню: „ Охъ ты садъ ли мой садочикъ“ представляющую своей конструкціей большое сходство съ одной изъ древнѣйшихъ славянскихъ пѣсенъ, съ пѣснею о *Розѣ*, Краледворской рукописи.

Желательно, чтобъ изданы были голоса пѣсенъ. До-сихъ-поръ, кромѣ труда покойнаго М. А. Стаховича, нельзя указать ни на одно собраніе, которое сколько-нибудь удовлетворяло бы требованію истинныхъ знатоковъ. По моему мнѣнію, въ этомъ отношеніи должны быть сохраняемы варіанты мотивовъ, разнообразные по мѣстностямъ. Въ настоящее время мнѣ удалось слышать пѣсни, аранжированныя для пѣнія К. П. Вильбоа, какъ мнѣ кажется, эти аранжировки, удовлетворятъ своею вѣрностью и художественностью самыхъ строгихъ судей этого дѣла.

Извѣстно, что пѣсни П. В. Кирѣевскаго переданы въ общество любителей россійской словесности и мы надѣемся, что онѣ скоро будутъ изданы, какъ одному лицу, какова ни была бы любовь его къ дѣлу, никогда издать не удастся. Но какъ бы онѣ ни были изданы, должно желать одного, чтобъ онѣ были изданы скорѣе: изданіе ихъ можетъ быть всегда повѣрено съ оригиналами, которые, какъ я знаю, должны быть переданы въ петербургскую публичную библіотеку или въ московскій университетъ.

ПАВЕЛЪ ЯКУШКИНЪ.

СТИХИ.

I.

СТИХЪ ПРО ЕГОРІЯ ХРАБРАГО.

Во седьмомъ году восьмой тысячи
Наѣзжалъ царище Кудрянище
Ко тому ли городу Чернигову.
Онъ князей бояръ всѣхъ повырубилъ;
Благовѣрнаго князя Ѳедора
Онъ подъ мечъ склонилъ,
Голову срубилъ.
Оставалося чадо малое,
Молодой Егорей свѣтло-храбрый:
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
По колѣна ноги въ чистомъ серебрѣ,
И во лбу солнце, во тылу мѣсяцъ,
По косицамъ звѣзды перехожія.
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ Егорья-свѣта мучити
Всякими муками да разноличными.
Началъ онъ Егорья топорами сѣчь:
Топоры все зубье прикрошилося,
А Егорья свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило,
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ онъ Егорья пилой пилить:
У пилы все зубье прикрошилося,
Прикрошилося, все приломалося,
А Егорья свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Онъ, того, собака, не пытаючи,
Началъ Егорья водой топить,
Колесомъ вертѣть:
Колесо въ щепу все приломалося,

А Егорья-свѣта не уязвило,
Не уязвило, не укровавило.
Онъ того, собака, не пытаючи,
Началъ онъ Егорья въ котлѣ варить:
Егорей-свѣтъ въ котлѣ стойкомъ стоитъ,
Стойкомъ стоитъ, самъ стихи поетъ,
Стихи поетъ все херувимскіе,
Подъ котломъ растетъ трава муравлена,
Растутъ цвѣточки лазоревы.
Онъ, того, собака не пытаючи,
Копалъ погреба глубокіе,
Долины погребъ двадцати саженъ,
Ширины погребъ тридцати саженъ,
Глубину погребъ сорока саженъ,
Посадилъ Егорья-свѣта съ матерью
Во тотъ погребъ во широкой:
Задергивалъ рѣшотки желѣзныя,
Желтымъ пескомъ призасыпывалъ,
Сѣрымъ каменьемъ призаваливалъ,
Муравой травой замуравливалъ.
Онъ пошелъ, собака, похваляется:
„Не бывать-ска Егорью на святой Руси,
Не видать Егорью свѣта бѣлаго,
Свѣта бѣлаго, солнца краснаго.“
По Егорьевой было по участи,
И по Божьей было по милости,
Стонка завѣвали вѣтры буйные
Изъ того изъ далеча чиста поля:
Муравy-траву всю размуравило,
Сѣро каменье все приразвалѣло,
Желты пески всѣ приразвѣяло,
Рѣшеточки всѣ прираздергало.
Выходилъ Егорей на святую Русь,
Увидалъ Егорей свѣта бѣлаго,
Свѣта бѣлаго, солнца краснаго,
Сталъ просить благословенія,
Благословенія матушки родимыя
Поѣхать къ Кудревяну Кудреянищу
Изместить обиды всѣ родительскія.
Унимаетъ его матушка родимая:

„Не поѣзжай: у Кудреяна Кудреянища
Есть три заставы, три великія;
Первая застава великая:
Стоятъ лѣса темные,
Они засѣли до неба;
И стиглому и сбѣглому проходу нѣтъ,
И удалому молодцу проѣзду нѣтъ.
А другая застава великая:
Стоятъ двѣ горы высокія,
Разойдутся, да вмѣстѣ столкнутся:
Ни стиглому, ни сбѣглому проходу нѣтъ,
Ни удалому молодцу проѣзду нѣтъ.“
Ой же ты—матушка родимая!
Не Божіимъ все есть изволеніемъ—
Все вражіимъ наважденіемъ!
Поѣхалъ удалый доброй молодецъ;
Пріѣхалъ къ лѣсамъ темныемъ.
„Ой все вы лѣсы, лѣсы темные!
Полноте-ко врагу вѣровать,
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣта храбраго!“
Стали лѣсы по старому,
Стали лѣсы по прежнему:
Проѣхалъ Егорей-свѣты храбрый.
Пріѣхалъ къ горамъ высокіимъ:
„Полноте-ко горы врагу вѣровать!
Вѣруйте-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣты храбраго!“
Стали горы по старому,
Стали горы по прежнему;
Проѣхалъ Егорій-свѣты храбрый.
Пріѣхалъ къ рѣкѣ огненной:
„Полно-ко рѣка врагу вѣровать!
Вѣруй-ко въ Господа распятаго,
Самаго Егорья-свѣты храбраго!“
Стала рѣка по старому,
Стала рѣка по прежнему.
Колотятъ платье двѣ дѣвицы,
Двѣ русскія полоняночки.
„Ой же ты удалый добрый молодецъ!

Есть еще у Кудреяна Кудреяныча,
Есть три заставы, три великія:
Первая заставь: сидитъ надъ крыльцомъ птица:
Унесетъ тебя въ чисто поле,
Малымъ дѣтямъ да на съяденье.
Надъ крыльцомъ сидитъ змѣя лютая:
Ухватитъ тебя на хоботъ свой,
Унесетъ тебя въ чисто поле,
Малымъ дѣтямъ на съяденье.
Въ палатахъ у него есть мечъ самосѣкъ,
Отсѣкетъ у тебя буйну голову".
— Все это не Божіимъ изволеніемъ,
Все вражіимъ наваждeніемъ!
„Охъ ты птица, птица, лети въ чисто поле,
Хватай поганыхъ татаровей!
Охъ ты змѣя, змѣя лютая!
Лети змѣя въ чисто поле,
Хватай поганыхъ татаровей!
Охъ ты мечъ мечъ, мечъ самосѣкъ,
Ссѣки у Кудреяна Кудреянища,
Ссѣки буйну голову."

(Арханг. Губ., зап. *С. В. Максимовъ*.)

II.

СТИХЪ ПРО ЕГОРІЯ ХРАБРАГО.

Во шестомъ году въ осьмой тысячи,
Да при томъ царѣ да при Ѳедору,
Да при той царицы благовѣрныя,
Да при святой Софіи премудрыя,
Спородила она да три дочери,
Да три дочери, да три любимыи,
Четвертава сына свѣтъ Егорія,
Свѣтъ Ягорія, свѣтъ Храбрава:
По колѣни въ нево ноги въ золыти,
По локоть руки въ чистымъ серибри,

Волоса на немъ, что ковыля трава (*).
Вотъ изъ той земли басурманскія,
Испавѣдывалъ царь басурманища,
Онъ са всей силаю са жидовскаю;
Онъ сикётъ и рубётъ, вы полонъ беретъ!
Заполонилъ же ёнъ да три дѣвицы,
Енъ нагналъ за аграды за рубежнаи,
Приставлялъ ку стаду ка звяринаму,
Ку сѣрымъ валкамъ басурепымъ-жа (**).
Онъ сталъ царища басурманища,
Онъ сталъ жа въ Ягорія распрашивать,
Распрашивати, разгаваривати;
„Какова ты роду, какова племеню,
„Али барскыва, князіянскыва?“
А яму Ягорій атказываить,
А яму Хвабрый атгаварываить:
„Я таво роду христьянскава.“
Ты повѣруй вѣру ты ко мнѣ царю къ басурманищу.
Яму Ягорій атказываить,
Яму Хвабрый атгаваріваить:
„Не повѣрую вѣру я къ тибѣ къ царю!
Я повѣрую вѣру къ сыманту Христу,
Сыманту Христу—Царю Небеснаму,
Ищо матири Быгародици,
Святой Софеи премудрые,
Ищо Троицы нераздѣльный.“
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Ягорья крѣпко мучити,
Крѣпко мучити разноличными.
Пывялѣлъ Игорія во ножи рѣзать:
У нажахъ концы пытламалиси,
Мастировъ руци патымалиси;
Ничаво Игорію не вредиласи:
Уся яво тѣло суцѣляласи.
Пывялѣлъ царища басурманища,

(*) Т. е. Людей норовятъ съѣсть: такъ Ягорій волковъ прозвалъ. (Прим. пѣвца.)

(**) Въ воображеніи народа Егорій представляется такимъ, какимъ пишется на иконахъ.

Пывялѣлъ Игорія въ тапары рубить:
У тапарахъ лезья потломалиси,
Мастеровъ руци апущалиси.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Игорья ва пилы пилить:
У пилахъ зубья пывтиралиси,
Мастеровъ очи помишалиси;
Ничаво Игорью ни врядилоси:
Уся яго тѣла суцилялоси!
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Ягорья на маряхъ тапить,
На маряхъ тапить съ бѣлымъ каменемъ:
Енъ паёть стихи херуимскія,
Да гласомъ гласить по-евангельски,
Да сверхъ жа воды Ягорій плаваить!
Ничаго Ягорью не вредилоси:
Уся яво тѣла суцилялоси.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Игорья вы смалѣ варить,
А смола кипить, яко громъ гремить,
А сверхъ воды (*) Ягорій плаваить!
Ничаго Игорію ни врядилоси:
Уся яво тѣла суцилляласи.
Пывялѣлъ царища басурманища,
Пывялѣлъ Ягорію яму капать:
Глубины яма сорока сажонъ,
Поперечины двадцати сажонъ.
Пысадили Ягорья въ глубаку яму,
Паталочили доски желѣзнаи,
Прибивали гвоздями полуженнами,
Засыпали пясками рудожелтами;
А самъ царища басурманища,
Самъ притаптывалъ, пригаваривалъ:
„Не хадить Игорію по биломъ свѣту.
„Не видать Игорію сонца краснива,
„Не видать Игорію мѣсяца яснива!“
Изъ-за горыда Русалимскава

(*) Вѣроятно: *воды* вмѣсто *смолы*, по ошибкѣ пѣвца.

Высхадила туча да пригрозныя,
Да пригрозныя, вятры буйнаи,
Разносили пяски рудажолтаи,
Грамава туча доски желѣзнаи:
Выходилъ Ягорій да на бѣлый свѣтъ:
Увидалъ Ягорій сонца красныя,
Увидалъ Ягорій мѣсяцъ ясныя;
Пошолъ жа Ягорій да ва тотъ ва градъ,
Да ва томъ во гради нѣтъ ни старыва,
Нѣтъ ни старыва, нѣтъ ни малыва,
Только стаить церква саборная,
Да саборныя быгамольныя;
Да ва той церкви вы саборныя,
Адна мать пречистая Быгародица,
Святая Сафея премудрая.
Какъ святой Игорій проглаголуеть:
„Мать пречистая Быгародица,
Святая Сафея премудрая!
Ты атдай мнѣ блааславленіе:
Пойду я къ царищу басурманищу,
Да стану за вѣру христіянскую,
Атплачу яму дружбу прежнію.“
Она яму проглаголуить:
„Ты пади ва тѣ степя,
Ты возьми каня богатырскыва,
Са всею оружію ваенную.“
Паѣхалъ Ягорій на круты горы,
На круты горы, на талкучія;
А крутыя горы сыхадилиси,
Да негди Ягорію праѣхати.
А имъ жа Ягорій проглаголывалъ:
„А горы маи, да все крутыи!
Да вы станьте-ка-сь, горы, да по старому;
Построю на васъ церкву саборнаю,
Саборнаю быгамольнаю.“
Вотъ та застава миноваласи!
Пыдъизжалъ Ягорій кы тямнымъ лясамъ,
А тямны лиса кы сырой земи прикланилиси.
А имъ Игорій проглаголывалъ:
„Ай вы ляса мои пріагромнаи,

Станьтя ляса па стараму:
Я буду сѣчь, рубить сы малитвами,
Буду изъ васъ строить церкви соборныи,
Да соборныя, быгамольнаи".
Вотъ и та застава миноваласи!
Пыдъязжалъ Ягорій кы таму стаду,
Кы таму стаду ка звяринаму;
А звѣрямъ Ягорій проглаголывалъ:
„Разойдитеся и гдѣ одинъ-два,
Пы чистымъ палямъ, пы тямнымъ лясамъ,
Да пейте, вы ѣшьте, повелѣнная."
Вотъ и та застава миноваласи!
Стада пасили красныя дѣвушки,
Ягоріевы родныя сестрицы.
Краснымъ дѣвицамъ Ягорей проглаголуетъ:
„Вы сойдитекаси на Кіянь моря,
Вы абмойте шерсть басурманскую;
На васъ станить тѣла христіянская,
А вѣруйте самому Христу,
Самому Христу, Царю небесному:
Ещо матери Быгародицы,
Во святой Софеи во премудрыя,
Пресвятой Троицы нераздѣлимыи."
Подъѣзжалъ Ягорій кы таму дворцу.
На вратахъ сидитъ Великанъ птица,
Во носѣ держитъ Севру рыбу.
Када Севръ рыба пыворотитси,
Всѣ синія моря выскалухнутси.
Рыбы Ягорій проглаголуить:
„Ходи жа ты, рыба, по синемъ мори."
А птицы Игорій проглаголывалъ:
„Ходи жа ты, птица, крутымъ берегамъ,
Питайси жа, птица, бѣлай рыбицай."
Пыдъѣзжалъ Игорій къ царищу басурманищу,
Всталъ царища басурманища Ягорья упрашивати,
Ягорія упрашивати, уговаривати:
„Погоди ко си ты на три года."
А яму Игорій атказиваить:
„Ни на три года, ни на три часа."
Размахнулъ оружія ваенная,

Разсѣкъ палаты бѣлакаменны,
Досталъ царища басурманища,
Атплатилъ яму дружбу прежняю,
Дружбу прежнію, кровь гарючаю,
За тае за вѣру христьянскаю!
Слава великая Игорія похожденія!

(Орловск. Губ. Малоарх. у., с. Сабурово. Пѣлъ Иванъ Кондращевъ. 1858 г. 16 мая.)

III.

СТИХЪ ПРО ЕГОРЬЕВЫ МУЧЕНЬЯ.

При томъ царѣ, при Ѳедорѣ,
У его была царица благувѣрная,
Благувѣрная, благучестивая.
Спородила царица она три отрока:
Два отрока-отроковицы,
Третьяго отрока Егорья Храбраго.—
Изъ того ли изъ града изъ Китаева
Подымался невѣрный царь Диклитіанище;
Іерусалимъ , святой городъ, весь повыгубилъ;
Онъ князей и бояръ всѣхъ подъ мечъ склонилъ:
А онъ Божьи церквы всѣ на дымъ пустилъ;
Святыихъ образовъ подъ коней послалъ;
А благовѣрнаго царя Ѳедора
Онъ взялъ его, невѣрный царь, за желты кудри,
Отводилъ его далече во чисто поле;
Отрубилъ онъ мечемъ ему буйную голову.
А Егорья, отрока премладова—
Онъ мучилъ его мукамъ всякіимъ разныимъ:
Онъ пыталъ Егорья батожьемъ стегать,
Батожьемъ стегать, все желѣзныимъ;
Не взяло Егорья батожьемъ стегать:
Батожья отъ Егорья всѣ переломалися,
Мастеровыя руки опущалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и колесомъ тереть;
Не взяло Егорья колесомъ тереть:

Колесо все отъ Егорья извертѣлося;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ пыталъ Егорья и пиламъ пилить;
Не взяло Егорья и пиламъ пилить:
Всѣ пила отъ Егорья препзгибалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ пыталъ Егорья и топорамъ рубить,
И не взяло Егорья и топорамъ рубить:
Топоры всѣ отъ Егорья преломалися,
Мастеровыя руки опущалися;
Ничего Егорью тутъ не сдѣлалось.
Онъ невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ пыталъ Егорья во смолѣ варить,
Не взяло Егорью во смолы кипѣть.
Онъ пыталъ Егорья и на воды топить,
Не взяло Егорья и на водѣ тонуть:
Онъ противъ воды, Егорій, гоголемъ плыветъ,
Гоголемъ плыветъ, самъ стихи поетъ—
Онъ стихи поетъ, Егорій, херувимскіе,
Херувимскіе поетъ по-архангельски.
Онъ, презлой, невѣрный царь Диклитіанище,
Онъ беретъ Егорья за бѣлы руки,
Отводитъ далече его во чисто поле,
На славную гору Сорочинскую.
Приказалъ онъ выкопать ему глыбокъ погребъ—
Глыбиною былъ погребъ сорока саженъ—
Посадилъ онъ свѣта Егорья во глыбокъ погребъ,
Задвигалъ онъ его рѣшетками все зелѣзными,
Засыпалъ онъ песками рудожелтыми;
Онъ дубьемъ и колодьемъ заворачивалъ;
Онъ самъ, невѣрный царь, приговаривалъ:
„Не бывать теперь Егорью на бѣломъ свѣту,
Не видать Егорью солнца краснаго,
Не слыхать Егорью повелѣнья божьяго!“
Самъ пошелъ онъ, невѣрный царь,
Во свой Китай городъ,
Во свое во царство беззаконное.
Онъ Егорьевыхъ двухъ милыхъ сестеръ,
Онъ побралъ, проклятый, во полонъ къ себѣ,

Заставлялъ онъ ихъ пасти стада звѣриныя:
Звѣрей разныихъ, разноличныихъ,
Миновало тому время ровно три года:
Подымалися вѣтра буйные
На славную гору Сорочинскую;
Всѣ дубья, колодья разворачило,
И пески желтыи всѣ поразвѣяло;
Раскрывалися рѣшетки всѣ зелѣзныя;
Выходилъ Егорій вонъ изъ погреба.
Помолился Егорій на образа Спаспителя;
Пошелъ Егорій Храбрый онъ въ Іерусалимъ-городъ.
Іерусалимъ, ихный городъ, весь повыгубленъ;
Только оставши во святомъ градѣ, въ Іерусалимѣ,
Единая полата бѣлокаменная
Его батюшки, царя Ѳеодора,
Да еще былъ оставши второй Давыдовъ домъ.
Взошелъ Егорій Храбрый въ свои палаты бѣлокаменны;
Онъ крестъ держалъ, Егорій, по писанному,
Онъ поклонъ поклонялся до сырой землѣ
Своей матушкѣ Софьѣ, царицы благувѣрныя:
„Здравствуй, родимая, родная матушка,
Софья царица, мать благувѣрная!“
Возговоритъ Егорью родная матушка:
„Ровно три года солнце не пекло
На мои палаты бѣлокаменныя;
Но теперь мнѣ солнце возсіяло
Во моихъ палатахъ бѣлокаменныхъ.“
Онъ началъ, Егорій, просить у матери благословленія:
„Благослови, родимая, родная матушка,
Меня иттить ко злому царю Диклитіанищу.
Отплатить ему дружбу прежнюю,
Отлить мнѣ кровь своего батюшки.“
Возговоритъ Егорью родная матушка:
„Мое дитятко ты премладое,
Гдѣ жь тебѣ иттить ко злому царю Доклитіанищу?“
Возговоритъ Егорій своей родной матери:
„Благословишь—пойду, и не благословишь—пойду.“
Благословила Егорья родная матушка,
Благословила его святымъ образомъ.
Выходилъ Егорій изъ палаты вонъ:

Онъ пошелъ, Егорій, на конюшенъ дворъ,
Выводилъ коня Егорій самолучшаго,
И садился свѣтъ-Егорій на коня храбраго.
Поѣхалъ свѣтъ-Егорій къ царю Диклитіанищу!“
Ну, на той пути, на дороженькѣ
Повстрѣчалося Егорью несчастье великое:
Напущалъ онъ Диклитіанъ на Егорья сѣрыхъ волковъ.
Возговоритъ Егорій звѣрямъ—сѣрымъ волкамъ:
„Разойдитеся вы на всѣ четыре стороны,
По степямъ, по лѣсамъ, по чистымъ полямъ;
Пейте и ѣшьте вы мое повелѣнное,
Егорьево благословенное.“
Поѣхалъ свѣтъ-Егорій Храбрый къ царю Диклитіанищу;
Опять на той пути-дороженькѣ
Повстрѣчалося Егорью несчастье великое:
Посреди пути-дороженьки лежитъ тутъ змѣя горюница:
О двѣнадцати змѣя была головахъ,
О двадцати четырехъ хоботахъ.
Тутъ Егорій Храбрый пріужахнулся;
Онъ беретъ свое жезло булатное,
Жезло булатное и свой вострый мечъ.
Онъ возговоритъ, Егорій, змѣи горюницѣ:
„Отойди, змѣя, ты съ пути долой.“
Предъ нимъ змѣя она попротивилась;
Онъ разсѣкъ змѣю на мелки части,
Самъ поѣхалъ Егорій Храбрый къ царю Диклитіанищу.
Пріѣзжалъ Егорій во Китай-городъ,
Ко тому дворцу, ко царскому,
Закричалъ Егорій своимъ громкимъ голосомъ:
Узналъ царь Диклитіанъ гласъ Егорьевскій.
Выходилъ царь Диклитіанъ на свой на крутой крылецъ;
Онъ поклонъ поклонялся Егорью понизешеньки.
Возговоритъ Егорій царю Диклитіанищу:
„Ты повѣруешь ли вѣру христіанскую,
Ты состроишь ли во своемъ градѣ три церквы соборныя“?
Диклитіанъ царь нашему Богу не повѣровалъ.
Онъ беретъ, Егорій Храбрый, свой острый мечъ,
Отрубилъ Егорій Храбрый царю буйную голову,
А онъ пхное все царство беззаконное
Привождалъ во вѣру христіанскую.

IV.

СТИХЪ ОБЪ ОЛЕКСАФІИ.

Посторонъ святаго града Іерусалима
На земли было три царства беззаконныихъ:
Первое царство былъ Содомъ городъ,
А второе царство былъ Гоморъ городъ,
А третье было царство Рахлинское.
На ихнее беззаконіе великое—
Да не могъ на нихъ самъ Господь смотрѣть.
Содомъ и Гоморъ Господь скрозь земли прослалъ,
А на этое третье царство, на Рахлинское
Напущалъ Господь Богъ на нихъ змѣя лютаго,
Давали они со города скотиною
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
И ко пещерскому на прожреніе.
Во градѣ скота у нихъ мало осталося:
Давали они со города по головы,
По головы человѣческой,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.
Во градѣ людей у нихъ мало оставалося,
Собиралися всѣ жители рахлинскіе
Къ самому оны царю на широкій дворъ;
Метали они жеребьемъ самоволжевымъ
Со самымъ царемъ со Агаѳіемъ.
Но жеребье царю доставалося
Ко лютому змѣю иттить на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.
Прикручинился царь и припечалился.
Возговоритъ ему царица рыхлинская:
„Не кручинься, царь, и не печалуйся;
У насъ есть съ тобой кѣмъ замѣнитися;
У насъ есть съ тобой дитя единое:
Она единая дочь не милая;
Она вѣруетъ вѣру все не натую:

Богу молится она распятому;
Отдадимъ мы Олексафію ко лютому змѣю,
Ко лютому змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.“
Многой радостью царь изнаполнился,
Приходилъ онъ въ полаты бѣлокамены,
Ко своей ко дщери къ одинокія;
Вызывалъ онъ въ упокой ее во особый,
Уговаривалъ онъ дочь, обманывалъ:
„Ты, прекрасная Олесафія Агапеевна,
Ты вставай-ка, Олесафія, изъ утра ранешенько,
Умывайся, дѣвица, бѣлешенько
И снаряжайся, Олесафія, хорошехонько:
Изъ утра я буду тебя замужъ давать,
Ты въ которую вѣру вѣруешь.“
Срадовалася Олексафія, взвеселилася,
На ложницу она спать не ложилася:
Всю темную ночь она Богу молилася;
Молилася она Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью-свѣту, Храброму.
Между тѣмъ дѣвицы и утро пришло.
Вставала Олексафія ранешенько,
Умывалася она бѣлешенько,
Снаряжалась она хорошехонько.
Выходила Олексафія на крутой крылецъ,
Взглянула Олексафія на широкій дворъ:
Посреди двора было царскаго—
Тутъ стоитъ корета сама черная,
Припряжены кони неученые.
Посаженъ дѣтина въ платьѣ травурномъ;
Ино тутъ же Олексафія догадалася,
Горячимъ слезамъ она облпвалася:
„Не на то меня мать спородила,
Чтобъ отдать меня во свою вѣру;
А на то меня мать спородила:
Отдаетъ меня батюшка ко люту змѣю,
Ко люту змѣю на съѣденіе,
Ко пещерскому на прожреніе.“
Повели Олексафію со крута крыльца,

Сажали Олексафію въ корету черную,
Повезли Олексафію ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Выходила Олексафія изъ кореты вонъ,
Садилась Олексафія на крутой берегъ
Ко тому ко морю ко синему.
Уѣзжалъ дѣтина въ платьѣ траурномъ:
Оставалась Олексафіи одинешенька.
На листу у Олексафіи было написано:
Святые ангелы были все, архангелы.
Молилась Олексафія Спасу Пречистому,
Второму Миколы Барградскому,
Третьему Егорью-свѣту Храброму.
Услышалъ Господь Богъ ея моленье,
Посылалъ Господь Богъ Егорья Храбраго
Для храненія дѣвицы отъ змѣя лютаго.
Пріѣзжалъ Егорій на добромъ конѣ,
Онъ слѣзалъ, Егорій, съ коня храбраго;
Онъ поклонъ воздалъ дѣвицы низешенько:
„Богъ на помочь тебѣ, царская дочь Олексафія!“
Давалъ Егорій Храбрый свой шелковъ поводъ
Олексафіи дѣвицы на бѣлы руки:
„Подержи ты, говоритъ, Олексафія, моего коня,
А больше того смотри сама на сине море:
Когда на морѣ волна будетъ подыматися,
Изъ пещеръ змѣя лютая появлятися;
Ты тогда меня, дѣвица, ото сна сбуди.“
Онъ возговорилъ Егорій, а самъ спать уснулъ.
Держала Олексафія коня храбраго,
Больше того смотрѣла на сине море.
На морѣ волна стала колыбатися,
Но тутъ же Олексафія она испугалася,
Горячими слезами она обливается.
Начала дѣвица Егорья ото сна будить;
Не могла она Егорья ото сна сбудить.
Она жалко Олексафія сама росплакала:
Покатились у Олексафіи горючи слезы
На Егорьево на бѣло лице;
Оттого Егорій ото сна возсталъ.
Онъ беретъ свое жезло булатное,

Онъ пошелъ Егорій ко синю морю,
Ко тому ко восходу ко змѣиному.
Онъ бьетъ змѣю копьемъ во прожорище:
„Ты будь змѣя и кротка, и смирна;
Ты пей и ѣшь мое повелѣнное,
Олексафіено благословенное.“
Распоясалъ Егорій свой шелковъ поясъ,
Онъ продѣлъ змѣи насквозь прожорище,
Онъ давалъ Олексафіи на бѣлы руки,
Онъ давалъ, Егорій, самъ наказывалъ:
„Поведиткась, Олексафія, змѣя лютаго
Во свое во царство рахлинское,
Скажи батюшкѣ царю Агапію,
Пущай повѣруетъ вѣру христіанскую,
Пусть состроитъ онъ три церквы соборныя;
Ежель не повѣруетъ онъ вѣры христіанскія,
Ты пусти змѣю на свою волю,
Потребитъ змѣя ихъ всѣхъ до единого,
Не оставитъ имъ людей на сѣмены“.
Повела Олексафія змѣя лютаго
Во свое царство во рахлинское,
Становилась Олексафія посреди града,
Закричала Олексафія женскимъ голосомъ:
„Ты услышь, мой отецъ, рахлинскій царь!
Ты повѣруишь ли вѣру христіанскую,
Ты состроишь ли три церквы соборныихъ?
Ежель ты не повѣруешь вѣры христіанскія,
Я пущу змѣю на свою волю,
Потребитъ змѣя васъ всѣхъ до единого,
Не оставитъ вамъ людей на сѣмены.“
Царь со радости онъ вѣры повѣровалъ,
Онъ создалъ свою заповѣдь великую:
„Я сострою три церквы соборныя:
Церковь Матери Божьей, Богородицы,
Еще Троицы Живоначальныя
И святому Егорью-свѣту Храброму.
Я не разъ Егорью буду въ году вѣровать,
Я не разъ ему въ году—два раза.“

V.

СТИХЪ ПРО БОРИСА И ГЛѢБА.

Востошная сдержавная
Какъ у славнымъ гради у Кееви (*)
А жилъ себѣ Володимеръ князь,
Володимеръ князь Володиміравичъ;
Енъ имѣлъ сибѣ двинадцать сыновъ,
Двинадцать сыновъ любезнѣйшехъ;
Только взлюбилъ ёнъ трехъ сыновъ:
Святова и Глѣба, Бориса,
А третьива Святаополка,
Той имѣлъ сибѣ за большаго сына.
Дѣлилъ грады на три части:
Что Кеевъ градъ, Черниговъ градъ Святому и Глѣбу, Борису
Привдавъшанъ (**) градъ Святополку.
Святой Полокъ пишеть листы,
Пишеть листы къ меньшимъ братьямъ:
„А вы братья, вы и меньшія!
Выѣзжайте въ чистоя поля,
Въ чистоя поля пиръ пировать,
Пиръ пировать, атца паминать“.
Бяруть письмо, сильно плачуть,
Дабровъ конивъ сидлаивчи,
Въ чистоя поля ваизжаивчи,
Вѣлы шатры раскинаивчи.
Святой Полохъ наѣзжаивчи,
Глѣба нажомъ зарѣзаивчи,
Вариса капіемъ закаляивчи
(Въ) топки болоты отволачаювчи
Подъ гнилу колоду подкладаивчи.
Ляжатъ мощи тридцать три года,
Ничаво мощамъ не врядиласи,

(*) Во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ варіантахъ или: «Съ восточнаго державія», или «Восточное державіе».

(**) Т. е. самый бѣдненькій градъ. *Прим. пѣвца.*

Ни ятъ солнца ни засохли,
Ни ятъ вѣтру ни завѣтряли,
Ни ятъ дожжу ни сатлѣли.
Святому Глѣбу славу поемъ!
Ва вѣкъ слава яго ни минуитца.
Саздай намъ, Господъ, сяму міру пріукрасный рай!

(Орловск. Губ. Малоарх уѣз. с. Сабурово; пѣлъ Иванъ Кондрашевъ; его выучила монахиня въ Коренной.)

VI.

СТИХЪ О ПРЕЧУДНОЙ ЦАРИЦѢ.

Ты пречудная царица, Мать Божія-Богородица!
Ты услышь-ка наше моленіе, отъ грѣшныихъ рабовъ твоихъ,
Ты прими наше слезное иногда рыданіе,
Не лиши насъ отъ царствія отъ своно отъ небеснаго
И не предай насъ ко злой муки, ко превѣчныя.
Ай же мука, ты есь мука злая сотворена!
Но не ради насъ этая мука злая превѣчная,
Сотворена злая мука ради діавола
И ради того человѣка многобеззаконнова.
Ты живешь уже, человѣче, на разсудишь о себѣ;
Пора тебѣ будетъ, человѣче, воспокояться,
На истиную путь пора будетъ обратитися.
Призови-ка, человѣче, ты отца къ себѣ духовнаго,
Исповѣдай-ка, человѣче, свои тайные грѣхи,
Но не сколько намъ не жить, всѣмъ намъ умирать будетъ.
Великому нашему всему богатству будетъ здѣсь остатися;
Не друзья, братья намъ отъ смерти не заступщики,
И ни златомъ, ни серебромъ намъ отъ смерти не откупитися,
Слезами намъ отъ смерти будетъ не отплакаться
Если хочешь ты, человѣче, *себѣ* до конца претерпѣть,
Ты взойди же, человѣче, во дальнія во пустыни,
Постригися ты, человѣче, во ризы черныя,
Ты надѣнька, человѣче, на себя схимушку спасеную,
Ты зазри, человѣче, на образа Создателя.
„Создатель нашъ Царь Небесный; онъ есть многомилосливъ:
Онъ, любя человѣка, Господь хранитъ, милуетъ,
Избавляетъ Господь грѣховъ человѣческихъ много множество,

Доставляетъ онъ до царствія до своно до небеснаго,
Онъ проводитъ душу праведную до престола до Господняго“
Скоро намъ будетъ тое времячко злаго антихриста:
Время на три года будетъ и на шесть мѣсяцовъ;
Но не можетъ тогда Царь Небесный на антихриста зазрить,
Онъ сошлетъ Илью пророка съ небесъ на сыру землю,
Тогда будутъ пророки по земли пророковать
И православными христіанами пророки будутъ глаголовать:
„Ай же вы, рабы, православные христіанушки,
Не давайтеся вы лукавому на обманъ антихристу,
Соблюдайте вы свои душеньки ко спасенію,
Ко страшному ко Христовому ко пришествію.“
Возъярится тогда сердце у злаго антихриста.
Онъ беретъ злой антихристъ жезло во правую руку,
Онъ ударитъ Илію пророку жезломъ во мезинный перстъ;
Тогда падетъ кровь пророческа на сыру землю;
Отъ той отъ крови, есь буде, отъ пророческой
Загорится наша матушка вся сыра земля:
Она выгоритъ земля на шестьдесятъ локотовъ;
Тогда повѣютъ вѣтра буйные со восточной со страны,
Разнесутся пески желтыи по край матушки земли;
Тогда горы и всѣ озера поравняются,
И всѣ глыбокіе вертепы всѣ позасыплются;
Тогда грѣшные со праведными будутъ различатися:
Праведныя души будутъ взяты на восточной стороны,
А грѣшныя души будутъ взяты на западную страну.
Между ихъ протечетъ Сіонъ-рѣка огненная,
Со шумомъ она, потечетъ рѣка огненная, со тресканіемъ
И со громомъ потечетъ она, рѣка огненная, со страшнымъ;
Пожжетъ рѣка огненная горы и каменья,
И пожжетъ рѣка огненная всѣ лѣса со звѣрями,
И пожжетъ рѣка огненная весь скотъ со птицами.
Тогда выгоритъ вся земная тварь.
Тогда будутъ престолы поставлятися,
И на престолахъ будутъ книги покладатися,
Всѣ дѣла наши и всѣ грѣхи будутъ обличатися.
Невозможно намъ отъ своихъ злыхъ дѣлъ отперетися.
Тогда сойдетъ къ намъ съ небесъ Судья праведный,
Михайла и Гавріилъ, святые архангелы;
Мы завидимъ, рабы грѣшные, свово Судью праведнаго,

Мы возвопимъ, рабы грѣшные, во многіе голосы:
„Ай же Судья ты нашъ, Боже праведный!
Не лиши ты насъ отъ царства, отъ небеснаго,
Не предай ты насъ ко злой муки ко превѣчныя!“
Возглаголетъ Судья праведный рабамъ грѣшнымъ:
„Я судья къ вамъ посланъ Божья праведная,
Не велѣлъ мнѣ Господь брать съ васъ ни злата, серебра,
Благословилъ мнѣ Господь Богъ разсудить васъ по дѣламъ вашимъ.“
Тогда погонятъ рабовъ грѣшныихъ всѣхъ по мукамъ разнымъ;
Тогда грѣшные пойдутъ со плачіемъ, со рыданіемъ,
А праведные пойдутъ ко царствію ко небесному:
Они со радостію пойдутъ и со веселіемъ.
Тогда страшный судъ весь и кончается.

VII.

ВОСКРЕСЛО НЕБЕСНОЕ ЦАРСТВО.

Воскреснетъ небесный Царь, и вознесется рука Его—
И рука Его да на вышніи небеса.
Егда будетъ страшный судъ, вострубятъ въ трубы ангелы,
Въ трубы позлащенныя:
Ужаснется вся вселенная; померкнетъ красное солнышко;
Потемнѣетъ свѣтелъ мѣсяцъ;
Падутъ звѣзды на землю, яко листіе со древа;
Престолы поставятся,
Вси книги поразгибнутся; дѣла наши прочитаются;
Всѣ грѣхи объявятся.

VIII.

СТИХЪ НА РОДЕСТВО ХРИСТОВО (*).

Достойно есть днесь удивленія,
Духовному веселіе;
Нынѣ звѣзда на небеси явися

(*) Поется въ Колѣ, между заутреней и обѣдней, дѣтьми, которыя ходятъ по домамъ.

Паче всѣхъ святая: ты предвозвѣщаешь Бога нашего
И на землю проявляеши,
Яко *дождь нарунашъ* напдетъ.
Тако Христосъ смиренный съ небеси снидетъ
И принесетъ пречистую Дѣву Марію.
Родися яко младенецъ,
Пеленами повиванъ;
Горніе чины дивятся
И земнородные человѣчи объ томъ веселятся
И вкупѣ возрадуются.
Ты же, господинъ хозяинъ, повеселися
Успѣхи насладитися!
Тому же господину хозяину пребывати желаемъ,
Отъ всѣхъ васъ торжествуемъ,
Велегласно поздравляемъ!
Изыде звѣзда отъ Іакова,
Свѣтъ возсія отъ Израиля:
Дѣва Бога рожаетъ,
Ангели удивляются,
Персидскіе цари приходятъ,
Рожденному младенцу даръ приносятъ;
Тотъ же Богъ съ небесъ нисходитъ
И въ небесныя возводитъ.
За тѣмъ будь здравъ, господинъ хозяинъ,
На многія лѣта!
Многая лѣта—многая радость
Во всемъ мірѣ нынѣ намъ явися.
Богъ, Царь славы, отъ Дѣвы Маріи
Въ вертепѣхъ родися!
Тому же ангели на небеси зѣло дивятся —
Земнородный человѣцъ о томъ веселится.
Мы же тако вопіемъ Вышнему Творцу:
Слава въ вышнихъ Богу:
Мы же вопіемъ: торжествуйте!
Ликовствуйте!
Хвалу Богу дайте,
Воспѣвайте,
Взыграйте!
Даетъ вамъ Богъ, господамъ, госпожамъ,
Господиновымъ женамъ,

Во всемъ вкупѣ здравствовать!
Виватъ, виватъ, многая лѣта!
Веселися здѣсь! Благодать весь день!
Хвалу Богу пѣти нашему полу на звѣзды.
Ангелъ пастырямъ возвѣстилъ
Нарожденнаго Бога нашего,
Царь же Иродъ всѣхъ возвѣстилъ
Младенцовъ побилъ.
Били-билися,
Сѣкли и ругалися
Яко убивцы,
Злы разбойницы!
Кричатъ дѣтки, плачутъ матки,
Яко насмѣшницы
Да отъ нихъ персей отрывали,
И рубили ихъ,
И топтали ихъ.
Съ матерями вопрошали, жалко всплакались.
Тамо слезы проливали,
Жалобы матки,
И собою дѣтки!
Лежитъ воронъ крови на поляхъ снатки.
Матки ручки заломили,
Волосы дерутъ,
Умираютъ.
Съ неба гласы испущались,
Сердечно рекутъ.

(Кола; зап. *С. В. Максимовъ.*)

IX.

СТИХЪ О ВЕЛИКОМЪ СТРАШНОМЪ СУДѢ.

Жили мы, грѣшные, на вольномъ на свѣту.
Не имѣли мы ни середы, ни пятницы,
Во божію мы церкву не хаживали,
Со желаніемъ Господу не маливались,
На свои мы на грѣхи не надѣялись,
Евангельской мы книги не прослушивали,

Что было во святомъ евангельи написано, напечатано;
Мы страху Христова не устрашивали.
Были у Христа поразсужены дѣла:
Гдѣ быть ворамъ, гдѣ разбойникамъ,
Суетницамъ и клѣветницамъ и ябедникамъ:
Ворамъ-разбойникамъ быть въ огненной рѣкѣ,
Суетницамъ, клеветницамъ на висилицѣ.
Кто же у насъ во плоти взятъ во Христа?
Во плоти взятъ во Христа Илья Божій пророкъ:
Илья, Божій пророче, во пустынѣ прохаживалъ—
И много муки совидалъ;
Видѣлъ муку, видѣлъ рай, страсти божецкія,
Показалъ Илья намъ видѣть муку и рай,
Чѣмъ намъ душеньку спасти и чѣмъ въ рай взойти:
Спасти душу постами, молитвами,
И низкимъ полуночнымъ поклономъ;
Въ рай взойти святой милостыней
Да отъ своихъ трудовъ праведныихъ.
Со всходу праведнаго солнца пышаетъ огонь съ земли до небеси,
Протечетъ рѣка намъ огненная,
Возойдетъ Михайло Архангелъ на Сіонскую гору;
Затрубятъ трижды въ небесную трубу.
Тогда всѣ мертвые отъ гроба встанутъ,
И праведные рабы по правой стороны.
Переводитъ Архангелъ Михаилъ праведныхъ чрезъ огненную рѣку,
Ко нашему Авраамію, къ отцу праведному,
И приводитъ онъ ихъ ко царству небесному.
Идутъ праведные черезъ огненную рѣку,
Идутъ они по воды какъ по суши;
Огонь ихъ, поломя, не пожеретъ;
Поютъ они стихи херувимскіе,
Величаютъ они самого Христа, Царя небеснаго,
Еще матерь Пресвятую Богородицу.
Грѣшные, беззаконные рабы,
Они сами-то къ Михайлѣ приближаются,
Золотой казной спосуляются:
„О, свѣтъ грозенъ нашъ Михайло, судья праведный!
Переправь насъ грѣшныхъ черезъ огненну рѣку,

Приведи насъ ко царству небесному,
Ко нашему Авраамію, отцу праведному;
Возьми съ насъ золота и серебра
И сильно наше имѣнье и богатство.“ (*)
Отвѣчалъ имъ Михайло Архангелъ, судья праведный:
„Ахъ вы грѣшные, беззаконные рабы!
На что же вы ко мнѣ приближаетесь
И золотой казной своей спосуляетесь:
Есть здѣсь судья, неподкупная душа,
Я здѣсь судья съ Богомъ праведная.
Не надобно намъ ваше злато, серебро,
Ни силья, ни имѣнья ваше, ни богатество;
А намъ надобно здѣсь душевное спасеніе.
Помните-ль, какъ вы жили на вольномъ на свѣту?
Были у васъ церкви божественныя,
Во церквахъ было у васъ понаписано,
Во святомъ евангельи напечатано:
Вы того писанія не прослушивали,
На свои вы на грѣхи не надѣялись.
У васъ были судьи неправедные,
Судили вы суды не по праведному.
Праваго вы раба виноватили,
Виноватаго раба ставили праведнымъ;
Вы брали съ нихъ казну несчисленную
И съ праваго и съ виноватаго,
Клали вы казну во сыру землю,
Сырой матери земли не вызналолнили,
Своимъ душамъ мѣста не уготовили:
Идите, грядите въ рѣку огненную.“
Идутъ, грядутъ души грѣшныя;
Во огонь онѣ во поломя бросаются,
Тѣлеса на себѣ, власа обрываютъ,
Отца своего, матерь проклинаютъ!
„На что насъ отецъ съ матерью спородили,
На эти на муки на разныя?
Не терпѣли бъ мы злой муки превѣчныя,
Не слыхали бъ мы слова грознаго

(*) И силья (селенія?), имѣнье и богатство.

Отъ самого Христа, Царя Небеснаго,
Отъ Михайла Архангела, судьи праведнаго!“
Мы грозному Михайлу славу поемъ,
Всѣмъ добрымъ людямъ на память даемъ.

X.

СТИХЪ ПРО ДУШУ ВЕЛИКОЙ ГРѢШНИЦЫ.

По морю, по синему, по Хвалынскому
Тутъ ишли, пробѣгали черезъ кàрабли.
Во этыхъ корàбляхъ святые ангели сидятъ,
На стрѣчу имъ самъ Іисусъ Христосъ, самъ Небесный Царь,
Сталъ онъ въ ангелахъ выспрашиватъ и выспытывать:
„Святые ангели, архангели, гдѣ вы хаживали, гдѣ гуливали,
Что слышивали, что виживали?
Самъ Іисусъ Христосъ, самъ Небесный Царь!
Мы хаживали на вольномъ на свѣту,
Много слышали, много видѣли,
Какъ душа съ бѣлымъ тѣломъ разставалася.
Разставши душа, сама прочь пошла
И отошедши, душа взворотилася,
Со своимъ съ бѣломъ тѣломъ попростилася:
Ты прости тѣло бѣлое мое,
Прости беззаконіе мое.
Ты пойдешь, тѣло, во сыру землю,
Червамъ тѣло на источеніе.
Вы кости земли на преданіе,
А я, душа, къ самому Христу на спокаяніе.
На стрѣчу души самъ Іисусъ Христосъ:
Почему же ты, душа грѣхи угадываешь?
Потому я, душа, грѣхи угадываю,
Что я жила на вольномъ на свѣту,
Середы и пятницы не пащивалась,
Великаго говлѣнія не гавливалась,
Заутрени, вечерни просыпывала я,
Въ воскресный день обѣдни прогуливала.
Въ полюшкахъ душа много хаживала,
Не по праведну землю раздѣливала:
Я межку черезъ межу перекладывала,

Съ чужой нивы земли украдывала.
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась,
И отцу духовному не сказывала,
Безкорыстный грѣхъ себѣ получивала.
Еще душа Богу согрѣшила:
Не по праведну покосы я раздѣливала,
Вѣшку за вѣшку позатаркивала,
Чужую полосу позакашивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Въ соломахъ я заломы заламывала (*),
Со всякаго хлѣба споръ отнимывала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Я въ поляхъ, душа, много хаживала,
Проворы въ поляхъ пораскладывала,
Скотину въ поле понапущивала,
Сусѣдній хлѣбъ повыстравливала,
Я добрыхъ людей оголаживала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Изъ коровушекъ молоки я выкликивала,
Во сырое коренье я выдаивала (**).
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Смалешеньку дитя своего проклинывала,
Во бѣлыхъ во грудяхъ его я засыпывала,
Въ утробы младенца запорчивала,
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Еще душа Богу согрѣшила:
Мужа съ женой я поразваживала,
Золотые вѣнцы поразлучивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По улицамъ душа много хаживала,

(*) Заломомъ называется особый видъ колдовства: связываютъ на корню узломъ рожь или на чью-нибудь голову, или чтобъ вынуть *спорынью* изъ хлѣба.

(**) Тоже особый видъ колдовства. Дѣлаютъ на зло кому-нибудь, чтобъ корова не давала молока.

По подоконью душа много слушивала,
Хоть не слышала, скажу: слышала,
Хоть не видѣла, скажу: видѣла;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По свадьбамъ душа много хаживала,
Свадьбы звѣрьями оборачивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
По игрищамъ душа много хаживала.
Подъ всякія игры много плясывала,
Самого сатану воспотѣшивала;
Въ эвтихъ во грѣхахъ Богу не каялась.
Напилася душа зеленаго вина,
Отъ зеленаго вина душа пьяна была;
Померла эта душа безъ покаянья,
Безъ того ли безъ попа, безъ духовнаго.
Провалилася душа въ преисподній адъ,
Вѣкъ мучиться душѣ и не отмучиться
За свое согрѣшеніе,
За свое великое беззаконіе.

XI.

СТИХЪ О ВОЗНЕСЕНІИ ХРИСТОВѢ.

На шестой было на недѣлѣ,
Въ четвергъ у насъ праздникъ Вознесенія:
Вознесся самъ Христосъ на небеса,
Со ангелами и со херувимамъ,
И со своей со небесной силой;
А нищіи Господа молили,
Много у Христа милости просили:
„Владыка Христосъ Царь небесный!
Вознесешься ты, Царь, на небесы,
Со ангелами и со херувимамъ,
И со своей со небесною силой,
Ино кто насъ поить, кормить будетъ,
И кто обувати насъ и одѣвати,

За что намъ Мать Божію величати,
И Тебя, Христа Бога, прославляти?“
Речетъ имъ Христосъ, Царь Небесный:
„Не плачьте мое меньшее братіе,
Дарую я вамъ гору золотую,
И пропущу я вамъ рѣку медовую
Имѣйте златой горой владѣти,
Промежду собою раздѣляти.“
Речетъ имъ Иванъ Архіепископъ:
„Владыко Христосъ Царь Небесный!
Не возьми мое слово въ досаду:
Не оставляй своей нищей братіи
Этыи горы золотыя.
Естьли пожертвуешь имъ гору золотую,
Наѣдутъ къ нимъ сильные люди,
И найдутъ къ нимъ немилосливыя власти,
Отоймутъ у нихъ гору золотую,
Помрутъ нищіи голодною смертью,
И позябнутъ холодною зимою.
Оставь ты своей меньшей братіи
Свое имячко Христово:
Пойдутъ нищіе по земли ходити,
Твое имя святое возносити,
Ино кто есть вѣрный христіанинъ,
Онъ ихъ пріобуетъ и пріодѣнетъ:
Ты даруй ему нетлѣнную ризу;
А кто ихъ хлѣбомъ-солью напитаетъ,
Даруй тому райскую пищу;
Кто ихъ отъ темной ночи оборонитъ,
Даруй въ раю тому мѣсто.
Кто имъ путь-дорогу указуетъ,
Незаперты въ рай тому двери.“
— „Благодарю тебя, Иванъ Архіепископъ,
За твои за рѣчи дорогія,
Дарую уста тебѣ золотыя,
Въ году тебѣ празднички честныи,
Во имя Ивана Златоуста“.
Мы славимъ тебя. Христа Бога.

XII.

О ДМИТРІѢ СЕЛУНСКОМЪ.

Сопущалися съ небесь два ангела, два архангела
Ко Димитрію Селунскому, свѣту чудотворцу
„Ой еси нашь батюшка Димитрій Селунскій чудотворецъ!
„И хочутъ твой градъ весь повызорить,
„И всѣхъ людей твоихъ повыгубить,
„И Божіи домы на дымъ спустить.“
Отвѣчаетъ Димитрій Селунскій свѣтъ чудотворецъ:
„И не дамъ свой городъ я повызорить
„И не дамъ своихъ людей всѣхъ повыгубить
„И Божіи церкви на дымъ спустить.“
И отколь взялся Мамай безбожный, невѣрный
Невѣрный, нечестивый и принималъ онъ силы многомножество
Увидалъ Димитрій Селунскій свѣтъ чудотворецъ:
Имаетъ онъ себѣ доброго коня
И покидаетъ онъ ковры сорочинскіе
Беретъ онъ копіе булатное
И сколько онъ копьемъ колетъ,
А вдвое, втрое конемъ топчетъ.
И пригубилъ онъ силушки много множество,
Три тьмы, три тьмы и четыре тысячи;
И только Мамай невѣрной, нечестивый барышу получилъ—
Двухъ русскихъ сестеръ во полонь залучилъ,
Увозилъ онъ къ себѣ да во полатушки:
„Ой вы гой еси двѣ русскія сестры полоняночки!
„Вы скажите мнѣ про могучаго богатыря?
„Какой есть у васъ могучій богатырь?
Сколько онъ у меня силушки погубилъ
Выпишите мнѣ и вырисуйте мнѣ на коврѣ на шолковомъ.
Онѣ пишутъ и рисуютъ съ утра и до вечера,
Со вечера да до полуночи,
Со полуночи, горько плачася, Богу молятся,
На коверъ онѣ спать ложилися:
„Ужь ты гой еси, батюшка Димитрій Селунской свѣтъ, чудотворецъ нашъ!

„И не прогнѣвайся на насъ на грѣшныхъ здѣсь
„И не изъ волюшки пишемъ изъ подъ неволюшки".
Онѣ легли да всѣ и заснулися
И поднималася вьюга, падора
Подымалося со полотъ верхи
Выносило-то двухъ русскихъ-то сестеръ да полоняночекъ
И уносило ко Димитрію Селунскому свѣту чудотворцу да во Божью церкву.
По утру онѣ да пробудилися,
Димитрію Селунскому да помолимся:
Онѣ очувствовались да у Димитрія Селунскаго
Во Божьей церкви.

Сообщено *А. Григорьевымъ.*

XIII.

СТИХЪ О ЛАЗАРѢ.

I.

Живалъ-себѣ славенъ на вольномъ свѣту,
Пивалъ, ѣдалъ сладко, носилъ хорошо,
Дорогія одежды богатъ надѣвалъ,
Про милость про Божію богатъ не давалъ.
А былъ у богатаго убогій Лазарь,
Онъ скорбенъ, болѣзненъ, онъ весь во гною.
Восползетъ убогій къ богачу на дворъ,
Воскрикнетъ убогій громкимъ голосомъ:
„Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
Ты выслушай, братецъ, прошенье мое,
Сотвори мнѣ, братецъ, милостыню,
Про милость про Божью напой, накорми;
Не я тебѣ, братецъ, за то заплачу;
Заплатитъ богатому Господь съ небеси".
Какъ слышалъ богатый въ своемъ терему,
Выходилъ богатый на красно крыльцо,
За нимъ выходили все рабы его,
За нимъ выносили все медъ и вино.
То чаялъ богатый гостей къ себѣ въ домъ,
Чаялъ: „мои гостики возлюбленные"

А ижно убогій стоялъ у крыльца.
Какъ крикнулъ богатый громчѣе того:
„Ахъ ты смердинъ, смердинъ, смердящій ты сынъ,
Да какъ же ты смѣешь къ окну подходить?
Да какъ же ты смѣешь братомъ называть?
У меня брата Лазаря въ роду не было,
Такой хворо̀бы слыхомъ не слыхалъ.
Есть у меня братія, получше тебя:
У кого много злата, больше серебра,
Тѣ — и моя братія возлюбленная.
А вонъ твои братья, два лютые пса —
Тѣи твоя братія получше меня“.
Речетъ же убогій брату своему:
„Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
Напрасно, мой братецъ, отперся меня,
Напрасно, родимый, отъ рода своего;
Одна насъ съ тобой матушка на свѣтъ родила,
Одинъ-то насъ батюшко вспоилъ, воскормилъ,
Неровною долею Господь надѣлилъ:
Тебя надѣлилъ все богачествомъ,
Меня надѣлилъ все убожествомъ.
Спохватишься, братецъ, да не во̀ время,
Вспокаешься, родимый мой — возврату не быть“.
„Да чѣмъ же, убогій, ты сталъ мнѣ грозить,
А я не боюся, ничѣмъ ничего,
А я не блюдуся никѣмъ никого.
Бѣда ко мнѣ придетъ — казной откуплюсь;
Отъ вора, разбойника ружьемъ отобьюсь,
Отъ нищей отъ братіи ворота запру.
Подите, рабы мои, спихните съ двора,
Спустите, рабы мои, два лютые пса,
Пускай его псы тѣ терзаютъ всего“.
Не стали же псы его ни рвать, ни терзать,
Понюхали псы его, сами прочь пошли;
Святымъ Духомъ Лазарь, онъ сытъ пребывалъ,
Святымъ Духомъ Лазарь ничѣмъ невредимъ;
Какъ началъ убогій молитву творить,
Какъ началъ убогій Христа величать:
„Господи, Владыко, Спасъ милостивый!
Выслушай Ты, Господи, молитву мою,

Все мою молитву неправедную,
Сошли мнѣ, Владыко, грозныхъ Ангелей
По мою по душеньку, по Лазареву.
Какъ я жилъ убогій, на вольномъ свѣту,
То-то моя душенька намучилася;
И голода, холода всего приняла:
Всякой она скверности навидѣлася,
Создай мнѣ, Владыко, горчѣе того!“
И самъ Господь выслушалъ молитву его,
Молитву его все праведную;
Ссылаетъ Богъ святыхъ Ангелей
Тихихъ и смирныхъ, двухъ милостивыхъ.
Какъ святые Ангели солетывали,
Вынимали душеньку все Лазареву,
Честно и хвально въ сахарны уста,
Посадили душеньку-то на пелену,
Понесли они душеньку-то на небеса,
Отдали душеньку къ Абрамію въ Рай.
Будетъ у богатаго почетный пиръ
Про свою про братію возлюбленную;
Выходилъ богатый въ зеленъ садъ гулять.
Не успѣлъ богатый двора перейти,
Не успѣлъ богатый въ саду погулять,
Не успѣлъ богатый чары выкушать,
Придетъ на богатаго люта хворьба,
Вся Божія немочь уродливая:
Подыметъ богатаго вельми высоко
Ударитъ богатаго о сыру землю;
Отбило у богатаго умъ и разумъ:
Не вспомнитъ богатый житія своего.
Не узрѣлъ богатый жены и дѣтей.
Какъ видитъ богатый бѣду надъ собой,
Взираетъ богатый-то на небеса.
Какъ началъ богатый молитву творить,
Какъ началъ богатый Христа величать:
„Господи, Владыко, Спасъ милостивый!
Выслушай ты, Господи, молитву мою;
Создай Ты мнѣ, Господи, святыхъ Ангелей.
Тихихъ и смирныхъ, двухъ милостивыхъ.
Какъ я жилъ богатый на вольномъ свѣту;

Много имѣлъ злата, больше серебра,
А больше того было цвѣтнаго платья.
Создай мнѣ, Владыко, получше того".
А самъ Господь выслушалъ молитву его,
Молитву его неправедную.
Ссылаетъ Господь Богъ грозныхъ Ангелей,
Грозныхъ и страшныхъ, немилостивыхъ.
Какъ грозные ангелы солетывали,
Они грудь у богатаго разламывали,
Скипетромъ душеньку вынимывали.
Вынули душеньку въ кровавы уста,
Посадили душеньку на востро копье,
Понесли они душеньку крутя и вертя,
Вкинули душеньку въ кипимый огонь.
Молился богатый день до вечера;
Не взможетъ богатый муки пстерпѣть;
Взираетъ богатый изъ муки на Рай;
Какъ видитъ богатый Абрама въ Раю,
А возлѣ Абрамія брата Лазаря.
Воскрикнулъ богатый громкимъ голосомъ:
„Милостивый братецъ убогій Лазарь!
Выступи, братецъ, изъ Раю ты вонъ,
Ты поди, родимый мой, на сине море.
Помокни ты, братецъ, мизинный свой перстъ,
Покропи мнѣ, братецъ, кровавы уста.
Не дай сударь, братецъ, въ огнѣ псгорѣть,
Не дай мнѣ, родимый мой, въ смолѣ пскипѣть."
Речетъ же убогій брату своему:
«Милостивый братецъ богатый Лазарь,
А теперь намъ, братецъ, не своя воля,
Какъ мы жили-были на вольномъ свѣту.
Чѣмъ же погасишь кипимый огонь?
Гдѣ же твое, братецъ, злато, серебро?»
— „Милостивый братецъ, убогій Лазарь!
Злато мое серебро землей пожрало,
Все мое имѣніе прахомъ взялось,
Всѣ мои товарищи разъѣхалися,
Всѣ друзья, пріятели отрѣкалися,
Рабы мои вѣрные разно всѣ пошли,
Остался я, братецъ, одинъ во грѣхахъ."

—„Милостивый братецъ, богатый Лазарь!
Помнишь ли ты, братецъ, помятуешь ли,
Какъ мы жили были на вольномъ свѣту;
Ты нищую братію па дворъ не впущалъ,
Ты босаго, нагаго не обулъ, не одѣлъ,
Отъ темной отъ ноченьки ты не укрывалъ,
Съ широка подворья ты не провожалъ,
Пути и дороги ты не указалъ,
Вдовицъ и сиротъ ты не сберегалъ,
Въ тюрьму, въ богадѣльню ты не подавалъ,
До Божіей церкви ты не доходилъ,
Отца ты духовнаго ты не почиталъ,
Меня, брата Лазаря, братомъ не звалъ,
Меня, брата Лазаря, въ роду не имѣлъ.“
—„Милостивый братецъ, убогій Лазарь!
Чего ты мнѣ, братецъ, давно не сказалъ
Про муку про злую, преувѣченную?
Кабы зналъ я, вѣдалъ, не то бы творилъ,
Я бъ нищую братію поилъ и кормилъ,
Босаго и нагаго обулъ бы, одѣлъ,
Отъ темной отъ ночи всегда бъ укрывалъ,
Съ широка подворья всегда бъ провожалъ,
Путь бы я дорогу всеё бъ указалъ,
Вдовицъ бы, сиротъ я въ дому сберегалъ,
Въ тюрьму, въ богадѣльню всегдабъ подавалъ,
До Божіей церкви всегда бъ доходилъ,
Отца бы духовнаго всегда уважалъ,
Тебя, брата Лазаря, братотъ называлъ,
Тебя, брата Лазаря, въ роду бы имѣлъ,
Имѣлъ тебя, братецъ, какъ душу свою,
Какъ бы свою душеньку во бѣломъ тѣлѣ.“
Спохватился Лазарь, да не во время.
Вскаялся богатый — возврату не быть.
Какъ съ небесъ ангели солетывали,
Они на землю ликовали,
Убогому Лазарю славу поютъ.

Москва.

Зап. *А. А. Григорьевъ.*

II.

СТИХЪ О ДВУХЪ ЛАЗАРЯХЪ.

Жили то были два братца,
Два братца, два Лазаря,
Что одна ихъ матушка спородила,
Не однимъ ихъ Господь Богъ счастьемъ надѣлилъ:
Что большого-то Лазаря тьмою животомъ и богачествомъ его,
А малаго-то Лазаря святымъ кошелемъ.
Заводилъ богатый Лазарь пиръ,
Собралъ онъ Лазарь князей и бояръ и пестрыхъ властей
А малой-то Лазарь пошелъ по милостину къ нему:
„Подай, сотвори святую милостыню
„Братецъ мой, братецъ, братецъ родной!“
„„Какой ты мой братецъ, какой ты мой родной?
„„Есть у меня брателко каковъ я самъ““.
Отсылаетъ онъ брателко отъ себя его роднаго
Толкаетъ, пинаетъ, съ крыльца провожаетъ
Съ крыльца провожаетъ, кобелей потравляетъ
Усть-е, возмите борзы кобельё,
Борзы кобели ему радуются
Кровавыя раночки зализываютъ;
Выбросилъ онъ Лазаря на навозъ.
Взмолился онъ, Лазарь, Господу Богу:
„Создай мнѣ Господи скорую смерть,
„Скору, крылату немилостиву,
„Выняло бы душеньку нечестно, нехвально, сквозь правое ребро,
„На бѣломъ она свѣтѣ налѣнствовалась,
„Тѣло мое бѣлое нанѣжилося.“
Услышалъ его Господи молитву его:
Посылаетъ онъ скорыхъ ангелей,
Скорыхъ, крылатыхъ и милостивыхъ:
Выньте его душеньку и честно и хвально и въ сахарны уста
Положите его душеньку на пелены
Поднимите душеньку на небеса
Положите душеньку въ пресвѣтлый рай.
И просилъ его брателко, свѣтъ родной:
„Создай мнѣ Господи скорую смерть,

„Скору, крылату и милостиву:
„Выняло бы душеньку въ сахарны уста
„Положило бъ душеньку на пелены
„Подняло бы душеньку на небеса
„Положило бъ душеньку въ пресвѣтлый рай,
„На бѣломъ она свѣтѣ намаялася,
„Тѣло мое бѣлое настранствовалось".
Услышалъ Господь Богъ молитву его:
Посылаетъ къ нему Господи двухъ ангелей,
Двухъ крылатыхъ и немилостивыхъ:
„Выньте его душеньку сквозь лѣвое ребро
„Положите душеньку на острое копье
„Поднимите душеньку вверхъ высоко
„И бросьте его душеньку въ таръ-тарары
„На бѣломъ она свѣтѣ напьянствовалась
„И тѣло ее бѣлое изнѣжилося."
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

Сообщено *А. Григорьевымъ.*

IV.

О ѲЕДОРѢ ТИРОНѢ.

Во святѣ градѣ Константиновѣ
Было богомолье великое,
Молился царь Константинъ Сауйловичъ
У честныхъ у заутреней,
У святыхъ у молебеновъ.
Отходила честная заутреня,
Царь Константинъ Сауйловичъ
Онъ будетъ посреди двора царскаго.
Издалеча изъ чиста поля
Не люта змѣя вывивалася,
Вывивалася, выстилалася
Ровна стрѣлочка каленая
Ложилася калена стрѣла
Посреди двора царскаго
У ноги у царскія,

У руки у правыя
А на стрѣлочкѣ была-была грамотка,
На грамоткѣ было написано
Отъ царя іудейскаго,
Отъ его силы жидовскія—
Жидовскія, бусарманскія:
Гой ты царь Константинъ Сауйловичъ,
Ты давай намъ супротивника
Супротивъ меня, царя іудейскаго,
Супротивъ моей силы жидовскія—
Жидовскія, бусарманскія,
Очищай землю святу русскую!
Царь Константинъ Сауйловичъ,
Съ того государь задумался—
Задумался, запечалился,
Повѣсилъ головушку буйную,
Посупилъ очи ясныя
Самъ во матушку во сыру землю,
Самъ возговорилъ таково слово:
Ужь вы гой еси, вы князьё, бояре,
Гости торговые,
Мужички почетные,
Христіане православные!
А еще кто пойдетъ, побьеть царя іудейскаго
Его силу жидовскую,—
Жидовскую, бусурманскую,
Кто очиститъ землю святу русскую,
Тотъ избавленъ будетъ муки вѣчныя,
Наслѣдникъ будетъ царства небеснаго.
Да никто ему словечушка не проговоритъ,
Большой боярин хоронится за меньшаго,
Меньшаго не видѣти изъ-за большаго,
Только по двору по царскому,
По крылечушку по красному
Ходитъ, гуляётъ младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Всего ему отъ роду двѣнадцать лѣтъ.
Самъ возговорилъ таково слово:
Государь родимый батюшка,
Еще царь Константинъ Сауйловичъ!
Благослови меня, сударь батюшко,

Спасовымъ образомъ.
Матерью пресвятою Богородицей
Еще Троицею нераздѣльною:
Я пойду побью царя іудейскаго,
Его силу жидовскую —
Жидовскую, бусурманскую,
Я очищу землю святу русскую.
А царь Константинъ Сауйловичъ,
Онъ горючими слезами заливается,
Самъ возговорилъ таково слово:
Ай горе! чадо милое
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
На боехъ чадо не бывывалъ,
Сбрую ратною не влаживалъ,
Изъ крѣпка лука не стрѣливалъ,
Калены стрѣлы не кладывалъ.
На кого, чадо, надѣешься,
Держишь надежду великую?
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговорилъ таково слово:
Государь родимый батюшка,
Еще царь Константинъ Сауйловичъ!
Я надѣюсь, сударь батюшка,
Я на Спаса на пречистаго,
Я на матушку пресвятую Богородицу,
Я на Троицу нераздѣльную,
На твое благословеніе великое,
Только было бы твое благословеніе великое.
Онъ царь Константинъ Сауйловичъ
Восходилъ въ церковь соборную,
Поднималъ иконы мѣстныя,
Служилъ молебны заздравные.
Благословилъ его сударь батюшко
Спасовымъ образомъ,
Матерью пресвятой Богородицей,
Еще Троицей Нераздѣльною.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Восходилъ на конюшню дубовую,
Выбиралъ коня что есть лучшаго,

Сѣдлалъ сѣдлечко черкасское
О двѣнадцати подпружинахъ,
Не ради красы молодецкія,
Ради крѣпости богатырскія.
А молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ беретъ сбрую ратную,
Копье булатное,
Палицу желѣзную,
Еще крѣпкій лукъ о двѣ стрѣлы каленыя,
Садится онъ на добра коня,
Поѣзжалъ по граду Константинову.
Подъ нимъ добрый конь подымается
Черезъ ту стѣну бѣлокаменну,
Какъ ясенъ соколъ полетѣлъ по поднебесью,
Выѣзжалъ далече во чисто поле,
Становился супротивъ царя іудейскаго,
Супротивъ его силы жидовскія —
Жидовскія, бусурманскія.
Онъ и бьется съ царемъ по первый день,
Онъ и бьется съ царемъ по второй день,
Онъ и бьется съ царемъ по третій день,
Не шиваючи, не ѣдаючи,
Со добра коня не слѣзаючи,
Побивалъ царя іудейскаго,
Его силу жидовскую
Жидовскую, бусурманскую,
Обливала его кровь жидовская —
Жидовская, бусурманская,
Не по колѣни, не по пояс,
По самыя груди бѣлыя.
Молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ —
Онъ и бьетъ копьемъ во сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
„Ужь ты, матушка, сыра земля,
Разступися на четыре на четверти
На всѣ на четыре на стороны,
Ты пожри въ себя кровь жидовскую —
Жидовскую кровь, бусурманскую.
По Божію изволенію.
Разступалася мать сыра земля

На четыре на четверти.
Прожирала въ себя кровь жидовскую,
Жидовскую, бусурманскую,
Царя іудейскаго.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Очищалъ землю свято-русскую,
Поѣзжалъ по граду по Константинову,
Подъ нимъ добрый конь спотыкается,
Самъ онъ на конѣ сидитъ-шатается.
Какъ завидѣлъ его сударь-батюшко
Еще царь Константинъ Сауйловичъ,
Самъ возговоритъ таково слово:
Ужь вы гой есте князья-бояре,
Гости торговые,
Мужички почетные,
Христіане православные!
Восходите скоро въ церковь соборную,
Поднимайте иконы мѣстныя,
Служите молебны заздравные,
Встрѣчайте младенца во чистомъ полѣ,
Ему бейте челомъ, поклонитеся
По двѣнадцати земныхъ поклоновъ,
По сороку до поясу.
За него святое умоленіе
За него честное притерплѣніе.
Князья-бояре его слушали:
Восходили скоро въ церковь соборную,
Поднимали иконы мѣстныя,
Служили молебны заздравные,
Стрѣчали младенца во чистомъ полѣ,
Ему били челомъ, поклонялися
По двѣнадцати земныхъ поклоновъ,
По сороку до поясу.
За него святое умоленіе
За него честное притерпленіе.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Взъѣзжалъ на широкій, на царскій дворъ.
Встрѣчаетъ его сударь батюшко,
Еще царь Константинъ Сауйловичъ;
Его родимая матушка

Приняла его съ добра коня,
Повела въ палаты бѣлокаменны,
Посадила подъ иконы мѣстныя,
За столы за дубовые,
За скатерти за браныя,
За питья за медвяныя,
За ѣствы за сахарныя;
Понесла ему первую ѣствицу...
Изъ-за первой изъ-за ѣствицы
Завидѣла коня потнаго,
Повела поить на синё море,
На ту воду, на студеную,
Обмывати крови жидовскія,
Жидовскія, басурманскія.
Гдѣ ни возьмется, тамо лютый змѣй,
Лютый змѣй, люто-огненный,
Ухватилъ его родимую матушку
Онъ во челюсти во змѣиныя,
Унесъ ее за синё море,
Во тѣ пещёры, въ горы бѣлокаменны,
Ко двѣнадцати, ко змѣёнышамъ,
На ту муку на змѣиную.
Ахъ, что за горе великое!
Выбѣгаетъ его добрый конь
На широкій, на царскій дворъ,
Прорѣщитъ его добрый конь
Человѣческимъ языкомъ:
«А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ!
Что ты пьешь, ѣшь, что тѣшишься,
На себя-то бѣды не чаешься,
Какъ твоя родимая матушка,
Ради тебя дождалася,
Ради тебя доглядѣлася!
Понесла тебѣ первую ѣствицу,
Изъ-за первой изъ-за ѣствицы
Завидѣла меня, коня потнаго,
Повела поить на синё море,
На ту воду на студеную,
Обмывати крови жидовскія,
Жидовскія, бусурманскія.

Гдѣ ни возьмется тамо лютый змѣй,
Лютый змѣй, люто-огненный,
О двѣнадцати хоботовъ,
Ухватилъ твою родимую матушку
Онъ во челюсти во змѣиныя,
Унесъ ее во синё море
Ко двѣнадцати ко змѣёнышамъ
На ту на муку на змѣиную».
Ахъ, ты горе великое!
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Что̀ въ устахъ было, то̀ проглотилъ,
Что̀ въ рукахъ, то̀ такъ пустилъ;
Восходитъ скоро въ церковь соборную,
Онъ беретъ съ собой слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангелье,
Онъ беретъ съ собой сбрую ратную,
Копье булатное,
Саблю вострую, палицу желѣзную,
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены;
Онъ приходитъ къ морю синему,
Становился на крутомъ, красномъ бережечкѣ,
Онъ читаетъ слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангельё;
Во слезахъ письма не видитъ,
Во рыданьи слова не вымолвитъ.
Гдѣ ни возьмется тамо китъ рыба,
Прорѣщитъ та китъ рыба
Человѣчьимъ языкомъ:
«А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ!
Ты поди по млѣ, по китѣ рыбѣ,
Яко по мосту, яко по суху,
Выручи свою родимую матушку
Изъ тоё муки змѣиныя,
Отъ двѣнадцати отъ змѣёнышей».
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Переходитъ море синёе,
Становится на крутомъ, красномъ бережочкѣ,
Читаетъ слово Божіе,
Святу-честну книгу Евангельё,
Во слезахъ письма не видитъ,

Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Завидѣла его родимая матушка
Изъ тоё изъ муки изъ змѣиныё,
Отъ двѣнадцати отъ змѣёнышей,
Кричитъ-вопитъ громкимъ голосомъ:
«Ой, дитятко, съ тобою мы погибнули,
Родимое, съ тобой погибнули!»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговоритъ таково слово:
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,
Со мною слово Божіе,
Со мною сбруя ратная,
Копье булатное;
Сабля вострая, палица желѣзная,
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены».
А молодой человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены;
Онъ стрѣлялъ въ двѣнадцать змѣёнышей,
Побивалъ двѣнадцать змѣёнышей;
Выручилъ свою родимую матушку
Изъ тоё изъ муки змѣиныя
Отъ двѣнадцати змёенышей;
Онъ посадилъ ее на головку на тяжелую,
Понесъ ее къ морю синему.
Его родимая матушка
Назадъ себѣ оглянулася,
Завидѣла змѣя лютаго,
Люта змѣя, люта-огненна,
О двѣнадцати хоботовъ,
Кричитъ-вопитъ громкимъ голосомъ:
«Ой, дитятко, съ тобой мы погибнули,
Родимое, съ тобой погибнули!»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Самъ возговоритъ таково слово:
«Не убойся, моя матушка, не погибнули,
Родимая, не погибнули;
Еще съ нами Богъ и надъ нами Богъ,

Со мною слово Божіе,
Со мною сбруя ратная,
Копье булатное,
Сабля вострая, палица желѣзная
Еще крѣпкой лукъ, двѣ стрѣлы калены.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ натягивалъ свой крѣпкой лукъ,
Онъ накладывалъ двѣ стрѣлы калены,
Онъ стрѣлялъ супротивъ змѣя лютаго
Люта змѣя, люта, огненна
О двѣнадцати хоботовъ,
Вышибалъ ему сердце со печенью;
Обливала его кровь змѣиная
Не по колѣно, не по̀ по̀ясъ,
По самы груди бѣлыя.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Онъ и бьетъ копьемъ во сыру землю,
Самъ возговоритъ таково слово:
—Ужь ты матушка мать сыра земля
Разступися на четыре четверти
На всѣ на четыре стороны!
Ты пожри въ себя кровь змѣиную! —
По Божію изволенію.
Разступалася мать сыра земля
На четыре на четверти,
Пожирала въ себя кровь змѣиную.
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Очищалъ землю свято-русскую
Приходилъ ко синю морю,
Становился на крутомъ красномъ бережечкѣ,
Читаетъ слово Божіе
Святу честну книгу Евангельё;
Во слезахъ письма не видитъ
Во рыданьи слово не вымолвитъ.
Гдѣ не возьмется та же китъ рыба,
Прорѣщитъ китъ рыба
Человѣчимъ языкомъ;
«А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Ты поди по мнѣ по китѣ рыбѣ,
Яко по мосту, яко по суху

Понеси свою родимую матушку,
Изъ тыё изъ муки змѣиныё.»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Переходитъ морё синёё
Становится на крутомъ красномъ бережечкѣ
Самъ возговоритъ таково слово:
— Государыня моя родимая матушка
А что стоитъ моё похожденіе
Супротивъ твоего порожденія?
Его родимая матушка
Горючимъ слезамъ заливалася
Сама говорила таково слово:
«Ой горе, чадо милое!»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ,
Всего тебѣ отъ роду двѣнадцать лѣтъ,
Какъ твое то похожденіе,
Нашаче моего порожденія.»
А младый человѣкъ Ѳедоръ Тиронъ
Приходилъ ко граду Константинову.
Какъ завидѣлъ его судырь батюшко
Еще царь Константинъ Сауйловичъ
Самъ возговорилъ таково слово:
Ужь вы гой есте князья-бояре,
Гости торговые,
Мужички почетные,
Христіане православные!
Еще кто почтитъ отца и мать свою
Надѣется Ѳедору Тирону
На первой недѣлѣ поста Господня великаго
Тотъ избавленъ будетъ муки вѣчныя
Наслѣдникъ будетъ царства небеснаго.
Еще славенъ Богъ и прославленъ,
Велико имё Господне!

XV.

СТИХЪ О МИХАИЛѢ АРХАНГЕЛѢ.

Спустится на землю судья праведный,
Михайло Архангелъ, свѣтъ.
Со полками онъ съ Херувимами,

Съ Херувимами и съ Серафимами,
Со всею онъ силою небесною
И со трубою онъ златокованой
И первый онъ разъ вострубитъ—
И души въ тѣлеса пойдутъ;
Второй онъ разъ вострубитъ —
Отъ гробовъ мертвые встаютъ;
Въ третій разъ вострубитъ
Всѣ на судъ Божій пойдутъ.
И праведные идутъ по правую руку, а грѣшные по лѣвую.
У праведныхъ лица хорошія,
На главахъ власы, какъ лунь свѣтлы;
А у грѣшныхъ лица все черныя
У грѣшныхъ волосы словно стрѣлы стоятъ.
Праведные идутъ все стихи поютъ
Херувимскіе и серафимскіе:
Величаютъ Христа, Царя небеснаго,
Пресвятую они Матерь Богородицу
Величаютъ они Михайла Архангела:
„Не возможно ли, батюшко, Михайло Архангелъ, помиловать?“
Отвѣчаетъ Михайло Архангелъ, свѣтъ имъ чудотворецъ:
„Проходите рабы крещеные, души вѣрныя
„Уготовали вы царство небесное“.
А грѣшные идутъ сильно плачутъ,
Плачутъ они да и рыдаютъ,
Ко Михайлу Архангелу причитаютъ:
„Не возможно ли насъ, батюшко, Михайло Архангелъ, помиловать?
„И дайте намъ годы урочные,
„Столько годовъ, сколько въ морѣ песку.“
Отвѣчаетъ Михайло Архангелъ свѣтъ имъ чудотворецъ:
„Отойдите злые, окаянные!
„Бѣлый свѣтъ вамъ на волю данъ былъ,
„Сами вы себѣ мѣсто уготовали,
„Мѣсто, муку вѣчную и тьму кромѣшную.“
Рече Михайло Архангелъ, чудотворецъ:
„Ангели, вы мои Архангели,
„Берите прутье желѣзные
„Гоните вы злыхъ окаянныхъ,
„Гоните ихъ въ рѣку огненну
„Засыпьте ихъ пескомъ и хрущобою

„Завалите доскою чугунною
„Не чулъ бы я отъ нихъ ни писку, ни вереску,
„Ни зубнаго бы отъ нихъ скрежетанія."
Они идутъ да слезно плачутъ, отцу матери причитаютъ:
Ко сырой землѣ припадаютъ:
„Почто вы насъ отцы-матери породили,
„Краше бы насъ на родинахъ растоптали,
„Ко страху Божьему вы насъ не учили."

Сообщено А. Григорьевымъ.

XVI.

СТИХЪ О ПЯТНИЦѢ.

Во славномъ городѣ въ Ерусалимѣ
На той горѣ на Вертепѣ,
Стояла святая пустыня,
Въ этой пустынѣ жилъ святой пустынникъ Василій
И молился онъ Господу Богу,
Жёстко онъ молился со слезами
Умолилъ онъ себѣ царство небесное.
Во снѣ ему Пятница явилась:
Крестомъ его оградила,
Свѣчею его освѣтила
Словесно ему говорила:
„Стань же ты, стань, рабъ Божій пробудися,
„Поди же на святую на Россію
„Разсказывай людямъ православнымъ,
„Чтобы другъ друга люди возлюбили,
„Братъ братомъ называли,
„Отцей матерей почитали,
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
„Ай вы мужи и жены честныя!
„Середы, да пятницы почтите,
„Въ воскресные дни Богу молитесь,
„Дѣтей своихъ не проклинайте,

„Жидами не называйте:
„Жиды у Христа проклятые:
„Жиды Христа проклинали,
„Святую одежду Его раздирали,
„Кошьемъ святое тѣло протыкали
„Святую Христову кровь пролизали,
„На крестъ Христа распинали,
„Гвоздями руки, ноги приковали,
„Обручи желѣзные набивали,
„Во землю его зарывали.
Изъ мертвыхъ Христосъ воскресе,
„Изъ гроба Христосъ да возставши—
„Весь міръ православный взрадовался:
„Слава Тебѣ Христе Боже да на небеси!“

ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ И СОЛДАТСКІЯ.

I.

Жилъ-былъ князь Романъ Митріёвичъ,
Съ женкой спалъ и ей прищавилось ночью,
Что у ней перстень спалъ съ правой руки,
Съ правова перстечка, съ мезёночка,
И разсыпался на мелкія зёрночка;
Она всѣ собрала, одного не могла отыскать.
Даемъ мы знать по всѣмъ землямъ, по всѣмъ ордамъ,
Чтобы твой сонъ разсудили,
Чтобы твой сонъ разсказали.
„Я свой сонъ сама разсужу,
Я свой сонъ сама разскажу:
Прибѣгутъ ко мнѣ изъ-за моря,
Три червленыехъ, три корàбля,
Увезутъ меня, Марью, за сине море,
За сине-море, за соленое,
Къ тому Мануилу сынъ Ягайлову“.
Онъ не слушалъ тѣхъ рѣчей,

Онъ ушелъ скорѣй въ тихи мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ, сѣрыхъ уточекъ.
Она сѣла къ окошечку косивчиту (косящату?)
И глядитъ: бѣжатъ изъ-за моря,
Изъ-за моря, изъ-за синя
Три чорныихъ, три корабля,
Приворачиваютъ къ нимъ въ гавань корабельную
И видитъ Марья — увезутъ меня
За сини моря, за соленыя:
Она запирала окошечко ковшивчето,
Пошла по палатѣ бѣлокаменной,
Изъ бѣлыхъ палатъ на новы сѣни,
Съ новыхъ сѣней на красно крыльцо,
Съ краснаго крылечка на дубовый мостъ,
Съ дубоваго моста на тропиночку.
По тропиночкѣ Марья въ чисто поле,
И засѣла подъ яблонь кудреватую,
И прибѣгали три кораблика, три черныихъ
Прямо въ гавань корабельную,
Подбирали парусы полотняны,
И метали якори булатные,
И выпущали шеенки (*) шелковыя,
И спущали на воду шлюпку легкую,
И садились въ шлюпочку, пріѣхали
Прямо въ гавань корабельную.
И шли въ палаты бѣлокаменны
И искали Марью — не могутъ найти!
Одинъ былъ воръ, поваренный дѣтинушка,
Не искомъ ищетъ — слѣдочки выправливаетъ,
Выправливаетъ, да вырѣзываетъ
По тропиночкѣ Марьи слѣдочки выправливаетъ,
Дѣтинушка повареный вырѣзываетъ,
И нашелъ ее подъ яблонью кудреватою.
"— Ты ли есть Марья Юрьевна?"
„Я не Марья Юрьевна,
Я Марьина служаночка".

(*) Ширинки, лѣсенки.

„Скажи, ты ли есть Марья Юрьевна?“
„Я есть Марья Юрьевна, лебядь бѣлая“,
Онъ и бралъ ее за ручки бѣлыя,
И за тѣ ли перстни злаченыя
И увозилъ на червленомъ на кора́блѣ
За сине-море, за соленое.
И пришелъ дѣтинушка поваренный
Къ Мануилу сыну Ягайлову;
Онъ встрѣчаетъ его съ честью, съ радостью,
Онъ бралъ Марью за руки за бѣлыя,
За тѣ ли перстни злаченыя,
Онъ хочетъ цаловать ее въ сахарны уста.
Говоритъ ему Марья Юрьевна:
„У насъ до трехъ годовъ не цалуются, не обнимаются“.
И ушелъ Мануйло Ягайловичъ на тихи-мелки заводи
Стрѣлять гусей, бѣлыхъ лебедей,
Маленькихъ пернатыхъ сѣрыхъ уточекъ;
Пòйдучи матери наказывалъ:
„Дай ей нянюшекъ, служаночекъ,
Ежели она закручинится“.
Она сидѣла у окошечка косивчата,
Глядѣла въ околенку стекольчату.
Вотъ мать его идетъ спрашиваетъ:
„Чего ты сидишь у окошечка у кошивчата,
Чего плачешь, уливаешься?“
„Сегодня у меня, на Руси, великъ праздникъ,
Великъ праздникъ—Свѣтло Христово Воскресеніе;
Гуляютъ жены христіанскія,
Купеческія, министерскія, крестьянскія,
И послѣднія жены солдатскія,
И голи кабацкія;
А я сижу у окошечка,
Проливаю свои слезы горючія“.
Мать дала ей няпчекъ, служаночекъ въ сады гулять
И дала напитковъ всякихъ разныехъ,
И дала козла любимова Моналинова;
Она напоила нянекъ до пьяна,
Что няньки лежатъ сами бе́зъ себя.
Вотъ она взяла козла зарѣзала,
Пришла Марья на гору высокую,

Скидавала свое платье цвѣтное,
Надѣвала на лѣсиночку,
И пошла съ горы,
Ей на встрѣчу быстра рѣка.
И быстра рѣка идетъ,
Что̀ громъ гремитъ,
И взмолилась Марья быстрой рѣкѣ:
„Ой же ты, мать, Дарья-рѣка!
Сдѣлайся по женскимъ перебродищамъ,
Станьте переходы узкіе, переброды мелкіе,
Пропустите меня Марью Юрьевну!“
И рѣка Марью послушалась:
Сдѣлалась по женскимъ перебродищамъ;
Перебрѣла она черезъ быстру рѣку,
Пошла она впередъ попадать
И пришла ей больше того рѣка.
Она видитъ, что перейти нельзя;
Смотритъ, плаваетъ на другой сторонѣ колода бѣлодубова,
И взмолится Марья той колодѣ бѣлодубовой:
„Ой же ты, колода бѣлодубова!
Перевези меня черезъ быстру рѣку,
А выйду на Святую Русь,
Вырѣжу тебя на мелки кресты,
На чудны образы
И вызолочу червоннымъ краснымъ золотомъ“.
И колода ее послушалась:
Перевезла ее черезъ быстру рѣку.
И пришла Марья Юрьевна
Къ Роману Митріёвичу,
Сама взговоритъ таковы рѣчи:
„Ой еси, ты Романъ, князь Митріёвичъ!
Вывеземъ мы колоду бѣлодубову
На святую Русь,
Вырѣжемъ на мелки кресты
И на чудны образы,
И вызолотимъ червоннымъ краснымъ золотомъ“.
И вывезли ту колоду бѣлодубову
На святую Русь
И вырѣзали на мелки кресты,
И на чудны образы,

И вызолотили червоннымъ краснымъ золотомъ
И разослали по церквамъ.

Архангельская Губернія. Запис. С. В. Максимовъ.

II.

Романъ князь, Митріёвичъ младъ,
Поѣзжалъ онъ въ чисто поле
Сбирать дани за тѣ годы, за старые;
И унимаетъ его княгиня Марья Юрьевна:
„Душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ!
Ни уѣдь ты въ далеко чисто поле
Сбирать тѣ дани, сударь, пошлины:
Какъ ночесь мнѣ, Марьѣ Юрьевнѣ,
Мало спалось, много видѣлось,
Много видѣлось, во снѣ грезилось:
Будто спалъ у меня, у Марьюшки, злаченъ перстень
Съ меньшова перста, съ мизёночка,
И разсыпался на мелкія зёрнотка, на мушенки.
Тутъ изъ дàлеча, далéча, изъ чиста поля
Прилетѣло стадо черныхъ вороновъ,
Расклевали мой, Марьюшкинъ злаченъ перстень.
Кто бы могъ мой сонъ теперь рòзсудить?“
Говоритъ князь Романъ, сударь Митріевичъ:
„Ты не плачь, княгиня Марья Юрьевна,
Юрьевна, ты лебедь бѣлая!
Я какъ съѣзжу въ далеко чисто поле,
Такъ съищу тамъ много знахарей,
Что могутъ тебѣ розсудить твой сонъ“.
Говоритъ княгиня, Марья Юрьевна:
„Ты, душенька, Романъ князь, сударь Митревичъ,
Не надо мнѣ твоихъ много знахорей,
Я могу этотъ сонъ сама весь рòзсудить:
Какъ ты уѣдешь въ далече чисто поле,
Такъ изъ той земли, изъ бусурманскія,
Наѣдутъ многи поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корàбляхъ;
Увезутъ меня княгиню Марью Юрьевну“.

Ничего князь Романъ не побаровалъ (sic)
И уѣзжалъ въ дàлече чисто поле.
Въ ту пору, въ то время
Пріѣзжали поганы татарове
На трехъ червленыхъ новыхъ корàбляхъ.
Тутъ княгиня въ побѣгъ пошла:
Выходила изъ высока нова терема
На новыя сѣни,
Съ новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора въ зеленый садъ,
Тамъ приздынула яблонь кудреватую,
И садилась подъ яблонь кудреватую.

А тѣ поганы татарове
Выѣзжали на крутой красенъ бережокъ,
Приходили въ высокъ теремъ:
Туто ходитъ Марьина протомойница;
Они туто взяли плеточки шелковыя,
Стали туто бить Марьину протомойницу:
„Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“
И говорила имъ Марьина протомойница:
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна,
Я есть Марьина протомойница“.
Они стали туто бить Марьину клюшницу:
„Ты скажи намъ, скажи, не утай-скажи,
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“
И говорила имъ Марьина клюшница;
„Я есть не княгиня Марья Юрьевна.
Я есть Марьина клюшница“.
И стали они Марью отыскивать:
Выходили они изъ высока нова терема
На новы сѣни,
Со новыхъ сѣней на широкій дворъ,
Съ широка двора во зеленый садъ,
Приздынули тутъ яблонь кудреватую
И нашли княгиню Марью Юрьевну,
Стали Марьюшку допрашивать:
„Скажи: ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?“

„Нѣтъ, я не княгиня есть Марья Юрьевна,
Я есть Марьина постельница".
Тутъ они брали плёточки шелковыя,
Стали ее бить, не жалѣючись,
И стали ее снова допрашивать:
„Скажи, скажи, не утай-скажи:
Ты ли есть княгиня Марья Юрьевна?"
Тутъ она и сказалась имъ:
„Я есть княгиня Марья Юрьевна".
Взяли они княгиню за бѣлы руки,
И вели на пристань корабельную,
И привезли къ Батышу на червленъ корабль;
Беретъ ее Батыша за бѣлы руки,
И цалуетъ княгиню въ сахарны уста,
Говоритъ княгиня Марья Юрьевна:
„Ой же ты, Батышъ царь Батурьевичъ!
Не цалуй ты меня въ сахарны уста,
Не скверни устовъ моихъ сахарныхъ,
Когда привезешь въ землю бусурманскую..."

1-го августа 1856 г., Калгалакша. 110 верстъ отъ Кеми, на Бѣломъ Морѣ. Запис. С. В. Максимовъ. Дальш пѣвецъ не зналъ; а ссылался на второй варіантъ.

Ужь вы люди ли, вы люди стародавніе!
Молодые молодцы да-воль послушати,
Еще я вамъ разскажу про царевый про походъ,
Про грозна царя Ивана Васильевича:
Онъ подходомъ подходилъ подъ Казань городокъ,
А подкопы подкопалъ подъ Казанку подъ рѣку.
Что татары же по городу похаживали,
Что грозна царя Ивана Васильевича поддразнивали.
Что и тутъ-то нашъ грозенъ царь прикручинился,
Онъ повѣсилъ буйну голову на правое плечо,
Утупилъ онъ ясны очи во сыру-мать землю,
Онъ велѣлъ ли государь-царь пушкарей сзывать,
Пушкарей созывать зажигальщичковъ,
Онъ велѣлъ судáрь скоро казнить, скоро вѣшати.
Не успѣлъ молодой пушкарь слово вымолвить,
Воску яраго свѣча затеплилася

Что и съ порохомъ бочка загорѣлася,
Что побило татаръ сорокъ тысячей и три тысячи.

Москва. Пѣлъ цыганъ Антонъ Сергѣевъ.
Записано А. Григорьевымъ.

СВАДЬБА ГРОЗНАГО.

Пріутихло-пріуныло море синее,
Глядучись-смотрючись со черныхъ кораблей,
И со тѣхъ марсовъ карабельныихъ,
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на круты красны бережки.
Пріутихли-пріуныли круты красны бережки,
Глядючись-смотрючись съ черныхъ кораблей
И со тѣхъ марсовъ карабельныихъ
И со тѣхъ трубочекъ подзорныихъ
И на тѣ на горы высокія
И на тѣ на поля зеленыя
Пріутихли-пріуныли поля зеленыя.
Глядючись-смотрючись на государевъ дворъ
Преставляется царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна;
Въ головахъ сидятъ два царевича,
Въ ногахъ сидятъ млады двѣ царевны,
Супротивъ стоитъ самъ Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ,
Говоритъ царица таковы рѣчи:
„Ужь ты слушай царь, послушай-ко,
„Что я тебѣ царица повыскажу
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
„До своихъ до младыхъ двухъ царевичевъ,
„Когда будутъ они во полномъ умѣ
„И во твердомъ будутъ разумѣ,
„Тогда будетъ оборона отъ новыхъ земель.
„Еще слушай царь, ты послушай-ко:
„Когда будутъ дѣвицы во полномъ умѣ,
„Во полномъ умѣ, въ твердомъ разумѣ,
„Ты тогда отдавай дѣвицъ за мужъ.
„Еще слушай царь, ты послушай-ко:

„Что я тебѣ царица повыскажу:
„Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ до князей, до думныхъ бояръ
И до того ты до дядюшки любимаго
И до своего ты до крестнаго батюшки
До того Богдана Сирскаго:
И тутъ твоя дума крѣпкая!
Еще слушай, царь, ты послушай-ко:
Не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До своихъ солдатушекъ служащіихъ:
И тутъ твоя сила вѣрная!
Еще слушай царь, ты послушай-ко:
И не будь ты яръ, будь ты милостивъ
До всего народу православнаго;
Еще слушай, царь, ты послушай-ко,
Что я тебѣ царица принакажу,
Принакажу и повыскажу:
Когда я царица преставлюся,
Не женись ты, царь, въ проклятой Литвѣ
На той ли Марьѣ Темрюковнѣ,
А женись ты, царь, въ Каменной Москвѣ,
На той Супавѣ Татарскіѣ
Хоша есть у ней много приданаго
Пановей, улановей и злыхъ поганыхъ татаровей,
Есть у ней брателко родимое
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ.
И тутъ царица просыпалась.
Тутъ царицѣ славу поютъ.
Прошло времени три мѣсяца.
Похотѣлъ сударь Грозенъ царь
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
И покатился онъ во ту ли матушку прокляту Литву.
Покататися и женитися
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Онъ не слушалъ своего крестнаго батюшки
И того Богдана Сирскаго.
Пріѣзжалъ онъ скоро въ прокляту Литву
И бралъ онъ Марью Темрюковну
И со тѣмъ со брателкомъ родимымъ
Кострюкомъ Темрюковичемъ.

Отправлялся онъ изъ проклятой Литвы,
Не дошедъ онъ матушки каменной Москвы
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ.
За сто верстъ становилъ онъ свою силу-армію
И сходилъ онъ скоро со добра коня,
И бралъ онъ чернильницу вольянскую,
И бралъ перо лебединое,
И бралъ бумагу листъ гербовыя
И писалъ онъ скоро посоленъ листъ
И посоленъ листъ на золотъ столъ
Своему дядюшкѣ любезному
И крестному батюшку Богдану Сирскому:
„Дядюшка Богданъ ты мой Сирскій!
Стрѣнь ты меня съ честью и съ радостью
И со тѣмъ пѣтьемъ божьимъ церковныимъ
И со тѣмъ со звономъ колокольныимъ,
Со той пальбой пушечной.
Отравлялся его скорой гонецъ,
Скорой гонецъ и скорой посолъ,
Не стрѣтилъ его дядюшка любимой
За сто верстъ,
Не дошелъ онъ матушки каменной Москвы
Равномѣрныхъ верстъ пятисотныихъ;
За двадцать за пять становилъ онъ свою силу-армію
Отправлялъ скора гонца
Скора гонца и скора посла,
Чтобъ чистить улицы широкія,
Исправить фатеры дворянскія,
Гдѣ стоять моей силѣ-арміи.
И приваливалъ онъ во матушку каменную Москву
И не стрѣтилъ его любезной дядюшка
И тотъ Богданъ Сирскій
Не съ пѣтьемъ божьимъ церковныимъ
И не съ тѣмъ звономъ колокольнымъ,
Не съ той пальбой пушечной.
Заѣзжалъ сударь Грозенъ царь,
Грозный царь Иванъ Васильевичъ.
И во ту церковь Божію
Принималъ златы вѣнцы
И со той Марьей Темрюковной.

На той на радости великія
Заводилъ онъ почестенъ пиръ
На всѣхъ на князей на думныхъ бояръ,
На сильныхъ могучихъ богатырей.
Солнышко идетъ къ западу
И къ западу идетъ ко закату,
А почестенъ пиръ на весело
И всѣ въ пиру пьяны-веселы.
Говоритъ ему шуринъ любимой
Молодой Кострюкъ сынъ Темрюковичъ:
„Ай ты мой затюшко любезный!
Грозенъ ты царь Иванъ Висильевичъ
Есть ли у васъ въ каменной Москвѣ
Борцы-молодцы пріученые,
Кабы мнѣ съ ними поборотися.
Требовалъ сударь Грозенъ царь,
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ.
Борцей-молодцей не случилося,
Только случился Васенька хромоногенькой:
На лѣву онъ ножку припадываетъ
По двору прихрамываетъ
И ко двору государеву придвигается
И входитъ въ палаты царскія.
И говоритъ Кострюкъ сынъ Темрюковичъ
Своему зятелку любезному:
„Чортъ у васъ не борцы-молодцы
„И не пріученые.
Говоритъ Вася Хромоногенькой
Ай же ты сударь-таки Грозенъ царь!
Ежели Богъ пособитъ, Никола поможетъ
Кострюка побороть,
Изъ платья вонъ его вылупить
И по двору его нага спустить.
Говоритъ сударь Грозенъ царь
И грозенъ царь Иванъ Васильевичъ:
Ежели бы тебѣ Богъ помогъ
И Микола пособилъ Кострюка побороть
Изъ платья вонъ его вылупить
И по двору нага спустить —
Пятьдесятъ рублей тебѣ жалованья.

На лѣвую ножку онъ Вася припадывалъ,
А правой ножкой подхватывалъ
И металъ Кострюка о кирпичной полъ,
На брюхѣ его кожа трёснула,
На хребтѣ его кожа лопнула.
Изъ платья онъ его ногой вылушилъ
Не Кострюкъ былъ Темрюковичъ
Да и не брателко-то ей былъ родимое:
Была поляница удалая.
Бралъ царь свою Марью Темрюковну
И велъ онъ въ далече чисто поле,
Стрѣлялъ онъ ей въ ретиво сердце
Тутъ ей и славу поютъ.
Тогда слушалъ онъ своего дядюшку любезнаго
И Богдана того Спрскаго
И женился онъ въ каменной Москвѣ
Въ каменной Москвѣ, на святой Руси.

Арханг. Губ. зап. С. В. Максимовъ.

СВАДЬБА ГРОЗНАГО

(начало то же).

. . . . . .

Преставляется царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна.
При смерти она наказываетъ
Наказываетъ и доспрашиваетъ:
Грозный царь Иванъ Висильевичъ!
Будешь ли послѣ меня женитися
Али ты надёжа-царь будешь холостъ ходить,
Холостъ ходить, не женатой слыть.
Говоритъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
Я не буду послѣ тебя женитися
Надёжа-царь буду холостъ ходить
Холостъ ходить, неженатой слыть.
Говоритъ царица благовѣрная:
Ай же ты грозный царь Иванъ Васильевичъ!
Не мани меня, не омманывай

Будешь послѣ меня женитися
Во той ли матушкѣ проклятой Литвѣ,
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесетъ она рубашки красна золота,
Не моги надѣть на двухъ ясныхъ соколовъ,
Надѣнь на двухъ псовъ ядовитыихъ —
Увидишь тутъ чудо великое:
Затѣмъ будь добръ да милостивъ
До тѣхъ до двухъ ясныхъ соколовъ, до царевичей
Будь ты добръ, будь ты милостивъ
До тѣхъ до слуговъ вѣрныехъ,
До того народу христіанскаго.
Затѣмъ преставилась царица благовѣрная
Молодая Софья дочь Романовна.
Затѣмъ женился царь въ проклятой Литвѣ
На той на Марьѣ на Темрюковнѣ.
Принесла она рубашки пасынкамъ красна золота
Надѣли какъ на псовъ ядовитыихъ—
Тѣхъ псовъ разорвало.
Затѣмъ сталъ грозенъ царь
Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ
Сталъ его дядька спрашивать:

„Зачѣмъ исхудалъ? — „Не могу поляницой удалой владѣть: руку ногу закинетъ на меня жена—не могу духу перевести.

. . . . . .

. . . . . .

(Тутъ старуха спуталась и не хотѣла продолжать дальше. „Стыдно-де, нехорошее такое поется“. Такъ и не добился!...)

Максимовъ Арх. Губ.

О ИВАНѢ ГРОЗНОМЪ.

Прикажи Господи намъ старину сказать,
Старину сказать да стародавную,
Стародавную старинушку бывалую:
Про того царя Ивана да Васильевича,
У того царя Ивана да Васильевича
Заводилася бесѣда тиха, смирная,

Собиралися князи, бояре да со всѣхъ сторонъ
Князи бояре да вся поляница удалая.
Они пьютъ-то да хлѣба кушаютъ,
Во полу-пирѣ, да хлѣба рушаютъ,
Во полу-пирѣ да прирасхвастались,
Иной хвастаетъ: да кони добрые,
Другой хвастаетъ да золотой казной,
Третій хвастаетъ да молодой женой.
А грозенъ царь Иванъ Васильевичъ по палатушкѣ похаживаетъ,
„Ужь вы гой еси князи и бояре,
„Ужь вы хвастаете небылью, небылицею,
„Чѣмъ же я добрый молодецъ похвастаю?
„Я похвастаю, да я измѣною:
„Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Кіева.
„Ужь какъ выведу я измѣнушку изъ Нова-города,
„Ужь я выведу измѣнушку изъ матушки каменной Москвы!“
Тѣ князья бояре да ему рѣчь говорятъ:
„Ужь не вывести тебѣ измѣнушки изъ Кіева,
„И не вывести измѣнушки изъ Нова-города
„Да изъ матушки, да каменной Москвы,
„А тотъ выведетъ ту измѣнушку,
„Кто за однимъ съ тобой за столомъ сидитъ да хлѣба кушаетъ,
„Милой сынъ твой Ѳедоръ Ивановичъ“.
На то грозенъ царь Иванъ Васильевичъ осержается
И восходитъ онъ да на Красно-крыльцо
И крпчитъ онъ своимъ зычнымъ голосомъ:
Своимъ пилатамъ, да немилостивымъ;
И тѣ пилатушки да испужалися
По каменной Москвѣ да разбѣжалися,
Одинъ Малюта Скуратовъ да не устрашился.
Онъ бѣжитъ къ нему скоро на очи,
Прибѣжавъ къ нему низко кланялся:
„Ужь ты грозенъ царь Иванъ Васильевичъ,
„На что ты горы-гаркаешь, на что меня кликъ-кликаешь?
„Ужь ты гой еси Малюта Скуратинокъ,
„Возьми моего сына милаго за бѣлы руки его,
„За бѣлы руки, за златы перстни
„И поведи его на то поле на Куликово
„Ко той ямѣ да кровавыя,
„Къ той доскѣ да къ дубовыя,

„Снеси ему да буйну голову
„Принеси мнѣ сабельку кровавую“.
И онъ взялъ его за бѣлы руки
И повелъ его въ чисто поле да въ Куликово.
Увидалъ его любезный шуринъ Никита Варламовичъ,
Онъ садился на добра коня
И посадилъ за себя молодаго клюшничка
Погналъ на то поле на Куликово
И кричитъ онъ зычнымъ голосомъ:
„Ужь ты гой еси Малюта Скуратинокъ
„Не твой кусъ да не тебѣ и кушати
„Ужь ты на-тко да насытися
„Моимъ молодымъ ключничкомъ!“
Онъ взялъ ему клюшничку срубилъ буйну голову
И понесъ ту сабельку кровавую
Ко тому царю къ Ивану Васильевичу.
А у грозна царя Ивана Васильевича
И пиръ пошелъ да не навеселѣ
Въ барабаны били да не на радости,
Не на радостяхъ, да не по старому,
Изъ пушекъ палятъ да не по прежнему,
А изъ мелкаго оружія да обсѣкается.
А у его любимаго шурина Никиты Варламовича
У него пиръ-то идетъ да по веселому,
Въ барабаны бьютъ да все по старому,
А изъ пушекъ палятъ да все по прежнему,
А изъ мелкаго оружія утиху нѣтъ.
Посылаетъ къ нему грозенъ царь Иванъ Васильевичъ скорыхъ пословъ:
„И приведите мнѣ любезнаго шурина Никиту Варламовича!“
И привели его Никиту Варламовича къ нему на дворъ.
„На что же ты меня любезный зятюшка,
„Грозенъ царь Иванъ Васильевичъ требуешь?
„Къ чему радошенъ, да къ чему радъ
„Мой любезный шуринъ Никита Варламовичъ
„Моему-то развѣ безвременьицу?
„У меня одна была жемчюжина и та скатилася
„И пиръ у тебя идетъ по веселому,
„Въ барабаны у тя бьютъ да все по старому,
„Изъ пушекъ-то палятъ все по прежнему,

„Изъ мелкаго оружія не утихается.
„Ужь ты гой еси грозенъ царь Иванъ Васильевичъ
„Есть въ гостяхъ небывалой гость
„Небывалой гость Ѳедоръ Ивановичъ!“
„Гой ты еси мой любезный шуринъ Никита Варламовичъ!
„Обратилъ ты мое да ретиво сердце
„Взвеселилъ мою буйну голову,
„Воротилъ ты мнѣ мою жемчюжину“.
И пошелъ у нихъ пиръ да по веселому,
Въ барабаны били да все по старому
Изъ пушекъ палятъ да все по прежнему,
Изъ мелкаго оружія не утихаются.

Сообщено А. Григорьевымъ.

Грозенъ былъ воинъ царь нашъ батюшка,
Первый царь Иванъ Васильевичъ,
Сквозь дремучій лѣсъ съ войскомъ силою
Онъ прошелъ въ страну татарьскую
Сѣе царство взялъ Казанское
Господарство Астраханское,
Вывелъ Перьфила изъ Нова-города,
Не вывелъ измѣну въ Каменной Москвѣ
То царьско серьче разгоралося.
Пусче огня, пусче полымя.
Вотъ сказалъ онъ рѣчью громкою:
У меня дзе-есть всяки мастеры,
Есть такія разны дохтуры,
Но всѣ прячутся, старый за малаго,
И хоронются — малый за стараго,
А одинъ изъ нихъ лишъ не прятчется,
То Малютка-палачъ, то Гурбатовъ сынъ,
Ну пойди-ко сюда, гой Гурбатовъ сынъ!
Сослужи-ка небось службу вѣрную,
Службу вѣрную неизмѣнную:
Во палаты ступай въ царски каменны,
Взявъ царевича тамъ за черны кудри,
Разпояси съ него шелковый поясъ,
Золотой перстепекъ сними со правой руки,
Отведзи самого на Москву рѣку,

Впрямъ на мѣсто на то,—мѣсто лобное,
И на плаху на ту, что на липову
И сними тамъ съ него буйну голову,
А мнѣ къ явкѣ подай саблю острую,
Саблю вострую въ горючей его рудзѣ.
И увидзѣлъ то Ѳедоръ Ивановичъ,
Ѳодоръ Ивановичъ, Пожарской сынъ,
Изъ косячита изъ окошечька,
Пропустивши царя вдоль по улицѣ
Вдоль по улицѣ, вдаль отъ терема
Какъ воскликнетъ онъ ко Гурбатову:
Ой ты гой еси! Гурбатовъ — палачъ!
Не за свой ты кусъ принимаешся,
Самъ кусомъ такимъ подавишься.
И Пожарской позвалъ слугу вѣрнаго
Слугу вѣрнаго, своево стряпчаго,
Своево стряпчаго, что не лудчева,
Что не лудчава, своево клюшничка:
На, сними (?) онъ пробилъ съ него голову,
Снеси саблю къ царю, — въ горючей рудзѣ.
А къ царевичу не причаствуйся.
Вотъ на утро царь Иванъ Васильевичъ
На поминки собралъ, поголовно народъ.
Онъ бояръ повелѣлъ во медвѣжны вшивать
Во медвѣжны вшивать, по Москвѣ-рѣкѣ пусчать
А поповъ приказалъ во кули зашивать,
Во кули зашивать, по Мосвѣ-рѣкѣ пусчать
Что царевича, не засчюняли.
Вотъ съѣзжаются всѣ во платьи чернаимъ
Въ платьи чернаимъ, — во печальнаимъ,
А ѣдзетъ лишъ Ѳедоръ Ивановичъ
Ѳедоръ Ивановичъ, — Пожарской сынъ
Пожарской сынъ, во нарядзѣ цвѣтномъ
Во нарядзѣ цвѣтномъ, — въ яркомъ золотсѣ,
И кони его всѣ обряжены,
Всѣ обряжены что не лудчія
А веселье въ самомъ, — такъ не кроится.
Вотъ увидѣлъ его царь Иванъ Васильевичъ.
Какъ воскликнетъ онъ громкимъ голосомъ
Охъ ты гой еси Ѳедоръ Ивановичъ

Θедоръ Ивановичъ — Пожарской сынъ!
Аль объ горѣ моемъ ты не извѣдался,
Что орядитца поспѣлъ, словно въ радосный пиръ.
А пожарской сынъ отвѣчаетъ царю:
А я батсюшка царь, — все въ отлучкѣ гулялъ,
Все въ отлучкѣ гулялъ за охотою
И поймалъ сокола, что не лудчава,
Что не лутчава тсеэ ближнява,
Ты сына тсеэ роднаго.
И возрадовался царь, и отвѣтствовалъ ему:
Ужъ ты гой еши Θедоръ Ивановичъ
Θодоръ Ивановичъ — Пожарской сынъ
Вѣдь не мнѣ бы царемъ, а тсеэ должно быть:
Ты умѣлъ соблюсти царски сѣмены.

Княгининскаго Уѣзда, с. Спѣшнева. Доставили.

ТАТАРСКІЙ ПОЛОНЪ.

Какъ за рѣчкою,
Да за Дарьею
Злы татарове
Дуванъ дуванили.
На дуваньицѣ
Доставалася,
Доставалася
Тёща зятю.
Вотъ повезъ тёщу зять
Во дикую степь,
Во дикую степь
Къ молодой женѣ.
„Ну и вотъ, жена,
„Тѣ работница,
„Съ Руси русская
„Полоняночка.
„Ты заставь ее
„Три *дѣлъ* дѣлати.
„Первóе дѣло —
„Куделю прясть,

„Другое дѣло —
„Лебедей стеречь,
„А и третье дѣло —
„Дитю качать“. —
Полоняночка
Съ Руси русская
(О)на глазками
Лебедей стережетъ ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками.
Колыбель колышàтъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ :
„Ты баю, баю,
„Боярскій сынъ!
„Ты по батюшѣ
„Золъ татарченокъ,
„А по матушкѣ
„Ты русеночекъ,
„А по роду мнѣ
„Ты внученокъ ,
„И моихъ черевъ
„Ты урывочекъ.
„Вѣдь твоя-то мать
„Мнѣ родная дочь,
„Семи лѣтъ она
„Во полòнъ взята,
„На правой груди въ ней
„Есть и родинка,
„На лѣвòй ногѣ
„Нѣтъ мизинчика!
„Мнѣ бить тебя —
„Такъ грѣхъ будетъ ;
„Мнѣ дитей назвать —
„Мнѣ вѣра не та !„
Услыхали то
Дѣвки сѣнныя,
Прибѣжали онѣ
Къ своей барынѣ

„Государыня
„Наша барыня“.
Полоняночка
Съ Руси русская
(О)на глазками
Лебедей стережетъ,
А ручками
Кудель прядетъ,
А ножками
Колыбель колышàтъ.
Охъ, качаетъ дитя,
Прибаюкиваетъ:
„Ты баю, баю,
„Боярскій сынъ!
„Ты по батюшкѣ
„Золъ татарченокъ,
„А по матушкѣ
„Ты русеночекъ,
„А по роду мнѣ
„Ты внученокъ,
„И моихъ черевъ
„Ты урывочекъ.
„Вѣдь твоя-то мать
„Мнѣ родная дочь,
„Семи лѣтъ она
„Во полòнъ взята,
„На правой груди въ ней
„Есть и родинка,
„На лѣвòй ногѣ
„Нѣтъ мизинчика!
„Мнѣ бить тебя,
„Такъ грѣхъ будетъ;
„Мнѣ дитей назвать,
„Мнѣ вѣра не та!“

Что стучитъ, грючитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ,
По сѣнямъ бѣжитъ
И дрожа дрожитъ.
Дочка къ матери

Повалилася,
Повалилася
Во рѣзвы ноги :
„Государыня
„Моя матушка !
„Не спознàла тебя ,
„Моя родная !
„Ты бери ключи ,
„Ключи зòлоты,
„Отпирай ларцы ,
„Ларцы кованы ,
„Ты бери казны
„Сколько надобно;
„Ты ступай-ко мать,
„Во конюшенку ,
„Ты бери коня
„Что не лучшаго (*),
„Ты бѣги, бѣги, мать,
„На святую Русь".
— Не поѣду я
На святую Русь,
Я съ тобой, дитя,
Не разстануся.

N*

Охъ ты поле мое, поле чистое!
Ты раздольицѣ широкое !
Ты крапива стрекучая !
Какъ гулялъ тутъ добрый молодецъ,

(*) Въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ варіантовъ, вмѣсто этихъ двухъ стиховъ поютъ:

Ты бери-ко, мать,
Укрючныхъ коней.

Извѣстно, что укрючными называются запасныя лошади: когда одна лошадь устанетъ, пересаживаются на укрючную. Этой пѣсни очень-много варіантовъ; въ нѣкоторыхъ пропущены однѣ подробности, въ другихъ другія; но стихи, въ которыхъ говорится про тяжелую работу матери, что она въ одно время три дѣла дѣлала, рѣшительно во всѣхъ упоминается такъ же, какъ и слова дочери, узнавшей въ полоняночкѣ свою дочь.

Что гулялъ онъ тутъ ровно тридцать лѣтъ,
Ровно тридцать лѣтъ и три года;
Загулялъ онъ къ королю въ Литву.
Король его любилъ, жаловалъ,
Цвѣтно платьице носили съ одного плеча,
На коняхъ они ѣздили съ одного стремя.
Ужь и сталъ молодецъ униватися,
Во хмѣлю онъ сталъ похвалятися:
Какъ и нынѣшнюю ночку, добрый молодецъ,
Я спалъ, ночевалъ у царя въ гостяхъ, —
У царя въ гостяхъ, во высокомъ терему,
Во высокомъ терему съ красной дѣвицей;
Я ли спалъ, цаловалъ красну дѣвицу,
Распрекрасную Елену Королевишну...
Ужь какъ были на молодца доносчички,
Донесли они королю на молодца.
А король-то велѣлъ молодца пожаловать:
На высокихъ ремешкахъ повѣсити.
Повѣли молодца впереди дворца,
А царевна кричитъ: не ведите молодца впереди дворца,
Поведите молодца позади дворца...
Добрый молодецъ на петелькѣ качается,
Красна дѣвица во теремѣ кончается.

Сообщено А. Григорьевымъ.

ПѢСНЯ ПРО ОСАДУ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

На Москвѣ было на базарѣ;
Собиралися бояре;
Выбирали бояре
Изъ бояръ воеводу,
Выбирали Ивана Петрова,
Изъ того ли изъ роду Салтыкова (*),
Передъ царскія очи становили.
Какъ возговоритъ православный царь,
Алексѣй-то Михайловичъ,
Его царское величество:

(*) Салтыковъ ли былъ при осадѣ Соловецкаго Монастыря?

„Охъ ты гой еси, большо̀й бояринъ,
„Ты любимый мой воеводушка!
„Ты ступай-ко, ко морю ко синему —
„Ко тому острову ко большо̀му,
„Ко тому монастырю ко честному,
„Къ Соловецкому;
„Ты порушь вѣру старую, правую,
„Постановь вѣру новую, неправую".
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царскій воеводушка:
„Охъ ты гой еси православный царь,
„Алексѣй Михайловичъ,
„Твое царское величество!
„Нельзя объ томъ и подумати,
„Нельзя объ томъ и помыслити:
„Какъ порушить вѣру старую, правую,
„Какъ поставить вѣру новую, неправую!"
Царь разозлился,
Царь распалился,
Воевода прогрѣшился.
Какъ возговоритъ большой бояринъ,
Любимый царской воеводушка:
„Охъ ты гой еси православный царь,
„Алексѣй Михайловичъ,
„Твое царское величество!
„Ужь и дай мнѣ силу не малую не великую:
„Сорокъ полковъ, да все тысячныхъ,
„Сорокъ пушекъ, да все мѣдныихъ:
„Зелья, пороху сколько надобно".
Какъ и было въ самый ли Петровъ-то день
Какъ на синемъ было морюшкѣ,
На большомъ было на островѣ,
Во честномъ монастырѣ было,
Отошла честна заутреня
Пономарь звонилъ къ обѣденкѣ.
Честны старцы пѣли молебены
Какъ бѣжитъ пономарь,
Неразумный звонарь:
„Охъ вы гой еси честны старцы!
„Какъ идетъ сила немалая, невеликая,

„Сорокъ полковъ да все тысячныхъ,
„Сорокъ пушекъ да все мѣдныхъ,
„Зелья, пороху сколько надобно,
„Да все войско православное,
„Не то идутъ они ратиться,
„Не то идутъ они молитися".
— Охъ ты глупой звонарь,
Неразумный пономарь!
Да то войско православное
Не идетъ оно ратиться,
Идетъ оно молитися!
На ту пору пушкари были догадливы:
Брали ядрушко калёное,
Забивали во пушечку мѣдную,
Палили во тотъ во честной монастырь,
Во Соловецкій.

Записано на Чугункѣ 1858. Мартъ. Отъ орловскаго мѣщанина.

ПѢСНЯ ПРО ВАНЬКУ КЛЮШНИКА.

Въ Москвѣ было во городѣ, на Сѣнной было площади,
Тамъ стояли-то хоромы, хоромы высокіе,
Что и того ли то и князя, князя боярина.
Что и жилъ-то тамъ князь со своей княгинею,
Что и жилъ-то тамъ Ванюша, Ваня, князю клюшничикъ,
Молодой его княгини вѣрной полюбовничикъ.
Что и годъ живетъ Ванюша съ княжней, другой живетъ,
Вотъ на третій годъ-годочекъ самъ князь да довѣдался,
Что отъ самой отъ послѣдней дѣвки сѣнной горьнишной
Вотъ выходитъ князь бояринъ на свой красенъ крылецъ,
Какъ возгаркнетъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
Да и слуги, мои слуги, слуги мои вѣрныя!
Вы идите, приведите вора Ваньку клюшника.
Какъ идетъ Ванюша-Ваня черезъ княжій дворъ,
Какъ на Ванюшкѣ рубашка вѣтромъ раздувается
Какъ у Ванюшки кудерцы кудри завиваются....
Какъ возговоритъ князь, воскликнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Ты скажи, скажи, Ванюша, скажи, варваръ ..... сынъ,
Ты съ которой поры-время живешь со княжнею?"

— Что я знать того не знаю, вѣдать я не вѣдаю.—
Какъ и сталъ-то князь Ванюшу пытать, крѣпко спрашивать,
Не добился князь боярinъ *таей* правды истины.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя!
Вы берите-тко, берите заступы желѣзныя,
Ужъ вы ройтя-тко, копайтя двѣ ямы глубокія,
Ужъ вы ставьте-тко, ставьтя два столба точоныя,
Перекладину кладитя, слуги, вы кленоваю.
Вы идитя приведитя вора Ваньку клюшника".
Вотъ ведутъ, ведутъ Ванюшу Ваню черезъ княжій дворъ,
Какъ у Ванюшки-Ванюши руки-ноги скованы,
Руки-ноги въ Вани скованы, да все переломаны... (*)
Вотъ идетъ, идетъ Ванюша, Ванюшка шатается;
А и князь-то стоитъ, ухмыляется;
Молодая-то княгиня въ теремѣ слезами заливается.
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Ты скажи, скажи Ванюша, скажи правду-истину".
— Ужь позволь, ты князь боярinъ, позволь Вани пѣсню спѣть,
Что и пѣсню Вани, пѣсню, пѣсенку послѣднюю:
Что и было, князь боярinъ, попито-поѣдено,
Въ краснѣ было, боярinъ, въ хорошѣ похожено.
На кроватушкѣ тесовой *въ* насъ было полежено,
Да за бѣлыя-то за груди *въ* насъ было похватано
Во уста-то во сахарны было поцаловано,
Съ одного плеча было *въ* насъ поношено!... (**)
Какъ воскликнетъ князь, возгаркнетъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Да и слуги мои, слуги, слуги мои вѣрныя,
Ужъ вы вѣшайте Ванюшу, вора Ваньку клюшника!"
Вотъ повѣсили Ванюшу, — Ванюшка качается...
Молодая-то княгиня въ теремѣ кончается...

(Орловской губ.)

(*) Въ другомъ варіантѣ еще стихъ:
А сафьянные сапожки кровью понаполнены.

(**) Въ другомъ варіантѣ еще стихъ:
Про твою ли, сударь, милость много было ругано.

Что на славной было улицѣ на Димитровкѣ,
Что у славнаго ли у князя, у боярина,
Побранилася кухарка съ младымъ ключничкомъ.
Ты не лайся, не бранися младой ключничекъ,
Я пойду ли донесу князю-боярину...
Ужъ ты батюшко ты нашъ, ты бояринъ, князь,
Ничево же ты не знаешь, да не вѣдаешь,
Что живетъ-то твоя княгиня съ младымъ ключникомъ!
Что возговоритъ нашъ батюшка бояринъ-князь:
Ужъ какъ есть ли у меня да слуги вѣрные,
Вы подите приведите млада ключничка,
Вы поставьте млада ключника въ середи двора,
Что подъ то ли подъ косящато окошечко,
Ужъ я стану младаго ключника доспрашивать.
Ты скажи, скажи младый ключничекъ, не утай грѣха,
Коли да правду ты мнѣ скажешь, я помилую,
А неправду ты мнѣ скажешь, я подъ кнутъ, да подъ кнутъ отдамъ,
Что живетъ ли моя княгиня съ твоей милостью?
—Что живетъ ли твоя княгиня со мною да три, ахъ да три года.
Что возговоритъ нашъ батюшка, да бояринъ, ахъ да бояринъ-князь:
Ужъ какъ есть ли у меня скорые конюхи,
Ужъ вы ройте мнѣ ямочки глубокія,
Вы поставьте два столба вы да два высокіе,
Перекладинку вы поставьте вы кленовую,
Ужъ вы петельку повѣсьте вы шелковую.
Молодой ключникъ на петелькѣ качается,
Молодой-то ли княгини жизнь кончается (*).

Записана А. Григорьевымъ отъ цыгана Антона Сергѣева.

Какъ на горкѣ, на горушкѣ,
Стоитъ новъ высокъ теремъ,
Стоитъ новъ высокъ теремъ,
Какъ во этомъ теремочкѣ
Живетъ онъ, бояринъ князь,
Не одинъ-то онъ живетъ князь бояринъ

(*) Или молодая ли княгиня на ножѣ кончается.

Съ молодой съ княгинею.
Какъ у этого ли князя
Жилъ-былъ Ванька-ключничекъ,
Молодой его княгини вѣрный полюбовничекъ;
Молодая его, душа княгиня,
Полюбила Ванюшку;
Она его не годъ любила,
Ой, да и не два года,
Какъ на третій годъ князь бояринъ,
Онъ только довѣдался,
Онъ дознался, только догадался
Черезъ красную дѣвушку;
Какъ и выходилъ князь бояринъ
На свое крàсно крыльцо,
Вскрикнулъ громкимъ своимъ голосочкомъ:
„Слуги мои вѣрные,
Вы подите, ко мнѣ приведите
Охъ да воронà коня,
Охъ, приведите ко мнѣ воронова
Съ черкасскими новыми сѣдлами;
Да подите, ко мнѣ приведите
Ивана клюшничка,
Ужь я его подарю ли,
Охъ да воронымъ конемъ,
Воронымъ его конемъ ли
Съ черкасскими сѣдлами“.
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня усмѣхается;
Молодая его, душа княгиня,
Слезьми обливается.
Какъ и сталъ онъ, князь бояринъ,
Ванюшку допрашивать:
„Ты скажи мнѣ, скажи, Ванюша,
Съ какихъ поръ съ княгинею живешь?“
„Я не годъ съ нею, сударь, живу ли,
Охъ да не два года“.
Какъ и вышелъ князь бояринъ,
На свое красно крыльцо,
Вскрикнулъ гроткимъ своимъ голосочкомъ:
„Слуги мои вѣрные,

Вы подите, мои слуги,
Во кузницу новую,
Вы возьмите, мои слуги,
Лопатки острые,
Вы поройте мои слуги,
Двѣ ямы глубокіе,
А во ямы-то поставьте
Столбики точеныя
На столбахъ на тѣхъ положьте
Матицу кленовую,
На матицу повѣсьте мотки шелковые,
А на этихъ на моткахъ повѣсьте
Иванушку ключничка".
Какъ идетъ, идетъ Ванюша,
Ваня спотыкается.
Молодая его княгиня
Слезьми обливается
Охъ виситъ, виситъ Ванюша,
Ванюша качается.

КОПАНІЕ КОНАВОВЪ.

Завела дѣвка шинокъ
Супротивъ своихъ воротъ;
Сама вышла на лужокъ
Заиграла во рожокъ,
Подала дружку слушокъ
Чрезъ зелененькій содокъ
Черезъ темненькій лѣсокъ
Ко Ванюшки на лужокъ.
У насъ по морю морю
Два кораблика плывутъ
Какъ на этихъ корабляхъ
По пятисотъ молодцовъ
Государевыхъ гребцовъ.
Они косятъ и гребутъ
Во стога сѣнцо кладутъ,
Браву пѣсенку поютъ;
Разговоры говорятъ

Все хозяина бранятъ: —
Ты разсукинъ сынъ хозяинъ
Разканалья сукинъ сынъ —
Здѣсь конавушки порылъ.

Изъ кремля ли, кремля, крѣпкаго города,
Отъ дворца ли, дворца государева,
Что до самой красной площади,
Пролегала тутъ широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ
Какъ ведутъ тутъ казнить добраго молодца,
Добраго молодца — большаго боярина,
Что большаго боярина—атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго величества.
Онъ идетъ ли молодецъ не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озпрается;
Что и тутъ онъ царю не покоряется.
Впереди-то идетъ грозенъ палачъ,
Въ рукахъ несетъ остеръ топоръ;
Позади пятъ — отецъ съ матерію,
Отецъ съ матерью—молодая жена...
Отецъ-мать во слезахъ слово молвили:
Ты дитя ли наше милое,
Покорися ты самому царю,
Царю бѣлому Петру Первому,
Принеси ты головушку повинную,
Авось тебя тогда Господь Богъ помилуетъ,
Государь царь тебя пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ...
Каменѣетъ сердце молодецкое,
Добрый молодецъ отца-матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой насмѣхается,
О милыхъ дѣтяхъ не болѣзнуетъ...
Что и тутъ онъ царю не покоряется.
Отрубили ему буйну голову
Что по самы могучи плеча.

Записана А. Григорьевымъ у цыганъ.

Выкатается свѣтъ нашъ, батюшка, первый императоръ,
Онъ на золотой-то на каретѣ,

Подъ нимъ лошади вороныя,
На самомъ на немъ платье черно,
Платье черно да все кручинно.
Докатается онъ да до Сенату
Докатается ко крылечку по прекрасному
Изъ коретушки да вылѣзаетъ;
Во присудствіе да самъ заходитъ.
Сенаторы всѣ да испугались
Изъ рукъ перья у нихъ повалились
Изъ очей слезы да покатились.
Осередь онъ полу становился
Господу-Богу да помолился,
На ременчатый стулъ онъ садился.
Онъ беретъ въ руки да листъ бумаги,
Листъ бумаги онъ да не плохіе
Не плохую онъ бумагу, гербовую,
Во правую перо да лебедино
Начинаетъ писать да доношеніе,
Отсылаетъ доношеніе да въ ину землю
Желаетъ онъ себѣ бою да драки.

Сообщено А. Григорьевымъ.

Заводилася война
Середи бѣла дня;
А что начато палить,
Только дымъ столбомъ валитъ;
Каково есть красно солнышко,
Не видно во дыму!
Только видно во дыму:
Не ясенъ соколъ летитъ,
Добрый молодецъ гуляетъ,
Онъ по крутой по горѣ,
Самъ на ворономъ конѣ;
По казакамъ проскакалъ,
Два словечика сказалъ:
„Вы казаки, вы казаки,
„Военные мои
„Удалые молодцы!

„Безъ размѣрушки пейте,
„Зеленаго вина,
„Посмѣлѣе поступайте,
„Со французомъ воевать!“
— Ужь мы рады воевать,
Слезны капли проливать!
Не пыль въ полѣ пылитъ,
Не дубровушка шумитъ:
Французъ съ арміей валитъ!
Онъ валитъ таки валитъ,
Самъ подваливаетъ;
Самъ подваливаетъ,
Рѣчь выговариваетъ:
„Еще много генераловъ —
„Всѣхъ въ ногахъ стопчу;
„Всея матушку Россеюшку
„Въ полонъ себѣ возьму,
„Въ полонъ себѣ возьму,
„Въ каменну Москву зайду!“
Генералы испугались,
Платкомъ слезы утирали,
Въ поворотъ слово сказали:
„Не бывать тебѣ, злодѣю,
„Въ нашей каменной Москвѣ!
„Не видать тебѣ, злодѣю,
„Бѣлокаменныхъ церквей;
„Не стрѣлять тебѣ, злодѣю,
„Золотыхъ нашихъ крестовъ!“
На лужку было, лужку
Стоитъ армія въ кружку:
Лапуховъ ѣздитъ въ полку,
Курилъ трубку табаку.
Для чего намъ не курить,
Зелена вина не пить!
Свинца, пороху довольно,
Сила во полѣ стоитъ.
Ужь мы бились, рубились
Четырнадцать часовъ:
Съ пяти на десять пробило,
Стали силу разбирать;

Стали силу разбирать,
Стали полковничковъ считать.
Не нашли такихъ убитыхъ
Полковничковъ до семи,
Енераловъ до восьми;
Мелкой солдатской силы
Сосчитать мы не могли:
Которые на горѣ —
По колѣнъ стоятъ въ рудѣ;
Которы подъ горой —
Тѣхъ засыпало землей.
Одинъ такой лежитъ
Таку рѣчь говоритъ:
Вы подайте-ко, ребятушки,
Чернилицу съ перомъ,
Чернилицу съ перомъ,
Листъ бумаги со гербомъ;
Напишу я таку просьбу
Государю самому.
Государю самому
Императору царю:
Еще нашъ-отъ генералъ
Много силы издержалъ:
Ужь онъ пропилъ, промоталъ,
Досталь въ карты проигралъ,
Инъ удары раздавалъ.

Архангельск. губер. Зап. С. В. Максимовъ.
Эта пѣсня сложена во время семилѣтней войны.

Разбисчастнинькой, безталаннинькой
Французъ зародился,
Онъ сы вечера рано спать ложилса,
Долго почивать,
Ничиво жь ли то я французикъ ли
Ничиво не знаю,
Што побили пво, пво армію
Донскія казаки,
Што мнѣ жаль-то, мнѣ жаль свою армію,
Есть еще жалчѣя

Што вотъ сняли мому, мому родному
Да родному братцу,
Што вотъ сняли ему, сняли йму головку
Да головку,
Што мене ль то мене, все французика
Въ полонъ мене взяли
Посадили мене все французика
Въ темнаю темницу.
Што вотъ тошно ли мнѣ, все французику
Въ тимници сидѣти.
Еслибъ зналъ-то бы зналъ, я французикъ ли
Я бъ тово ни дѣлалъ.

Сабурово Малоарх. Сент. 1858. Извѣстны мнѣ еще варіанты этой пѣсни, въ которыхъ, вмѣсто французика, упоминается прусской король.

О КУТУЗОВѢ.

Что не красное-то солнце возсіяло,
Возсіяла у Кутузова острая сабля.
Выѣзжаетъ князь Кутузовъ въ чисто поле,
Онъ беретъ съ собою силу да гренадеровъ,
Гренадеровъ и есауловъ,
Гренадеры и есаулы да не сробѣли,
Что французскаго маіора въ полонъ взяли,
Повели они маіора ко фельдмаршалу,
Ко тому же князю да ко Кутузову
Ко Михайлу его да къ Ларіоновичу.
Начинаетъ князь Кутузовъ его спрашивать:
„Ты скажи, скажи маіорикъ сущую правду:
„У васъ много ль во Парижѣ стоитъ силы?
„Стоитъ силы во Парижѣ сорокъ тысячъ
„По приступу генеральскому смѣты нѣту“.
Какъ на это князь Кутузовъ да разсердился
Какъ ударилъ онъ маіора да по рожѣ,
Онъ по рожѣ, да во правую щеку.
„Ужь ты врешь, ты врешь маіорикъ, врешь плутуешь,
„Меня, Кутузова князя, все проводишь
„Все проводишь меня, да ты стращаешь,

„Ужь я силы-то вашей да не боюся
„За генеральскіе приступы я примуся".

Сообщено А. Григорьевымъ.

Обѣщался императоръ
Къ рождеству вѣрно прибыть;
Всѣ празднички на проходѣ,
Александра царя дома нѣтъ.
Его маменька вѣрно родная,
Всѣ минуты и ночьки не спитъ.
Выду, выду на ту пору,
На ту башню, которая выше всѣхъ;
По ямской ямской дорожкѣ
Да не пыль вѣрно пылитъ,
Этой мой вѣрно курьеръ бѣжитъ.

Сообщено А. Григорьевымъ отъ М. А. Стаховича.

Середи Москвы на площади
Собирался полкъ — казачій кругъ;
Во томъ во кругу стоитъ добра лошадь,
На томъ на коню лежитъ кованò сѣдло,
На томъ на сѣдлѣ сидитъ доброй молодецъ,
Доброй молодецъ — офицерскій сынъ.
Онъ и такъ плачетъ — что рѣка льется,
Шелковымъ платкомъ утирается,
На всѣ стороны поклоняется,
Съ отцемъ-матерью прощается:
„Прощай батюшка, прощай матушка!
„Прощай душечка молода жена,
„Прощай дѣтки малыя, мои дѣтушки!
„Прощай братцы-товарищи!

Дросково Малоарх. у. Достав. М. А. Стаховичъ.

Тамъ построили, тамъ кабакъ
Ни про дѣвокъ, ни про бабъ,
Про холòстыхъ-то про робятъ.
Пришолъ мальчикъ выпилъ шкальчикъ
Веселёшенекъ пошелъ.
Прощай дѣвки, прощай бабы

Намъ теперича ни до васъ,
Вы солдатушки бирутъ насъ.
Наши ноженьки да ни ходятъ,
На свѣтъ глазушки ни глидятъ.

Шли солдатушки слободой,
Манятъ дѣвушекъ за собой:
„Вы пойдемте-ко, дѣвушки, съ нами,
„Съ нами добрыми молодцами,
„Не далече до Казани:
„Во Казани-то жить привольно,
„Жить привольно, гулять охотно,
„У насъ денежекъ предовольно,
„У насъ домики пребогаты,
„Бѣлокаменныя стоятъ палаты,
„Межъ домами-то *текетъ* рѣчька,
„Течетъ рѣченка медовая.
„По ней струечка золотая.“ —
Что за рѣченькой стоялъ кустикъ,
Стоялъ кустикъ, кустъ ракитовъ,
На кусточкѣ соловейко,
Соловеюшко сидитъ, громко свищетъ,
Громко свищетъ онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаетъ:
„Не здавайтесь вы, дѣвки, красныя,
„На солдатскія на обманки
У солдатушекъ домы — горы,
Домы — горы каменисты;
Межъ домами-то *текетъ* рѣчька
Текетъ рѣченька да кровяная,
По ней струечка слезѣная.

Кола. Зап. С. В. Максимовъ.

По дороженкѣ
По широкою
По московскою,
Туда шла-прошла
Сила армія
Конна гвардія

Три полка солдатъ
Все молодые
Безбородые,
Впереди полка
Знамена несутъ
Артикулъ мечутъ.
Ружье свѣтлое
Замки крѣпкіе
Кремни острые.
Замки сбрякали
Солдаты всплакали
Во походъ пошли
Во дороженьку.
Хоть не въ дальную
Да въ печальную
На сраженьицо
На ученьицо.
Гдѣ, ребятушки,
День-то намъ ночевать,
Ночь коротать?
Во темномъ лѣсу
Во сыромъ бору
Все подъ соснами
Подъ жеровыми
Подъ кудрявыми
Намъ постелюшка —
Мать сыра земля,
Намъ зголовьицо —
Зло кореньицо,
Одѣялышко —
Вѣтры буйные!

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

Что вились-то мои русы кудри, вились завивались,
Какъ заслышали мои кудерушки на себя невзгодье,
Что большое ли невзгодье, великое безвременье:
Что ужь быть-то мнѣ, доброму молодцу, во солдатахъ,
Что служить-то мнѣ, доброму молодцу, государю.
Что стоять-то мнѣ, доброму молодцу, въ караулѣ.

Вотъ стоялъ я, доброй молодецъ, въ караулѣ,
Пристоялись мои, (мои) скоры ноги;
Какъ задумалъ я, доброй молодецъ, задумалъ бѣжати.
Что бѣжалъ я, доброй молодецъ, не путемъ дорогой,
А бѣжалъ я, доброй молодецъ, темными лѣсами;
Во темныхъ лѣсахъ, доброй молодецъ, весь я ободрался,
Подъ дождемъ я, доброй молодецъ, весь я измочился.
Прибѣжалъ я, доброй молодецъ, ко своему подворью,
Прибѣжавши я, доброй молодецъ, подъ окномъ я постучался:
„Ты пусти, пусти, сударь батюшка, обсушиться,
„Ты пусти ль, пусти, моя малушка обогрѣться.“
„Я бъ пустила тебя, мое дитятко, боюсь государя;
„Ты поди ль, поди, мое дитятко, во чистое поле:
„Что буйнымъ вѣтромъ, мое дитятко, тебя тамъ обсушитъ,
„Краснымъ солнышкомъ, мое дитятко, обогрѣетъ.“
Какъ пошелъ-то я, доброй молодецъ, самъ заплакалъ.
„Ужь возмись загоритесь вы, батюшкины хоромы;
„Ужь ты сгинь, пропади, матушкино подворье.“

Зап. Т. И. Филипповымъ.

Настя по саду ходила,
Хмѣлю ярова щипала,
Брагу пьяную варила,
Въ погребахъ долго томила.
Настя гостей зазывала,
Всѣхъ по лавычкамъ сажала,
Сама сѣла на скамейки
Супротивъ души Ванюши,
Стаканъ меду наливала
И Ванюшѣ подносила
„Вышей, выкушай Ванюша“.
„Я ни пью, ни пью Настасья:
На миня вышла несчастья,
Нисчастьица ни бальшоя:
Хочуть Ванюшку поймати,
Рѣзвы ноженьки сковати,
Во солдатушки отдати“.
Ваню въ мѣру становили,

Ваня въ мѣри ни годился,
Вышелъ Ваня поклонился.

Сабурово Малоарх. у. сент. 1858 г.

СОЛДАТСКАЯ.

За рикой, рикою разгараитца
Изъ-подъ камушка дымочикъ зилинѣитца;
Да на этомъ да на камни лежать три подушачки,
На падушачкахъ ляжить жа отставной солдатъ,
Разварачивалъ свои полы, полы камчатнаи,
Онъ показывалъ свои раны, все кровяныи
. . . . . .
. . . . . .
Къ отцу, матери пойти, либы живъ либы нѣтъ.
Къ молодой жинѣ пойти — либы знаить либы нѣтъ.
Къ малымъ дѣтушкамъ пойтиджа — либы смыслють, либы жь нѣтъ!
Отвезёте мине, братцы, во чисто поля,
Вы поставьте мине, братцы, промежъ трехъ дорогъ:
Между тульской, между курской, промежъ питерской;
Во лѣву руку положьтя саблю востраю,
Во праву руку положьтя золоту ружье,
Во ногахъ же пеставьтя ворона коня,
Во главахъ жа вы поставьте мой поклонной хресъ.
А по той ли по дорожкѣ буде человѣкъ идеть
Енъ возьметъ золоту ружье идеть, настрѣляитси
Саблей вострой намахаетси
Енъ возьметъ ворона коня, енъ наѣздитси.

Орлов. г. Малоарх. у. Сабурово. Пѣлъ Иванъ Кондрашевъ.

Выѣзжаетъ молодой маіоръ,
Молодой маіоръ-полковничекъ,
Выбираетъ молодыхъ солдатъ,
Молодыхъ солдатъ ребятушекъ.
У отца было три сына,
Три сына хорошіе;
Большаго сына жаль отдать,
Средняго не хочется;

Отдамъ я сына меньшаго,
Сына меньшаго Иванушку!
Меньшій сынъ расплакался:
„Государь нашъ батюшка!
„Или я вамъ былъ не родный сынъ,
„Или я вамъ былъ пасынокъ?“
Да вы, дѣти мои милые!
Вы возьмите-тко по палочкѣ,
Да вы бросьте-тко по жеребью:
Да кому изъ васъ достанется? —
Доставалось сыну меньшему,
Сыну меньшему Иванушкѣ.

Дроздово, Малоарх. у. зап. М. А. Стаховичъ.

Что подъ бѣлою березой гусарь-отъ убитъ,
Бѣло личко прикрыто бѣлою китайкой;
Къ нему панья приходила, панья молодая,
Бѣло лицо покрывала, въ уста цаловала.
„Ты возстань, возстань любезной, возстань чернобровой,
„Ваши кони вороные во полѣ танцуютъ.“
Я лиха не хочу — во полѣ ночую.
Мой миленькой на Русѣ сущу правду скажетъ,
За рѣченькой, за рѣкой гусарь сѣно коситъ,
На другой-то сторонѣ панья воду носитъ,
Воду носитъ, дожжа проситъ;
Подай, Боже, дожжъ,
Ты подай, Боже, дожжа подай *поскоряѣ*,
Чтобы травоньку смочило, косы не чуяло,
Молодаго гусаря со поля сгонило!
Чѣмъ я мужу не жена, дому не хозяйка,
Три дни печи не топила, на печи-то жаръ, жаръ,
Молодаго гусаря очень его жаль, жаль.

Холмогоръ. Зап. С. В. Максимовъ.

Какъ и шли прошли солдаты молодые,
Да за ними идутъ матушки родные,
Во слезахъ пути дороженьки не видютъ,
Какъ возговорютъ солдаты молодые:

Охъ вы матушки родные, да родные,
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами.

Сабурово. Малоархан. уѣздъ.

Попила ли ты моя головушка
Не за батюшкиной, не за матушкиной буйной головою,
Не за братцевой, не за сестрициной легкой работой,
Что поймали-то раздобраго молодца поймали въ прилукѣ,
Что у той ли у прилуки у красной у дѣвки;
Что куютъ-то меня добра молодца, куютъ во желѣзы,
Посадили меня, добраго молодца, въ козырныя сани,
Привезли-то меня, добра молодца, въ городъ, во губерню;
Привели-то меня, добра молодца, привели ко пріему,
Посадили меня-то добра молодца во красное стуле;
Какъ и стали меня разудалаго стричь, они-то брити.
Ужь вы брейте мои кудерюшки, брейте не жалѣйте,
Отошлите мои кудерюшки ко красной ко дѣвкѣ.

Сабурово. Малоархангельскаго Уѣзда.

Что вы дѣвушки призадумались,
Красавицы жить не весело,
Жить не весело, да любить не каго,
Изъ молоденькихъ да ребятъ выбрать не кого?
Выбирайте вы себѣ да одиноково
Одинокіе, да не одинокіе
Не одинокіе, одинокіе есть всякіе,
Есть всякіе, да горьки пьяницы,
Горьки пьяницы, да все пропоицы,
Все пропоицы, да безпокоицы:
Онъ копѣйку наживетъ — въ кабакъ снесетъ;
Онъ другую наживетъ — изъ кабака нейдетъ!
Ты соловьюшко, да родной батюшко,
Ты куда, соколъ, летишь, куда машешься?
— „Я лечу-то машусь черезъ рѣку, на ту сторону,
„На ту сторону черезъ быструю рѣку,
„Черезъ быструю рѣку въ часты рощицы,
„Въ часты рощицы, да во зеленой садъ!“

Во зеленомъ во саду генералъ гулялъ.
Не единъ онъ гулялъ — съ генеральшею.
Размолоденькій солдатъ на часахъ стоялъ.
Ружье держалъ, себѣ смѣны ждалъ,
Себѣ смѣнушки — красной дѣвушки.
Пришла смѣнушка, да красна дѣвушка.
Ужъ и лѣсомъ она шла не боялася.
. . . . . .
. . . . . .

Изъ-за лѣсу идутъ тучи
Тучи темныя,
Какъ по мнѣ молодешинькой
Горе горькое,
Горе горькое, кручинушка
Непокрытая:
Что пошелъ мой милъ сердечный другъ
Во солдатушки
Онъ покинулъ меня младу
Одиношеньку.
Выду ль я млада ранешинько
Въ поле чистое,
Раскажу ль я раскажу тоску
Вѣтру буйному,
Какъ несетъ мнѣ вѣтеръ буйный
Вѣсть не радостну:
Закатилось мое солнышко
Желанное
Ужъ палъ померъ мой сердечный другъ

Во чистомъ полѣ
Ужь ты поле мое
Поле чистое,
Ты раздолье мое
Ты широкое,
Ничего поле не породило,
Породило поле
Частъ ракитовъ кустъ.

Камъ подъ тѣмъ кустомъ
Лежитъ тѣло бѣлое,
Молодецкое:
Тамъ лежитъ солдатъ
Полковой сержантъ;
Онъ убитъ лежитъ
Весь израненный;
Въ головахъ у него
Знамя царское,
На грудяхъ у него
Руки бѣлые,
На рукахъ у него
Кольца ясные.
Во бѣлыхъ рукахъ
Сабля острая.
Во ногахъ у него
Добрый конь его.
Ужь ты конь ты мой конь
Конь товарищъ мой,
Ты подижъ ты мой конь
На мою сторону,
Къ отцу къ матери
Къ роду племени,
Къ молодой женѣ,
Къ царю бѣлому—
Петру первому.
Ты скажи мнѣ конь:
. . . . . .
. . . . . .
Погубила меня
Сабля острая.
Ужь ты конь ты мой конь,
Ты скажи жь ты мнѣ конь
Гдѣ ты былъ побывалъ
На своей сторонѣ?
Въ царя бѣлаго
Петра перваго.
Ужь ты конь мой конь,
Что ты ѣлъ тамъ пилъ?
Ужь я ѣлъ по лугамъ

Шелковую траву,
Ужь я пилъ попивалъ
Сладку водочьку.

Растоскуйся ты моя, ты моя сударушка, по мнѣ возгорюйся,
Ужь я самъ-то ли, самъ по тебѣ, сударушка, самъ я встосковался:
Нападаютъ-то на меня, меня сиротинушку — ахъ, да лихи люди,
Что хотятъ-то ли, хотятъ меня сиротинушку отдать во солдаты,
Что куютъ-то ли, куютъ меня сиротинушку, меня во желѣзы,
Что везутъ-то, везутъ меня сиротинушку, меня ко пріему;
Всѣ пріемщики на меня, меня сиротинушку они вздивовались:
Ужь и гдѣ же ты, гдѣ ты, сиротинушка, гдѣ ты уродился?
Породила-то меня, меня сиротинушку, ахъ да родна матушка,
Воспоилъ-то, вскормилъ меня, сиротинушку, православный міръ,
Возлелѣяла меня, меня сиротинушку, ахъ да Волга матушка,
Воскачала-то ли меня, меня сиротинушку, ахъ да легка лодочка.

Москва. Зап. А. А. Григорьевъ.

Не шумите-ко вы, ахъ да вѣтры буйные,
Не бушуйте вы, ахъ да лѣса темные.
Ты не плачь, не плачь, душа красна-дѣвица...
Не сама-то я плачу — плачутъ очи ясныя,
По неволюшкѣ, изъ глазъ слезы катятся,
По неволюшкѣ, да все по миломъ дружкѣ,
Что везутъ-то ль, отдаютъ дружка во солдатушки!
Въ молодые ли его, ахъ да во некрутики;
Снаряжу ль я, снаряжу дружка хорошехонько,
Провожу ль я, провожу, дружка далекохонько,
Я до городу его, городу Владиміра,
Я до матушки ль его, его каменной Москвы.
Середи-то ли Москвы, да мы становилися,
Со милымъ ли, со дружкомъ да мы распрощалися...
Господа-то ли купцы на насъ дивовалися:
Ужь и кто же это съ кѣмъ, кто съ кѣмъ распрощается?
Или мужъ со женой, или это братъ съ сестрой?...
Доброй молодецъ съ душой красной-дѣвицей!

Москва. Зап. А. А. Григорьевъ.

Ты дорога моя, дорога широкая,
Ужь никто-то по тебѣ не прохаживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ.
Тутъ ишли-прошли три полка солдатъ:
Ужь и первый полкъ — все охотнички,
А другой-то полкъ — малы школьнички,
Ужь и третій полкъ — все невольнички!
Какъ охотнички пѣсню гаркнули;

Малы школьнички — въ барабаны грянули,
А невольнички — горько всплакнули.
Середи полка знамена несутъ,
Подъ знаменами молодой солдатъ;
Онъ не пьянъ-то идетъ, самъ качается,
На всѣ стороны онъ покланяется,
Съ отцемъ, съ матерью онъ прощается...
Съ молодой-то женой не прощается,
Не прощается — все ругается:
Отъ тебя-то, жена, я въ солдаты пошелъ,
Отъ твоего ли, жена, полюбовника.

Записана А. Григорьевымъ.

Уланы вы, гдѣ были, побывали?
Мы подъ Питеромъ стояли,
Подъ Можаемъ воевали,
Мы Москвою проходили,
Ко вдовушкѣ заходили:
Пусти вдова ночевати,
Молодая постояти!
А вдовушка выходила,
Таки рѣчи говорила:
У меня дворикъ маленекъ,
А горенка не величка.
Солдатушки не взирали,
Воротички отворяли;
Они сѣли всѣ по лавкамъ,
Всѣ по лавкамъ, по порядкамъ,
Большой гость въ переднее мѣсто;
А вдова стоитъ у печки,
Прижала руки къ сердечку,
Какъ возговоритъ большой гость:
Подойди, вдова, поближе,
Поклонись, вдова, пониже.
Ты который годъ вдовѣешь,
Ты который сиротѣешь?
Я десятый годъ вдовѣю,
Ужь я пятый сиротѣю.
Ужь и много ль у тебя хлѣба?
У меня хлѣба осмина.
Ужь и много ль у тебя денегъ?
У меня денегъ полтина.
Ужь и много ль у тебя дѣтокъ?
У меня дѣтокъ четве́ро.
Подавай вдова черну шляпу;
Во шляпушкѣ полотенце,
Въ полотенцѣ узелочекъ,

Въ узелочкѣ золо̀тъ перстень —
Ужь не твой ли обручальный?

Записана А Григорьевымъ.

О СЛУЖБѢ.

Вечоръ нонѣ, матушка, мнѣ мало спалось,
Мало спалось, да много видѣлось:
„Разнесъ меня да добрый конь
„По чисту полю да по раздольицу;
„Спа̀ла моя шляпонька съ буйной головы,
„Спа̀ла моя плеточка да со правой руки,
„Со правой руки да со перчаточкой.
„Знать-то мнѣ-ка матушка дома не бывать,
„Знать-то добру молодцу да во солдатахъ быть,
„Во солдатахъ быть да мнѣ царю служить,
„Мнѣ царю служить да вѣрой-правдою".
Заплакала матушка объ сынѣ своемъ.
„Не плачь, не плачь матушка да радость моя
„Втапоры наплачешься, послѣ безъ меня,
„Что угонятъ меня молодца во ины мѣста,
„Во ины мѣста въ дальны города;
„Напишу къ тебѣ я, матушка, да скору грамоту,
„Скору грамотку, да вѣсть нерадостну,
„Не перомъ напишу, не чернилами,
„Напишу я грамотку да горючми слезми,
„Горючми слезми да изъ ясныхъ очей,
„Положу во грамотку перстень да портретъ,
„Перстень да портретъ, крестикъ золотой.
„Запечатаю я грамотку да думой крѣпкою,
„Пошлю эту грамотку со скорымъ посломъ,
„Со скорымъ посломъ да со буйнымъ вѣтромъ.
„Получишь ты матушка да эту грамотку,
„Вынь-ка моя матушка перстень да портретъ,
„Крестикъ золотой. На портретъ взгляни —
„Меня вспомяни".

РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

П. В. ЯКУШКИНА.

III.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Изъ падъ камушка изъ падъ бѣлава,
Изъ падъ кустика, изъ падъ ракитава,
Тамъ текла рѣчка
Рѣчка быстрая, бережистая.
Какъ ва той рѣчкѣ
Дѣвка мылася,
Вышла, набѣлилася,
Набѣливши, ана нарумянилась,
Нарумянивши, въ зеленъ лугъ пашла.
Въ зеленомъ лугу
Тамъ данской казакъ
Каня паилъ;
Напаивши каня,
Сталъ думу думати —
Думу крѣпкую:
„Охъ и какъ же мнѣ быть,
Маладу жену сгубить?
Загублю жену

Не рана съ вечера,
Схараню жену
Ближе кы палу̀ночи»...
Ево большая дочь
Рано просыпалася,
Къ батюшкѣ у ножки
Кидалася:
„Государь ты нашъ
Роднай батюшка,
Идѣ наша матушка?“
— Ваша матушка
Въ новай горницѣ
Умывается
Ключевой вадой,
Утирается
Бранымъ палатномъ.
„Государь нашъ батюшка,
Не правда твоя:
Наша матушка
Вы желтомъ песку, 2
Въ новой горницѣ
Ана закопана.“

Доставлена.

—

Что не ястребъ совыкался съ перепелушкою,
Солюбился молоде́цъ съ красной съ дѣвушкою.
Проторилъ онъ путь-дорожку, пересталъ ходить,
Проложилъ онъ худу славу, пересталъ любить.
Насмѣялся жь ты мной, отсмѣю и я тебѣ:
Ты не думай, простота, что я вовсе сирота.
У меня ли у младой есть два братца родныхъ,
Есть два братца родныхъ, два булатныхъ ножа;
Я изъ рукъ твоихъ, ногъ короватку смощу,
Я изъ крови твоей пиво пьяно наварю,
Изъ буйно̀й головы ендаву сточу,
Я изъ тѣла тваво я свѣчей насучу (*),

(*) Въ другомъ варіантѣ поютъ: «Я изъ сала твово сальныхъ свѣчъ намочу». Правильнѣе: намокаю.

А послы́-то тово я гостей назову,
Я гостей назову, и сестричку твою;
Посажу же я гостей на кроватушку,
Загадаю, што я имъ да загадочку,
Я загадочку не отгадливую;
Ну, да что жъ таково: я на миломъ сижу,
Я на миломъ сижу, объ милòмъ говорю,
Изъ милòва я пью, милымъ потчую,
А и милъ предо мною свѣчею горитъ?
Вотъ тутъ стала сестри́чка отгадывати:
«А говаривала, братъ, я часто тебѣ,
Не ходи ты туда, куда поздно зовутъ,
Куда поздно зовутъ, да гдѣ пьяни живутъ».

Колпна. Малоарханг. Уѣзда.

—

Отпущала, отпущала сердца матушкина,
Отпущала, отпущала чаду милую сваю,
Чаду милую сваю на чужою старану.
Какъ большая систра кòня съ стойла свила,
А середняя систра кòня (о)сѣдлывала,
А меньшая систра коня брату подала;
А жина-та горюша у воротичкахъ стоить,
У воротичкахъ стоить, сама плачеть говорить:
„Ужь ты миленькой, милой, ты когда будешь домой?“
„Я тогда буду домой, когда выростить трава,
Когда выростить трава выше царскыва двара,
Узабьеть, узавьеть большой камушекъ са дна.“
„Да ниправду мой миленькой со мною говоришь,
Да ни выростить трава выши царскыва двара
Ни взабьеть Волга рѣчка бѣла камушка са дна.

Сабурово. Малоарх. Сент. 1858 г.

—

Народился въ отца сынъ,
Какъ отецъ-то сына со двора согналъ:
„Ты ступай-ко ты, сынъ, со двора долой,
Ты спознай-ко-сь, сынъ, чужу дальную сторону“.

Какъ и старшая сестра коня съ стойла свела,
А средняя сестра коня (о)сѣдлывала,
А меньшая сестра коня брату подала
Коня брату подала, да заплакала;
Во слезахъ-то сестра стала спрашивати:
„Ты, братецъ родной, ты когда будешь домой?“
„Вы подите-ко, сестры, на сине море,
Вы возмите-тко, сестры, да вы горсть песку,
Вы посѣйте тотъ песокъ въ зеленомъ саду:
Когда тотъ песокъ взойдетъ, выростетъ,
Я тогда, сестры, къ вамъ домой приду.“
Вотъ проходитъ тому ровно девять лѣтъ,
На десятой-то годъ сестры брата йскать пошли.
Какъ и старшая сестра въ морѣ щукою,
А середня сестра въ полѣ соколомъ,
А меньшая сестра въ небѣ звѣздочкою.
Какъ и старшая сестра не видала брата,
А середняя сестра услыхала брата,
А меньшая сестра брата видѣла:
На дикой на степи на саратовской
Что убитъ-то лежитъ добрый молодецъ.
Схоронили сестры брата — полетѣли домой.

Лихвинскаго Уѣзда.

—

Сосенка, сосенка зелениньКая,
Молодка, молодка молоденькая,
Полюбила молодца хорошенькаго.
Отдаютъ меня молоду
Въ чужу-дальню сторону,
За Волгу за рѣку.
Обращусь я горькою кукушечкой,
Полечу, несчастная, я къ батюшкѣ въ садъ,
Сяду ль я на яблоньку,
На любимую, на батюшкину;
Горькими причетами я весь садъ высушу,
Горючей слезой своей
Весь садъ потоплю.
Кормилица-матушка

По новымъ сѣнямъ прошла,
Невѣстушекъ ласточекъ
Пробуживала:
„Невѣстушки-ластушки,
Вставайте скорѣй,
У насъ вы садичкѣ
Какушка поетъ...“
Большой братъ возговорилъ:
„Дай я пойду застрѣлю.“
Середній братъ возговорилъ:
„Дай я пойду досмотрю.“
Меньшой возговорилъ:
„Дай пойду догляжу:
Не наша ли горькая
Съ чужой стороны?...“
Зальюсь дѣвка, зальюсь красна, горючей своей слезой,
Утрусь тонкимъ, бѣлымъ полотномъ.

Елец. Уѣзда. Записано М. А. Стахович.

—

Вы морозы, морозы вы крещенскіе,
Заморозили морозы добра молодца,
Стоючи у стѣны бѣлой каменной.
Караульщички братцы они крѣпко спятъ,
Не спала, не дремала красная дѣвица,
Распрекрасная Елена дочь королева.
Что брала со стола золоты ключи,
Отпирала у города воротицы,
Выпускала доброва молодца вонъ изъ города:
„Ты поди же доброй молодецъ потихоничьку,
Чтобъ не вслышалъ, не увидѣлъ родной батюшка“.
Что отецъ-то на сына распрогнѣвался,
Высылаетъ своего сына вонъ изъ городу:
„Ты поди, сынъ, пройди жъ чужу сторону,
Какова есть на свѣтѣ чужа сторона.“
Что большая сестра коня вывела,
А середняя сестра сѣдло вынесла,
А меньшая плётку подала,

А большая сестра брата спрашивала:
Ужь когда же ты, нашъ братецъ, на(о)боротъ будешь?“
„Ужь тогда я къ вамъ на(о)боротъ буду:
Есть у батюшки, у матушки суха яблынька,
Ужь когда эта яблынька расцвѣтать будетъ,
Ужъ тогда я къ вамъ, сестры, на(о)боротъ буду.“

—

Мой сизой голубчикъ,
Ты зачѣмъ, для чего
Въ садикъ не летаешь?
Буйнымъ вѣтромъ
Сизаго относитъ.
Частымъ дождемъ
Крылья-перья мочитъ.
Мой миленькой,
Мой милой дружочекъ!
Ты почто, для чего
Рѣдко въ гости ходишь?
Твой отецъ да мать
Тебя не спускаютъ
Родъ они племя тебѣ запрещаютъ!
Сидѣлъ-посидѣлъ удалой молодчикъ
Во темной темницѣ,
У той у темной, у темной темницы
Ни дверей нѣту, нѣту ни окошекъ,
Еще въ ней нѣту ни красна крылечка,
Только есть одна труба дымовая.
Изъ той трубы дымъ-отъ повѣваетъ,
Меня молоду горе разбираетъ!
Пойду я, млада, съ горя въ зеленъ садикъ,
Пойду возьму я ключи золотые,
Отопру я сундуки-ларцы кованы,
Возьму денегъ ровно сорокъ тысячъ,
Стану дружка, дружка выкупати,
Изъ неволюшки его выручати.
Грозенъ судья, судья воевода,
Моей казны, казны не примаетъ,

Меня молоду горе разбираетъ!
Пойду, млада, я съ горя въ чисто поле
Пойду нарву я лютаго коренья,
Буду стану я судью опоити.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Ни въ Москвѣ, ни за Москвою,
Межъ Бутырской и Тверской,
Тамъ стоятъ четыре башни,
Посрединѣ божій храмъ.
Сидѣлъ воронъ на березѣ,
Кричитъ воронъ не къ добру:
„Пропадать тебѣ, мальчишкѣ,
Въ чужой дальней сторонѣ!
Ты зачѣмъ, зачѣмъ, мальчишка,
Съ своей родины бѣжалъ?
Никого ты, мальчикъ, не спросился,
Кромѣ сердца своего;
На кого же ты покинулъ
Мать родную и отца?“
„Ужь и некому мальчишку,
Меня было паучить;
А теперича мальчишку
Меня поздно научить!
Ужъ и жилъ я, веселился,
Но имѣлъ свой капиталъ;
Какъ и этотъ капиталъ
Весь я пропилъ-прогулялъ,
Во неволю жить попалъ;
Во такую во неволю —
Въ бѣлый каменный острогъ!
Хороша наша неволя,
Да кто знаетъ про нее?
Вамъ не видно за стѣною,
Каково мы здѣсь живемъ.
Богъ Творецъ одинъ окъ съ нами,

Мы и здѣсь не пропадемъ.
Свѣтъ небесный во сіяньи,
Барабаны зорю бьютъ;
Барабанъ зорю пробьетъ,
Вундеръ двери отворяетъ,
Писарь съ требою идетъ;
Онъ по требованью кличетъ,
Намъ къ суду идти велятъ.
Взяли сумки, помолились
И отправились-себѣ...
Насъ въ карету посадили
И съ конвоемъ повезли...

Дрозково. Малоарх. Уѣзда. Зап. М. А. Стаховичъ.

—

Литѣла пава чпризъ три двара,
Уранила ипро на падворьица.
„Мнѣ ни жаль пира, а жаль маладца,
Мнѣ и жаль маладца: адинъ сынъ въ атца,
Адинъ сынъ въ атца, и тотъ въ службу йдеть
Ёнъ и годъ служить и другой служить,
На третій годъ сынъ дамой пришелъ,
Сустрѣла иво мать спрпди поля,
Систра встрѣла спрпди двора,
Жина встрѣла, сѣнцы отпирла,
Повила иво мать къ себѣ въ горницу,
Ну, и стала ему мать все разсказывать:
„Твоя жина б.... распутная,
Твоя жина шельма-пьяница
Меды, вины всѣ распропила,
Коней твоихъ всѣхъ распродала,
Соловей твоихъ всѣхъ распустила“.
Взялъ та сынъ саблю вострую,
Срубилъ жинѣ, жинѣ голову.
Голова ль моя съ плечъ свалилася,
Къ коню въ ноги покатилася.
Пошолъ-та сынъ у холодной погрибъ:

Меды, вины всѣ цѣлы стоятъ.
Пашолъ-та сынъ *ву* конюшинку:
Кони стаятъ сѣна-авесъ ѣдятъ.
Пашолъ-та сынъ ва зеленай садъ:
Салавья сидятъ вычищаютца;
Жиной иво выхваляютца.
Пашолъ та сынъ къ сыну въ горницу:
„Молчи-баю маё дитятко
Теперь у тибя матири нѣтути,
У мине маладца маладой жины,
Толька есть у тибе адна бабушка,
Да и та змія, змія лютая".

Сабурово. Малоарх. Сент. 1858.

—

У отца у матери
Зарòдились три дочери:
Двѣ дòчери счастливыя,
А третья несчастная.
Большая дочь говоритъ:
„Отдай меня, батюшка,
Въ Щигры за подъячаго".
Другая дочь говоритъ:
„Отдай меня, батюшка,
Въ Москву за посадскаго".
А третья дочь говоритъ:
„Отдай меня, батюшка,
У Крымъ за Татарина".
Большая дочь пріѣхала:
„Не плачь по мнѣ, матушка,
Не тужи, сударь батюшка,
У мово у подъячаго
Свѣчи невгасимыя;
Всю ночь мастера сидятъ
И льютъ перстни золотые.
На мои руки бѣлыи,
На мои руки нѣжныи".
Другая дочь пріѣхала:
„Не плачь по мнѣ, матушка,

Не тужи, сударь батюшка,
У мово у посадскаго
Свѣчи невгасимыя,
Всю ночь мастера сидятъ,
Шьютъ платья шелковыя
На мое тѣло бѣлое,
На мое тѣло нѣжное".
Третья дочь пріѣхала:
„Поплачь по мнѣ, матушка,
Потужи, сударь батюшка,
У мово у татарина
Свѣчи невгасимыя,
Всю ночь мастера сидятъ,
Плетутъ плети шелковыя
На мое тѣло бѣлое,
На мое тѣло нѣжное".

С. Сабурово. Малоархангельскаго Уѣзда.

—

По зорюшкѣ, по зарѣ,
Да люли, люли,
По вечерней по зарѣ
Шелъ дѣтинка изъ гостей
Со великихъ радостéй.
Онъ торопится бѣжитъ,
Къ своему двору спѣшитъ;
За нимъ дѣвица бѣжитъ,
Кричитъ молодцу: „постой!
Неженатый, холостой,
Неженатый — вожеватой,
Разголубчикъ, любчикъ мой,
Ты не смѣйся надо мной,
Надъ дѣвицей молодой,
Надъ моей русой косой!"
На то парень обвернулся,
Надъ дѣвочкой разсмѣхнулся:
„Скажи, лапушка моя,

Скажи, любишь ли меня?“
„Я по совѣсти скажу:
Еднаго тебя люблю;
Я по правдѣ то скажу:
Семерыхъ съ тобой люблю.“
Показалось молодцу
За досаду велику.
Какъ ударилъ Катю въ щоку,
Вдоль по бѣлому лицу,
Замахнувши во другую,
Во сережку жемчужну́ю.
Какъ жемчужная сережки
Размолоденька дѣвочка
Прирасплакалася:
„Ужь какъ домой приду —
„Родной матушкѣ скажу?“

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Я всю ночь млада ни спала,
Ой люли, люли, люли, ни спала,
Ничево млада ни слыхала,
Какъ буйные вѣтры́ шармавали,
Съ висака терема верхи пасарвали,
Ва чисто поля паснасили,
Кы бѣлу шатру станавили;
А въ билѣ шатрѣ злой Татаринъ
Красная дѣвушка паланяночка,
Сильно дабре́ плачить,
Татаринъ ее унимаить:
„Ты не плачь, не плачь красная дѣвушка,
Мы сашьемъ тебѣ лисью шубу,
На буйну головушку кунью шапку,
На рѣзвы ножки красны сапожки,
На бѣлыя ручки рукавички“.
„Изатлѣить та кунья шуба;
Прапади та шапка...
Пусти мине къ атцу, къ матери“.

—

Мать сыну гаварила:
«Ни сидлай коня долга вечера,
Ни съижжай съ двора
Кы полуночи;
Ни заѣжживай
Ва царевъ кабакъ.»
Ой, сынъ матери
Ни паслушалси!
Онъ сидлалъ каня
Долга вечера,
И съ двара съѣжжалъ
Кы полуночи;
Заѣжживалъ
Во царевъ кабакъ...
Паднесли младцу
Вина чару.
Па берегамъ чары
Пѣна бьеть,
Посерёдъ чары
Люта змія.
Ни то чару пить,
Ни то на земь лить...
Сы страстей младецъ
Уранилъ чару...
Сыра земля
Загаралася,
Лютà змія
Узмиталаса —
Узмиталаса,
На мап груди
Маладецкіи
Ускидаласа.

Орловск. Губер.

—

Что цвѣли то цвѣли — цвѣли въ полѣ цвѣтики,
Цвѣли да поблекли, 2
Что любилъ-то любилъ—любилъ парень дѣвицу
Любилъ да покинулъ; 2

Что покинувши парень красну дѣвицу,
Въ глаза насмѣялся 2
Обезчестилъ-то парень красну дѣвицу
При всемъ при народѣ, 2
Что онъ снялъ то, сорвалъ парень съ красной дѣвицы
Шелковый платочекъ, 2
Что зажалъ то, зажалъ парень у красной дѣвицы
Золо̀тъ перстенечекъ. 2
Что по городу было̀ — городу Саратову,
Дѣвица гуляла, 2
Гербовой то ли она листъ бумаженьки
Листокъ покупала, 2
Молодаго себѣ писаря — писать нанимала
Писать нанимала, 2
Астраханскому она — она губернатору
Просьбу подавала: 2.
„Ужъ ты, батюшка ли — ты князь губернаторъ,
Прими мою просьбу; 2
Ты суди-тка суди — ты насъ, астраханскій князь,
Суди по закону“. 2
„Не напрасно ли ты, красная дѣвушка,
На молодца просишь? 2
Что сама ль ты сама — сама красна дѣвица,
Сама виновата“. 2
Безъ зари ль-то зари — зари красно солнышко
Солнышко не всходитъ, 2
Безъ прилуки то ли — добрый молодецъ
Къ дѣвушкѣ не ходитъ.

Москва.

—

Какъ по городу, городу Саратову
Дѣвушка гуляла,
Она гербовой листъ, дѣвка, бумаги
Дѣвка закупила;
Молодаго ли дѣвка писаречка
Просьбу писать нанимала;
Она новому, дѣвка, астраханскому губернатору
Просьбу подавала:

„Ты суди насъ, судья грозный, суди насъ по правдѣ,
Суди по закону“.
Что цвѣли-то, цвѣли въ полѣ цвѣтики,
Цвѣли, да поблекли;
Что любилъ-то меня, любилъ парень дѣвушку,
Любилъ, да покинулъ:
А послѣе таво онъ, да разбезсовѣстный,
Въ глаза насмѣялся.
Что и судъ даетъ грозный губернаторъ,
Судъ даетъ по правдѣ,
Даетъ по закону:
Безъ зари-то зари, безъ ясной зари
Солнышко не всходитъ,
Безъ прилуки молодецъ къ красной дѣвушкѣ,
Къ дѣвушкѣ не ходитъ.
Что сама ли сама, красна дѣвушка,
Сама виновата.

Тульской Губ.

—

Поѣхалъ королевичъ
На разгуляньице,
Оставилъ онъ королевну
На гореваньице.
Пускалъ своего добра коня
Въ зеленые луга,
А самъ пошелъ королевичъ
На круту гору.
На крутенькой на горушкѣ
Раскинулъ бѣлъ шатеръ,
Ложился спать королевичъ
Подъ бѣлымъ шатромъ.
Пригрезился королевичу
Дивнехонекъ сонъ:
Изъ-подъ правой изъ-подъ ручки
Соколикъ вылетѣлъ,
Изъ-подъ лѣвой изъ-подъ бѣлой
Сѣрая утушка.

Пойду, пойду, королевичь,
Ко старушенькѣ;
„Скажи, скажи, старушенька,
Про мой дивной сонъ“.
„Твоя жена, королевна,
Сына родила,
На утренней на зорюшкѣ
Сама померла“.
Ворочался королевичь
Къ своему двору;
Не дошедши до своего двора,
Тяжело вздохнулъ.
Широкія воротички
Растворены стоятъ.
Щеколдчаты окошечки
Повыставлены.
Всѣ солдаты, офицеры
Въ черномъ платьицѣ.
Королевна, моя жена,
Въ бѣломъ убрана.
Пойду, пойду королевичь,
Въ нову горенку,
Вдарюсь, вдарюсь, королевичь,
Объ дубовый столъ.
Бывало, ты дубовый столъ,
Пріубранный стоишь,
А нынѣ ты, дубовый столъ,
Разубранный стоишь.

—

Поѣхалъ королевичь на полеваньице,
Оставилъ королевну на гореваньице.
Не доѣхавши королевичь, ложился онъ спать,
Привидѣлся корòлюшкѣ нерадостный сонъ:
Изъ-подъ правой то ли изъ-подъ рученьки
Сѣрая утица.
Встамши-то, корòлюшко къ старушенькѣ пошелъ...
„Бабка ты, отгадай ты, мой сонъ отгадай“.

— Королюшко, ты батюшко, твой сонъ нехорошъ.
Поѣзжай ты, королюшко, къ своему двору:
Жена твоя, Марусенька, сына родила,
Породя сына, Марусенька, сама померла".

—

Исходилъ я, молодецъ, день до вечера,
Никакой я охоты не нахаживалъ,
Что нашелъ я, набрёлъ на рябинушку;
Что безъ вѣтру рябинушка мается,
Но безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
Я пришелъ домой, сѣлъ на лавочку,
Ужъ я сталъ своей матери разсказывать:
Что безъ вѣтру рябинушка да шатается
И безъ вихру кудрява къ землѣ клонится.
„Ты бери, сынъ, топоръ, ты бѣги туда,
Ты руби, сынъ, рябинушку кудрявую."
Ужь я разъ сѣкнулъ — руда пошла,
Другой сѣкнулъ — она дхнула;
Ужь я третій сѣкнулъ — слово молвила:
„Не рябинушку рубишь ты—свою жену".
Я пришелъ то домой, сѣлъ на лавочку:
„Охъ ты съѣла меня, мать, погубила меня, мать:
Не рябинушку рубилъ я—жену свою".

—

Какъ у насъ было въ воскресенье день,
Какъ свекровь пошла ко заутренѣ,
Сноху послала во чисто поле:
„Ты стань, сноха, тамъ рябиною —
Тамъ рябиною, да кудрявою,
Отростками — малы дѣтушки".
На ту пору мужъ отъ службы шелъ;
Пришелъ домой, сталъ онъ сказывать:
«Ужь и сколько я ни хаживалъ,
Такой дивушки не нахаживалъ!

Ужь и что это за рябинушка,
За рябинушка, за кудрявая!
Что безъ вѣтру она да качается,
Ко сырой землѣ преклоняется».
„Ахъ ты сынъ ты мой, сынъ возлюбленный!
Ты возьми свою саблю острую,
Сруби эту ты рябинушку“.
Онъ разъ сѣкнулъ — она вздрогнула;
Онъ другой тюкнулъ — кровь ли брызнула;
Онъ третій тюкнулъ — слово молвила:
„Не рябину сѣчешь ты — молоду жену,
Не кудрявую — съ малыми дѣтками.»
Пришелъ домой, сталъ онъ спрашивать:
«А гдѣ моя молода жена?“
„Твоя жена, она гулять пошла“.
„А гдѣ мои малы дѣтушки?“
„Малыхъ дѣтушекъ съ собой взяла“.
«Не мать ты мнѣ, не рòдная,
Змѣя ты мнѣ — змѣя лютая,
Ты мышь ли, мышь подкопенная!»

Дрозково. Малоарх. Уѣзда. Зап. М. А. Стаховичъ.

—

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
Надъ долиною, надъ широкою,
Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцевъ...
Какъ повыше-то было села Юркина,
Какъ пониже-то было села Лыскова,
Протекала тамъ рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая, славна Стерженка.
Что никто по ней не проѣзживалъ,
Никто слѣдику не прокладывалъ.
Что плыла косна лодочка,
Косна лодочка, все разбойничья.
На носу-то стоитъ эсаулъ съ багромъ,

На кормѣ-то стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
Посередъ лодки бѣлъ тонкой шатеръ,
Подъ шатромъ лежитъ золота казна,
На казнѣ сидитъ красна дѣвица,
Говоритъ она таково слово:
„Ужь какъ мнѣ, младой, мало спàлося,
„Мало спàлося, много видѣлось;
„Нехорошъ-то мнѣ сонъ пригрезился:
„Атаману-то быть повѣшену,
Эсаулу-то быть застрѣлену,
Вамъ-то, молодцамъ, всѣмъ въ тюрьмахъ сидѣть,
Мнѣ-то дѣвушкѣ быть на волюшкѣ.

—

Изъ-подъ камушка
Протекала тутъ рѣчка быстрая,
Ахъ, да вода чистая!
Какъ по той рѣчкѣ плыла лодочка,
Хорошо лодка изукрашена,
Свинцомъ, порохомъ изунизана.
Какъ на той лодочкѣ девять молодцевъ,
А десятая красна дѣвица,
Атаманова любовница,
Что родимаго-то брата душегубница:
Что зарѣзала своего брата,
На ножѣ сердце вонъ повынула,
На ножѣ сердце встрепенулося —
Красна дѣвица усмѣхнулася,
Усмѣхнувшись, она слезно всплакнула.
Атаманъ дѣвку уговаривалъ,
Уговаривалъ — самъ обманывалъ:
„Ты не плачь, дѣвка, не тужи красна,
„Я свезу-то тебя къ отцу, къ матери,
„Ко всему-то твоему роду-племени“.

—

Изъ надъ Питера
Изъ надъ города
Пратекала рѣчка,
Рѣчка быстрая.
Какъ па той рѣчкѣ,
Тамъ судно плыветь.
Харашо было судно изукрашена,
Маладцами все усажена;
На канцѣ лодки
Сидить атаманушка;
Пасирёдъ лодки —
Красная дѣвушка;
На кармѣ стаить
Часавой салдатъ.
„Охъ вы, други маи,
Вы, таварищи!
Я видѣла сонъ:
Расплеталася
Мая каса русая,
Выпадала мая
Лента алая,
Разсыпался мой
Залотъ перстень“.
„Атаманушки быть
Убитаму;
Краснай дѣвушки
Быть павѣшенай;
Чесавому салдату
Быть зарѣзану“.

Орловской. Губерніи.

—

Какъ поѣхалъ князь Михайло во царскую во службу,
Во царскую во службу, на великую нужду,
Покидалъ свою княгиню, молодую Катерину;
Онъ приказывалъ княгинѣ, своей матушкѣ родной:
„Охъ, ты матушка родна, береги молодую княгиню,
Береги ты мою княгиню, молодую Катерину.

Ты корми мою княгиню крупичатыми калачами,
Ты пои мою княгиню сытòю медовою".
Не успѣлъ князь со двора съѣхать, его добрый конь споткнулся,
Съ него бархатная шапочка свалилась;
Ужь какъ тутъ-то князь Михайло, онъ вспомнилъ,
Какъ вспомнилъ ли, горько князь восплакнулъ:
„Ахти! дома у меня нездорово,
Моей матушки родной не стало,
Либо моей молодой княгини —
Молодой княгини, Катерины".
Его матушка родная
Жарку банюшку топила,
Горючъ камень разжигала,
Молодую княгиню погубила::
Бѣлы груди ей разрѣзала,
Молоденца вынимала,
На горючій камень клала.
Какъ пріѣхалъ князь Михайло, его матушка встрѣчаетъ,
Его матушка встрѣчаетъ, за бѣлы руки примаетъ,
За дубовый столъ сажаетъ:
„Ахъ ты, матушка моя родима,
Гдѣ моя молодая княгиня?"
„Молодая твоя княгиня пошла Богу молиться".

—

Ужь вы горы, горы крýтыя!
Ничево въ горахъ ни породило,
Только породило кустъ ракитовый.
Ужъ на этомъ кустѣ сидитъ младъ сизòй орелъ;
У когтяхъ держитъ чернова ворона,
Онъ бить не бьетъ, только вспрашиваетъ:
„Гдѣ воронъ былъ, гдѣ черный былъ?..."
„Я былъ, побывалъ на саратовскихъ степяхъ,
Я видѣлъ *чуду дивную:* тамъ лежитъ тѣло бѣлое,
Никто къ тѣлу не приступается... приступились три птички:
Первая пташечка — родная матушка,
Вторая пташечка — родная сестрица,

Третья пташечка — молода жена.
Гдѣ мать плачетъ — тамъ рѣчка прошла,
Гдѣ сестра плачетъ — тамъ колодязи,
Гдѣ жена — тамъ роса стоптъ.
Солнышко взойдетъ — роса опадётъ".

—

Не взвивайся, мой голубчикъ,
Выше краснова окна,
Вотъ хрустальнова стекла.
Мнѣ такъ тошно,
Мнѣ такъ грустно
Жить дѣвушкѣ сиротой,
При дорожкѣ при большой,
Безъ матушки безъ родной...
Звала, звала дѣвка парня
Во чисто поле гулять;
„Пойдемъ, пойдемъ, мой голубчикъ,
„Во чисто поле съ тобой.
„Бери, бери, мой голубчикъ,
„Свой тонкой бѣлой шатеръ;
„Раскинь, мой голубчикъ,
„По чистомъ полю шатеръ.
„Приляжь, приляжь, мой голубчикъ —
„Я въ головкѣ поищу
Русы кудри расчешу.
Стала кудерки часать,
Сталъ малодчикъ засыпать.
Засни, засни, мой голубчикъ,
У дѣвушки на рукѣ,
На кисейномъ рукавѣ
Да на златомъ перстенѣ,
На персидскомъ на коврѣ.
Какъ проснулся, пробудился
Во русы кудри хватился —
Нѣтъ ни русыхъ ни кудрей,
Ни дѣвушки, ни шатра,
Ни кисейнова рукава,

Ни золота перстеня,
Ни персидскова ковра,
Нѣтъ ни ворона̀ коня,
Ни черкаскова сѣдла.

—

Ужъ ты день, ты мой денёчикъ,
День прекрасный дорогой,
Проходи день поскорѣе,
Унеси мою тоску...
Охъ! да ужь я съ той тоски,
Со кручины пойду въ темные лѣса;
Охъ! да ужь я вскрикну своимъ
Громкимъ, тонкимъ голосомъ своимъ:
Охъ! да ужь, вы лѣсы, вы дубравы,
Наклоняйтеся ко мнѣ!
Охъ! да ужь вы пташки, вы пернаты,
Всѣ слетайтеся ко мнѣ;
Охъ! да ужь вы звѣри, вы лютые,
Собирайтеся ко мнѣ!
Охъ! да вы терзайте мое тѣло
И дѣлите по частямъ.
Охъ! да вы оставьте во мнѣ, звѣри,
Ретиво сердце одно.
Охъ! да вы несите мое сердце,
Ково я вѣрно люблю;
Охъ! да пусть мой
Миленькой галубчикъ
Пожалѣетъ обо мнѣ.

—

У воротъ сосна раскачалася,
Ай люли, люли, раскачалася.
Бѣлая Дунюшка разыгралася.
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоитъ,
Какъ боярскій сынъ Дунѣ рѣчь говоритъ:
„Поиграй, Дунюшка, поиграй бѣлая,

Я тебя, Дунюшка, жить къ себѣ возьму.
Бѣлая Дунюшка испужалася;
Какъ со вечера голова болитъ,
Ко полупочи — она попа проситъ,
Ко бѣлу свѣту — нѣту Дунюшки.
Какъ въ Москвѣ звонятъ ко обѣденкѣ,
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ.

—

На что жъ меня матушка
На горе родила,
Не собравшись съ разумомъ
Замужъ отдала?
Чужая сторонушка
Безъ вѣтру сушитъ,
Чужой отецъ съ матерью
Безъ вины журятъ.
Скинусь я, младешенька,
Горькою пташкою,
Я горькою пташечкой,
Я кукушечкой,
Полечу я младешенька,
На свою сторону,
На свою, млада, сторонушку —
Къ батюшкѣ въ садокъ;
Сяду жъ я на яблоньку
На кудрявенькую,
Закукую кукушечкой —
Весь садъ заглушу;
Горючѝй слезой, матушка,
Весь садъ затоплю.
Увидала ли матушка
Съ высока терема:
„Родимыя дѣтушки!
Что за пташечка?
Да что то за пташечка
Въ зеленѝмъ саду?

А и братецъ говоритъ:
„Пойду застрѣлю“.
А сестрица говоритъ:
„Пойду посмотрю,
Не наша ли горькая
Съ чужой стороны?“

Орловской Губ. Малоархангельскаго Уѣзда.

—

Калина съ малиною ранымъ-рано расцвѣла,
На ту пóру мóлоду меня мать родила;
Не собравшись съ разумомъ, въ чужи люди отдала;
Велѣла мнѣ матушка семь лѣтъ не бывать;
Родимый-то батюшка — хоть вѣкъ не видать.
Годочикъ я прóжила, другой прожилà,
А третій годочикъ во слезахъ провела.
А вскинуся пташечкой — кукушечкою,
Полечу на батюшкину на сторонушку,
Сяду я на яблоньку въ зеленомъ саду,
Запою на яблонькѣ жалкимъ голосомъ.
„Что эта за пташечка у насъ во саду?“
Большой то братъ говоритъ: „Семъ я поймаю„.
Средній брáтъ говоритъ: „Семъ я застрѣлю“,
Меньшой то братъ говоритъ: „Семъ я посмотрю“.
„Не наша ли горькая съ чужой дальней стороны?“
Большому ли брату-то — во солдатахъ быть,
Среднему ль брату-то — во разбойникахъ,
Меньшому ли брату-то со мной домомъ жить“.

—

Что мнѣ, маменька, тошненько,
Государыня, родимая, тяжеленько!
На роду жь таковое не бывало:
Мнѣ *нóчесь* тоска нападала,
Нападала тоска-печаль не мала
На мою ль же побѣдну головку,
На мое ль же ретивое сердечко

Архангельск. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Ни сиди-тко, Дунюшка, поздно съ вечира,
Ты ни жги ль, Дунюшка, огня до билова дня,
Что до *билинь*кова до денёчка, до краснова солнышка.
Что на утриній-та зари Дунюшка притомилася.
На тесовенькую кровать спать Дуня лажилася.
Что повидѣлся Дунюшки сонъ, сонъ нерадостянъ,
Ни про батюш*ка* Дунюшки сонъ, ни про роднуя матушку,
Што повидился Дуни сонъ про мила дружка,
Про милинькаго дружка Дуни, только пра Иванушка.
Вотъ сказали только про нево во даляхъ живетъ,
Во даляхъ жив*я*, только въ Новигородѣ,
Ни работушку работатъ, работу тяжелаю,
Да ни въ Питерѣ жилъ, ни въ славной Москвѣ,
Что живетъ-то, мой милой, въ Новигородѣ,
Ни въ работникахъ работатъ работу тяжелую.
Ни въ работникахъ жив*я* — самъ хозяиномъ.
Ставитъ миленькай, ставитъ домы каменны.
Прислалъ-то миленькай пёсьмо онъ, посылочку,
Ёнъ прислалъ ко мнѣ посылочку — розову косынёчку,
Ёнъ не новую прислалъ: старую совсѣмъ поношена.
Вотъ велѣлъ миленькой носить, прежде вымати,
Ни въ рѣчной-то во*ды* мыть, ни въ колоде*шной*.
Ёнъ велѣлъ, родименькой-то, смыть въ горючіихъ-то слезахъ.

8 декабря. Спасо-Пископецъ. Пѣлъ ловецъ Леонтій Ивановъ.
Новгородск. Уѣзда.

—

Ужъ ты Дуня, Дунюшка,
Дуня прежняя любушка,
Не сиди-ка ты, Дуня,
Долго вечеромъ
Ужъ не дуйка ты, Дуня, огня
До бѣлова дня,
До краснаго что до солнушка.
Когда солнушко взойдетъ —
Роса высохнетъ.
Ужъ ложилась Дуня спать
На бѣлой-то зарѣ

Спать ложилася.
Ужъ приснился Дунѣ сонъ
Ни про батюшку, ни про матушку,
Про мила-то дружка, дружка про Иванушку:
Какъ мой-то Иванъ, Иванъ во далѐ живетъ,
Работу что работаетъ, работу тяжелую.

—

Ты подуй, подуй погодушка,
Немаленькая,
Ты раздуй, раздуй рябинушку
Кудрявинькую.
Поилъ, кормилъ свою любушку
Прочилъ за себя;
Доставалась моя любушка
Иному, не мнѣ.

Тверь (пѣли бурлаки).

—

Охъ, ты воля, моя воля, воля дорогая,
Ты воля дорогая — дѣвка молодая!
Во Москвѣ дѣвка гуляла, красоту теряла,
Красоту дѣвка теряла, въ неволю попала.
Скучно, грустно красной дѣвкѣ въ неволѐ сидѣти,
Въ неволюшкѣ сидѣти, въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка лежитъ путь-дорожка;
Какъ по этой по дорожкѣ мой миленькой ѣдетъ.

Сабурово. Малоярх. уѣзда.

—

Ужь ты воля моя, воля, воля дорогая,
Ужь ты воля дорогая, дѣвка молодая!
Дѣвка по торгу гуляла, красоту теряла,
Красоту дѣвка теряла, въ острогъ жить попала.

Тошно, грустно красной дѣвкѣ въ острогѣ сидѣти,
А еще того тошнѣе въ окошко глядѣти.
Мимо этого окошка лежала дорожка;
Какъ по этой по дорожкѣ много идутъ, ѣдутъ,
Моего дружка, Ванюши, его слѣду нѣту.
За быстрою за рѣкою Ванюша гуляетъ,
Тамъ мой Ванюшка гуляетъ, товаръ закупаетъ,
Товаръ Ваня закупаетъ купеческой дочкѣ!
Ужъ и то-то мнѣ досадно, хоть была бы лучше;
Развѣ тѣмъ-то она лучше, что коса длиннѣе,
Что коса у ней длиннѣе и брови чернѣе.

Въ Москвѣ. Записана Т. И. Филипповымъ.

—

Ты не пой, не пой, соловьюшко, не пой рано весной,
Не давай-то мнѣ надзолушки сердцу моему:
И такъ мое сердечушко изныло во мнѣ.
Изъ-подъ бережка, изъ-подъ крутаго вода не течетъ,
Изъ-подъ камушка, изъ подъ бѣлаго вода ключомъ бьетъ.
За рѣченькой за быстрою зеленъ садъ растетъ;
Во этомъ ли во садикѣ черень цвѣтетъ,
Несозрѣлую, непоспѣлую нельзя заломать,
Не сосватамшись красну дѣвицу нельзя замужъ взять.
Я повыгляжу, да повысмотрю — я тогда возьму...
Съ того крыльца ведутъ къ вѣнцу красну дѣвицу,
Одинъ ведетъ за рученьку, другой за другую,
Третій стоитъ, слезы ронитъ: любилъ да не взялъ.
Досталася сударушка другому, не мнѣ.
„Красавица-забавница, простимся со мной“.
— Я рада бы простилась — кони не стоятъ,
Извощички коломенски не смогутъ держать.
„Красавица-забавница, взгляни на меня“.
— Я рада бы взглянула бы —глаза не глядятъ.
„Красавица-забавница, платочкомъ махни“.
— Я рада бы махнула бы — платка въ рукахъ нѣтъ!

—

Ахъ, что есть ли въ полѣ за травушка,
За муравушка.
Она день ли цвѣтетъ — ночь алѣется,
По чисту-то полю разстилается...
Что по мнѣ мой милой дружокъ сокрушается...
Что за милый другъ — да что за душа моя...
Изсушилъ-то милой меня суше травушки;
Ужь какъ той ли травы — травки подкошенниньки.
Не спалось-то мнѣ, младой, ночку темную.
На бѣлой-то я на зарѣ, млада, чуть забылася.
Не хорошъ-то мнѣ сонъ — мнѣ сонъ во снѣ видѣлся:
Будто мой высокъ теремъ — теремъ растворенъ стоитъ;
Всѣ окошечки — окна вонъ повынуты,
Всѣ окошечки — окна распечатаны.
Ужъ какъ тò ли милòй сидитъ собирается:
„Ты куда, милòй, собираешься?
Во какую путь-дороженьку, милòй, отправляешься?“
Пойду, молода, тишкомъ лужкомъ,
Тишкомъ, лужкòмъ, бережечкомъ;
Нарву, молода, я цвѣточковъ,
Я цвѣточковъ — василёчковъ,
Совью, молода, я вѣночикъ,
Пойду, млада, къ быстрой рѣчкѣ,
Брошу вѣнокъ вдоль по рѣчкѣ,
Позадумаю про милаго:
Какъ любитъ ли меня милый?
Мой вѣночикъ тонетъ, тонетъ,
Мое сердце ноетъ, ноетъ.
Сталъ вѣночикъ потопати —
Мое сердце замирати,
Сталъ милый другъ покидати.

—

Ой ты дѣвушка, дѣвченка!
Лицомъ бѣла, хороша;
Только жизнь моя несчастна,
Что влюбился я въ тебя.
Я несчастья не желалъ бы,
Свилъ бы крылышки себѣ,

Узвился я, полетѣлъ бы
На сторонку на её;
Сѣлъ бы, палъ бы я къ дѣвченкѣ
На ея лѣво плечо,
Посмотрѣлъ бы на дѣвченку
На ея бѣло лицо.
„Что жь ты, дѣвушка, дѣвченка,
Измѣнилась изъ лица?“
— „Небойсь парень, небойсь бравый,
Я до вѣку не смѣнюсь;
Кого люблю, любить буду —
На другихъ не посмотрю“.

Елецъ. Зап. М. А. Стаховичъ.

—

Соловьюшко, соловей,
Молоденькой, маленькой,
Голосочикъ тоненькой!
Не пой тонкимъ, не пой звонкимъ,
Не пой рано по зарѣ
Въ своемъ зеленомъ саду.
Объ чемъ тошно, объ чемъ грустно? —
Жаль сударушку свою.
Сударушка, дѣвушка,
Отдѣлилась, отбрела,
За двѣнадцать городовъ,
За двѣнадцать, за тринадцать,
Зя четыре ровно ста;
За четыре, за пятьсотъ,
За матушку, за Москву.
По Москвѣ мальчикъ гулялъ,
Самъ во скрипочку игралъ,
Солдатушковъ забавлялъ,
Солдатушковъ забавлялъ,
Тужилъ, плакалъ, горевалъ,
Извощичковъ нанималъ,
Извощичка не нашелъ,
Самъ заплакалъ да пошелъ,

Ко товарищу зашелъ.
„Ты, товарищъ, ты товарищъ,
Ты, товарищъ, родный братъ,
Сядь, подумаемъ со мной.
Подумаемъ, погадаемъ,
Котораго бы послать
Ко сударушкѣ моей:
Стараго ли спосылать —
Онъ до дома не дойдетъ;
Молодова ли послать —
Онъ не знаетъ что сказать".

—

Ой ты, черной, чернобровый,
Молодецъ хорошій,
Сложилъ мысли,
Скрѣпилъ сердце.
Не знаю какъ быть —
Про дружка забыть.
Милаго не забывать —
Могу написать.
Съ письмомъ пошлю человѣка:
Велю воротиться.
Воротиться негодится.
Авось умилится —
Заѣдетъ проститься.
Шелъ Ванюша въ полуночку,
Онъ искалъ слѣдочку,
Не нашелъ Ваня слѣдочка —
Онъ сталъ ко тыночку,
Простоялъ всю ночку.
Злы собаки набѣжали,
Ваню испугали;
Ваня сторонился,
Назадъ воротился.
Стоитъ Поля на крылечкѣ:
Не вытерпѣло сердечко —
Молвила словечко...

—

По шелковой по муравушкѣ
Торный слѣдъ пробитъ къ могильничку,
Пробивала слѣдъ тотъ дѣвушка,
Протоптала дѣвка красная.
Не къ отцу, да что не къ матери:
Тамъ лежитъ путекъ-дороженька
Къ разудалу, добру молодцу,
Ко могилушкѣ мила дружка.
Ходитъ, ходитъ туда дѣвушка,
Полетъ, полетъ тамъ крапивушку,
Земляничку со клубничкою,
Поливаетъ все слезой своей.
Ахъ, расти, расти ты ягода,
Земляничка со клубничкою
Вокругъ камня, вокругъ бѣлаго,
На могилѣ друга милаго!
Ахъ, скажи ты ему, ягода,
Что взростила тебя мать земля,
Полила тебя слезою я,
Слезой горькой, слезой дѣвичей!
Вспомни, вспомни, другъ, въ сырой землѣ
Про свою сударку милую.
Встань ты, встань, другъ, изъ могилушки,
Глянь на ягоды на красныя,
На свою ты разсударушку,
На мое лицо на бѣлое.
Ахъ, не встать тебѣ, сердечный другъ!...
Разступись же ты, сыра земля,
Дай хоть глянуть мнѣ на милаго,
На его кости, на бѣлыя.

Зап. А. А. Григорьевъ.

—

Что у насъ-то было, братцы, въ рощицѣ,
Что ходилъ-то, гулялъ добрый молодецъ со всѣми приборами,
Что съ оружьицемъ, со саблею, съ большимъ мушкатантомъ;
Что со вечера, со полуночи поздно спать ложился,
По утру-то ранымъ-ранешенько ужъ онъ поднимался;
Умывался-то, добрый молодецъ, холодной росою,

Утирался-то онъ, добрый молодецъ, черною тафтою.
Что пришелъ-то онъ, добрый молодецъ, къ братьямъ, къ товарищамъ:
„Вы здорово ли, братья-товарищи, спали-ночевали?
А какъ мнѣ-то, доброму молодцу, нынче не спалося,
Нынѣ-то мнѣ, доброму молодцу, много грезилося:
Что ходилъ-то, гулялъ добрый молодецъ, да вдоль по лужку,
Что по крутому, по бѣлому бережку,
Что крутой берегъ, братцы-товарищи, будто обвалился,
Ужь и я-то ли, добрый молодецъ, будто бы скатился,
Что за горькую, за безчастную осину схватился,
Оттого я, братцы-товарищи, пробудился".

—

Соловьюшко, соловей, соловьюшко молодой,
Чернобровый, черный, дорогой,
Не летай же далеко,
Не садися высоко,
Не пой рано на зарѣ,
По утренней по росѣ.
Не пой пѣсни жалобной —
И такъ тошно,
И такъ грустно молодцу,
Ни по матери, по отцу,
Я самъ знаю по чему;
Все потомъ по ней,
По сударушкѣ своей.
Сударушка, дѣвушка,
Лебедушка бѣлая,
Въ саду гуляла,
Со всѣхъ травъ цвѣты рвала,
Вѣнокъ милому плела;
Не успѣла вѣнка сплести,
Вонъ изъ садику пошла.

—

Ахъ ты стой, моя сосенушка, ты стой не шатнись,
Не шатайся же, милая, не печалься,

Когда стошнится, взрустнется, напиши ко мнѣ письмо.
Я сама писать не умѣю, писарямъ не вѣрю;
Сама вздумаю, взгадаю, сама побываю.
Въ чистомъ полѣ, при долинѣ, стояло древо,
Стояло тутъ дерево, берёзушка бѣлая,
Что тонкая, высокая, листомъ широкая.
Какъ на этой на берёзѣ сидѣлъ сизъ голубчикъ:
Онъ ни самъ сизой голубчикъ, удалой молодчикъ;
Передъ молодцомъ дѣвица стоптъ, слезно плачетъ.
Молодецъ красну дѣвицу плакать унимаетъ:
„Не плачь дѣвка, не плачь, красна, не плачь дура глупа;
Если будешь тужить-плакать, больно бита будешь,
При мірѣ, при народѣ, въ большомъ хороводѣ“.

—

Не велятъ Машѣ на улицу ходить,
Не велятъ Машѣ молодчика любить,
Ей молодчика молоденькаго,
Неженатаго, холостенькаго.
Холостой парень — любитель дорогой,
Онъ не чувствуетъ любови, злодѣй, никакой.
Такова любовь на свѣтѣ горяча,
Горяча любовь — слезами она облита.
Какъ у Машеньки заплаканы глаза,
У красавицы затерто бѣлое лицо.
Вечоръ милый другъ гуляли съ тобой,
На другой вечеръ прибили меня за тебя,
За тебя ли, удалаго молодца.
Ужъ я съ-тѣхъ-поръ во постелюшку слегла,
Во постели три недѣли лежала,
На четвертую выздоравливать стала,
Я на пятую во зеленый садъ пошла.
Мимо рощи, мимо зелена сада,
Пролегала путь-дороженька торна,
Что торна-торна, пробита она до песка.
Ужь и кто жь эту дорожку проторилъ —
Холостой парень ко дѣвушкѣ ходилъ,
Много злата, много сéребра носилъ,

Безъ разсчету золотой казной дарилъ,
Какъ за это его батюшка бранилъ,
Какъ за эти за худыя за дѣла̀,
Какъ за эти за поздные вечера̀.

—

Дѣвушки подруженьки, подруженьки вы мои,
Приходите вы ко мнѣ посидите у меня.
Спросите у батюшки вы меня въ гости къ себѣ,
Таючись отъ матушки, во зеленый садъ гулять.
Въ саду непогодушка — все листья шумятъ,
На вѣточкахъ пташечки промежъ собой говорятъ.
Летѣлъ здѣсь соловьюшко, летѣлъ молодо̀й.
Спрошу у со̀ловьюшки, тужитъ ли по мнѣ милой,
Тужитъ ли, душа моя — а я по немъ завсегда.

—

Не хмѣль мою головушку клонитъ,
Хмѣлинушка въ головушкѣ бродитъ,
Бродитъ-бродитъ да вонъ не выходитъ.
Пойду молода я вдоль долино̀ю,
Сломлю, молода, калину съ малино̀ю.
На встрѣчу мнѣ казаченько съ Дону.
Спрошу, спрошу у казака молодаго:
Куда эта дороженька шла,
Куда шла, куды пролегала?
Иль во темный лѣсъ, иль во чистое поле?
Въ темномъ лѣсѣ все пень да колода,
Въ чистомъ полѣ, бѣлоярова пшеница,
Во пшенушкѣ, ракитовый кустикъ,
На кустикѣ соловьюшка свищетъ,
Меня молоду домой свекоръ кличетъ:
Хоть кличь, не кличь, я домой не буду;
Буду ль, нѣтъ ли, я завтра поу̀тру.

—

Эй вы, камарики, вы сударики мои,
Вы за што, пашто вы кусаитя мине?
Ятъ кусаньица грудь, галовушка балить,
Ятъ галовушки я уся стала бальна,
Я бальна, бальна, вы пастелюшки слигла,
Три нидѣли вы пастели лижала,
На читвертую выздаравливать стала,
Я на пятаю во зиленой садъ пашла,
Въ зилиномъ я дароженьку нашла,
Знаю, знаю, хто дарожку пратарилъ:
Маладой паринь, да онъ ка дѣушки хадилъ,
Многа злата, многа серибра насилъ
Бизъ расчету залатой казной дарилъ,
Сваей душички онъ тальянъ платокъ кушилъ
А на шеюшку да ципочку съ земчужкомъ,
А на ручушку да онъ золатъ перстенекъ

Собурово. Малоарх. у. сент. 1858 г.

—

Зелено вино въ карманѣ,
Сахаръ во бумажкѣ:
Зелено вино пьютъ
Сахаръ на закуску.
Промежду собой братаны
Жеребей метали:
Кому деньги, кому платье,
Кому красна дѣвка?
Доставались деньги Мишкѣ,
Цвѣтно платье Гришкѣ,
Удалому, холостому,
Красна дѣвица.
Знать у милаго
Два сада зеленыхъ:
Во первомъ саду-садочку
Поетъ птица пташка,
Спишу пташинъ голосочикъ
На тонкій листочикъ,
Что на тоненькой листочекъ

На бѣлу бумажку,
Отошлю ли листочикъ
Въ дальный городочикъ.
Въ дальный, дальный городочикъ
Къ своему милому.
«Ты велишь ли, моя радость,
Хорошо ходити?“
„Ходи, ходи, любезная,
Ходи хорошенько!
Не ходи, моя милая,
Къ сосѣду въ бесѣду:
У сосѣда во бесѣдѣ
Всѣ сидятъ холосты.
У холостыхъ глаза востры,
Сами завидущи.
Холостъ ходитъ — глаза взводитъ,
Изъ ума выводитъ;
Черны брови надымаетъ —
На дворъ вызываетъ.
На дворъ, на дворъ вызываетъ
Подарокъ даваетъ,
Онъ подарочекъ даваетъ —
Персидской платочекъ;
Во платочкѣ въ узелочкѣ
Золото колечко
Золотое, навитое,
На праву на ручку,
Что на правую на ручку
На середній пальчикъ.

Пинега. Запис. С. В. Максимовъ.

—

Какъ у нашего сосѣда
Собрана была бесѣда
Очень хороша,
Весьма пригожа.
Мнѣ случилося идти,
Я не могъ мимо пройдти,

Сталъ да постоялъ,
У окошка постоялъ.
Дѣвка бросилась въ окно,
Отвѣчала за одно,
Съ кѣмъ же ты стоишь,
Съ кѣмъ же говоришь?

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Первый день понедѣльникъ,
Развеселый овторникъ,
Сива, сива середа
Полевой день четвертокъ,
Соловая была пятница!
Горожанка была дѣвица,
Въ городу дѣвка родилася,
На посадѣ была срощена,
Калачами была скормленая,
Въ деревню замужъ выданная,
Въ деревеньку, во пустыньку,
За крестьянина богатенькаго,
За дѣтинушку тороватенькаго.

Арх. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Отдавала меня матушка молоду замужъ,
Охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ-охъ!
Молоду больно замужъ и не въ малую семью,
Охъ...
Не въ малую семью — не въ согласную.
Охъ...
Какъ свекоръ, да свекровь, да четыре деверья,
Охъ...
Три золовушки, да двѣ тётушки.
Охъ...
Какъ свекоръ говоритъ: вотъ медвѣдицу ведутъ.
Охъ...

Какъ свекровь говоритъ: вотъ лютую-то змѣю.
Охъ...
Деверья-то говорятъ: вотъ не ткаху ведутъ.
Охъ...
А золовки говорятъ: вотъ не пряху ведутъ.
Охъ...
Двѣ тетки стоятъ, все меня младу бранятъ.
Охъ...
Прикажи-ко, свекоръ батюшко, по горенкѣ пройтить,
Охъ...
По горенкѣ пройтить, слово выговорить:
Охъ...
Какъ медвѣдица — то, батюшко, въ темномъ лѣсу живетъ,
Охъ...
А лютая-то змѣя — то свекровь-то моя,
Охъ...
Деверья-кобелья у васъ жены таковы,
Охъ...
А золовки, вы плутовки, вамъ самимъ замужъ пойтить.
Охъ...
Двѣ тетушки — двѣ лебедушки,
Охъ...
Я поставлю на порогъ, да въ три шеи до воротъ:
Охъ...
Вамъ нечего въ чужой семьѣ указывать.
Охъ...
Какъ свекоръ на печи, что кобель на цѣпи,
Охъ...
А свекровь-то на палатяхъ, словно сука,
Охъ...
Мужъ на лавкѣ сидитъ, на меня косо глядитъ:
Охъ...
Хоть косись, не косись, не боюсь я тебя.
Охъ...
Мужъ руку отвелъ, по щекѣ меня оплелъ,
Охъ...
А я руку отвела, по всей харѣ оплела!
Охъ...

—

Молодка, молодка, молодая,
Разлапушка свѣтикъ-свѣтикъ дорогая!
Перестань ты, молодка, по улицѣ ходити,
Перестань ты, молодка, черну грязь топтати.
Какъ же мнѣ, молодкѣ, мимо не ходити,
Такого милаго еще не нажити:
Хорошъ, прихожъ милый милый уродился,
Онъ ростомъ-дородствомъ, своей красотою,
Своей молодецкою, мой милый, поступкой.
Вечеръ-то я съ милымъ, съ милымъ побранилась;
Побранка была съ нимъ у насъ небольшая,
А только крупная была поговорка:
Разсукинымъ сыномъ его называла.
Ужъ какъ бы мнѣ съ милымъ, съ милымъ помириться?
Самой покориться — словно не годится,
Людей засылати будто мнѣ не кстати;
Дождусь я, молодка, дождусь поры-время,
Я той поры-время, самой темной ночи;
Самой, темной ночи, ночи полуночи,
Сама я къ милому дружку побываю,
Сама я милому въ глаза попеняю:
Не слушайся, милый, разума чужаго,
Разума чужаго, чужихъ наговоровъ;
Чужи люди, милый, только насъ смущаютъ,
Съ тобою насъ, милый, они разлучаютъ.

Записана въ Москвѣ.

—

У Пелькова у куща
Была дочь хороша,
Свѣтъ Дуняша хороша.
Какъ повадилась Дуняша
Въ особливой спальнѣ спать,
Съ одной нянюшкою
Съ Татьянушкою.
Со Пелькова со двора
Младой принцъ пріѣзжалъ,
Штофикъ рому привозилъ,

Авдотьюшку угостилъ,
Онъ съ собой гулять возилъ.
Родной батюшка хватался,
По всѣмъ горницамъ бросался,
У сосѣдей колотился:
Вы сосѣди, вы сосѣди,
«Вы сосѣдушки мои!
Не видали ли, сосѣди,
Вы Дуняши моей?» —
— Мы видать-то не видали,
Только слышали про ней:
Спитъ у принца на рукѣ,
На суконномъ рукавѣ.»
Родной батюшка идетъ,
Вдоль по улицѣ ведетъ,
По бѣлому лицу бьетъ,
Приговариваетъ:
«Ты не будь такова,
Какъ моя прежня жена,
Твоя матушка родна».

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Ахъ по мосту, мосту по калиновому,
Ай люли, ай люли, да по калиновому,
Тамъ и шелъ прошелъ дѣтинка
Голубой на немъ кафтанъ.
Ай люли...
Голубой, съ галуномъ, полы машутся на немъ;
Полы машутся, раздуваются.
Подъ косящетымъ окошечкомъ
Ровняется бурлакъ;
Подъ косящетымъ окномъ полотно
Дѣвка ткала и катала,
За окошко отпускала:
«Полѣзай, милой, въ окно —
«Не сорвется полотно!»
У сосѣда изъ окна

Увидали молодца.
Не купеческій отецъ
По ночамъ въ окошко лѣзъ;
У него денегъ на малѣ—
Одинъ рубличекъ въ карманѣ.
Рубля денегъ не берутъ,
Къ городничему ведутъ.
Городничій господинъ
За столомъ сидитъ единъ,
Онъ все судитъ, онъ все рядитъ...
Вину на дѣвицу кладетъ.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимова.

—

Трубка вилася, вилася
Вывела сестру приголубку,
Садилася голубка на лавку,
На лавочку подъ окошко.
Прилетѣлъ голубокъ на окошко,
Началъ голубокъ ворковати,
Всякими съ сыками (зыками),
Молодецкими словесами.

—

Ахъ, тоненькая,
Высокая моя,
Фигурная, мизирная моя
Пришахтирна
Натуральненькая!
Ты какъ золото
Катаешься!
Скатенъ жемжугъ
Разсыпаешься...

—

Ты воспой, воспой младъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.

Сидитъ молодецъ въ темнòй тéмницѣ,
Въ темной тéмницѣ — заключеньицѣ;
Пишетъ онъ грамотку къ отцу, къ матери,
Къ отцу, къ матери, къ молодой женѣ.
Охъ ты матушка, родной батюшко!
Выкупи, выручи добраго мòлодца,
Добраго молодца изъ темнòй тéмницы.
Какъ отецъ-то и мать отказалися,
Всѣ сродники отступаются.
Ты воспой, воспой, милъ жавороночекъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Сидитъ молодецъ въ темнòй тéмницѣ
Въ темнòй тéмницѣ въ заключеньицѣ,
Пишетъ грамотку къ красной дѣвицѣ,
Къ красной дѣвицѣ — прежней полюбовницѣ:
„Выкупи, выкуши добраго молодца,
Ахъ ты душичка, красная дѣвица,
Ты прежняя моя полюбовница!“
Красная дѣвица горько всплакнула,
Горько всплакнула, слово молвила:
„Охъ, вы нянюшки, мои мамушки!
Вы берите скорѣй золоты ключи,
Отпирайте вы кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно,
Выкупайте добраго молодца,
Добраго молодца изъ темнòй тéмницы,
Изъ темнòй тéмницы — заключеньица“.

—

Соловьюшка маленькой,
Голосочикъ тоненькой,
Ни пой тонко, ни пой звонко
Въ моемъ зеленомъ саду.
Ни такъ тошно, ни такъ грустно
По сударушкѣ своей.
Сударушка дѣвушка
Удалилася, отошла
За четыре ровно ста,
За четыре, за пятьсотъ,

За двѣнадцать городовъ,
За двѣнадцать, за тринадцать
Въ славный городъ Петербургъ.
По Москвѣ мальчикъ гулялъ ли,
Извощичковъ нанималъ.
«Извощичекъ, братецъ мой,
Сядь подумаемъ со мной.
Ну, и какъ же, братцы, быть,
Ково къ дѣвушкѣ послать:
Если старова послать —
Онъ ни дойдеть до двора;
Если малова послать ли,
Онъ ни знаеть, что сказать;
Еслибъ ровнюшку послать ли —
Онъ самъ охочь гулять.

Сабурово. Малоарх. Уѣзд. сент. 1858.

—

Ужь ты Ванюшка, Ванюша,
Ваня, миленькой дружочикъ,
Ай ляй, али, ляли
Али ляли, али ляли.
Что ты въ гостюшки не ходишь,
Па рублю денегъ не носишь,
Па червонцу золотому?
«Я бъ радъ, душа, ходити,
По рублю денегъ носити,
Да вороты скрыпливы
А сабаки брехливы,
А семья-то бранчива».
«Мы сему дѣлу поможемъ:
Мы калинъ мостикъ положимъ,
Въ подворотню стаканъ масла,
А сабакамъ полоть мяса,
На семью-то сонъ напустимъ».

Сабур. Малоарх. у. сент. 1858.

—

По мосту, мосточку,
По калиновому,
По калинову мосточку,
По малиновому,
Туды шелъ прошелъ дѣтина,
Голубой на немъ кафтанъ,
Полы машутся;
Что грязетовый камзольчикъ
Раздымается.
На немъ миткалиная рубашечка
Бѣляется;
Околъ шеечки платокъ
Будто аленькій цвѣтокъ,
Во карманѣ-то другой —
Тотъ альянской дорогой.
Во правой-то рукѣ строточка
Серебряная.
Околъ строточки ленточка
Пакетовая.
Онъ строточкой подпирается,
Пакетовой лентой похваляется:
Эта лента, эта лента,
Эта ленточка ала—
Мнѣ любезная дала;
Чтой дала, дала любезна,
Пожаловала.
Спустила сухоту
По моему животу.
Разсѣяла печаль
По моимъ яснымъ очамъ.
Заставила ходить
Меня по ночамъ;
Приневолила любить
Чужу — мужную жену.
Чтой чужа — мужная жена
То разлапушка моя
Что и своя — мужная жена
Осока да мурава
Въ полѣ горькая трава,

Бѣла рѣпица росла;
Безъ цвѣточиковъ цвѣла.

Устьцыльма, Мезенск. у. зап. С. В. Максимовъ.

—

Какъ болитъ то ли болитъ у мужа головка,
На чужихъ то ли глядя на женъ на хорошихъ,
Что на дѣвокъ то ли, дѣвокъ на пригожихъ.
У меня то ли жена, жена некорыстна,
Не корыстная жена, ахъ да не по мыслямъ.
Куда пòшлешь то жену — ее не дошлешься;
Хоть дошлешься то жену — ее не дождешься.
Какъ придетъ то ли жена да правды не скажетъ,
Она стелетъ постелюшку — сама слезно плачетъ,
Во зголовьице кладетъ — она возрыдаетъ,
Свово прежняго дружка она вспоминаетъ!

—

Добрый молодецъ похаживаетъ,
Калену стрѣлу навязываетъ...
Ты лети, лети калинова стрѣла
Выше лѣсу по поднебесью,
Ниже солнца, по сырой землѣ,
Ты убей, убей калинова стрѣла
На полетѣ — яснàго соколà,
На походѣ удалáго молодца,
Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ теремѣ.
Сѣра утица — ѣства моя,
Красна дѣвица — невѣста моя,
Сизый голубъ — забавушка моя,
Доброй молодецъ — досадушка моя.

—

Сказали про молодца, что онъ не живъ, не здоровъ,
Сказали про удалаго, что онъ безъ вѣсти пропалъ.
Вечоръ, вечоръ молодецъ, вдоль онъ улицы прошелъ,
Любимую пѣсенку, шибко, громко просвисталъ,
Ко мнѣ, красной дѣвицѣ, въ теремъ голосъ подавалъ,
Чтобъ я красна дѣвица, не дремала бъ, не спала,
Ждала бъ, дожидалася къ себѣ милаго дружка.
Хотѣлъ придти милый другъ во двѣнадцатомъ часу,
Пришелъ, пришелъ молодецъ, онъ на утренней зарѣ.
Стучитъ, гремитъ молодецъ, подъ косящетымъ окномъ.
„Ахъ, спишь ли ты, дѣвица, или такъ съ горя лежишь?“
— Ахъ, что же ты, милый другъ, вечоръ долго не бывалъ?
„Затѣмъ, за сѣмъ дѣвушка, позамѣшкался въ дому,
Съ худою женою-то у насъ побраночка была,
Бранила она, бестія, тебя мой другъ, и меня:
Тебя красную дѣвицу, очень дурно назвала.
Ужь я то и билъ шельму — чуть живу на свѣтъ пустилъ“.
— Не бей, не бей, молодецъ, ты свою худую жену!
Съ худою женою-то тебѣ вѣкъ съ ней вѣковать,
Со мной, съ красной дѣвушкой, одну ночку ночевать.
Сѣдлай, сѣдлай, молодецъ, своево вòрона коня,
Съѣзжай, съѣзжай, молодецъ, со широкаго двора!...
Сама жь ему красна дѣвица насмѣялася въ глаза.

—

Ахъ женитьба ты моя, женитьба несчастная!
Что взялъ-то, я взялъ жену некорыстную,
Некорыстную жену, охъ, да не помыслямъ:
Не велитъ-то мнѣ жена ходить на улицу,
А сама ли со вечеру собирается,
Со полуночи гулять отправляется,
Ко бѣлу свѣту домой ворочается...

—

Ахъ, матушка, томно мнѣ — голова болитъ,
Сударыня, грустно мнѣ — сердечко ноетъ...
Болитъ моя головушка — не знаю какъ быть.
Сяду я на лавочку, погляжу ль въ окно,

Погляжуль въ окошечко — на улицѣ дождь,
На улицѣ дождичикъ, во полѣ туманъ,
Во полѣ большой туманъ — туманъ затуманился,
А мой-то любезный другъ припечалился,
Припечалился, душа моя, призадумался.
Вечоръ вечоръ милый другъ у дѣвушекъ былъ,
У дѣвушекъ былъ, про меня забылъ.
Привелъ съ собой душечку онъ лучше меня,
Забылъ совсѣмъ милый другъ, забылъ про меня.

—

Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить,
Пришло времечко начало мое сердце крушить:
Жаль не вижу любезнаго дружка своего,
Которой день его вижу — вижу, молода,
Тотъ денечикъ — очень весело млада хожу,
А не вижу я — во постелюшкѣ съ горя лежу,
Всѣ подушечки слезами, млада, оболью,
Изголовьице объ стѣнку млада разобью...
Какъ у насъ было во нынѣшнемъ году
Уродилося много ягодъ — ягодъ во бору.
Заблудилась красная дѣвушка въ темномъ лѣсу.
Выходила ли на Дунай быстру рѣку,
Становилась на крутенькомъ она бережку,
Вынимала сладкой водки, водки полуштофъ
Она кликала перевозчичка парня къ себѣ:
„Перевозчикъ, перевозчикъ, парень молодой,
Перевези меня на ту сторону домой,
На ту сторону, на батюшкину.“
„Красна дѣвица — перевозъ мой будетъ дорогой“.
„Добрый молодецъ, что ты хочешь то бери“.
„Красна дѣвица, поди замужъ замужъ за меня.“
„Добрый молодецъ, это воля, воля не моя,
Это воля — воля батюшки.
Я одна дома у батюшки своево была
Во всемъ городѣ красавицей млада слыла“.

—

Какъ у молодца разудалаго — печаль тоска небывала
Молодая его хозяюшка — она захворала:
„Ты хворай хворай жена потруднѣе,
Ты умри умри, жена, поскорѣе:
Я пойду то пойду въ рощу сосновую
Я срублю срублю-то горенку новую,
Я сложу сложу печку муравую,
Я возьму возьму жену молодую,
Малымъ дѣтушка мачиху лихую.
Какъ расплачутся дѣтушки малыя.
Ты сгори сгори горенка новая,
Раскалися ты печка муравая,
Ты умри умри мачиха лихая,
Ужъ ты встань очнись матушка родная.

—

Не бѣлая-та заря зорюшка занималася,
Не красна-та *солнышко* высоко взошло.
Летаить-та соколъ, соколикъ онъ вылётывалъ
У иво крылушки примахалися,
Рябыя перья, перушки яво распутлялися
На моемъ-то миломъ кудерки завивалися,
Что на эти кудри дѣвушки дивовалися.
Какъ одной дѣвушки замужъ-то захотѣлося.

20 іюля 1858. Елец. Уѣзда.

РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

П. И. ЯКУШКИНА.

III.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Ужь ты гулюшка, голубокъ,
Гуля, сизинькой воркунокъ;
Не летай, гуля, во поле,
Не залетывай далеко,
Не замахивай слѣдочку.
Ужь ты Ванюшка, Ванюша;
Ваня, миленькой дружочекъ.
Проторилъ Ваня дорожку,
Черезъ рѣченьку на горку;
Ко настасьиному подворью,
Ко Настасьи-то къ окошку;
Ужь ты, Настинька, Настасья,
Ты открой, душа, окошко!
Я бы рада бы открыла:
Въ маво батюшки есть гости,
Въ моей матушки старушки,
У большой *сестрѣ* подружки.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858 г.

—

Изъ за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ за садику зеленаго,
Выходила туча грозная,
А другая не погожая,
Со дождями со морозами,
Со снѣгами, со глубокими.
Дочь у матери въ гостяхъ была;
Дочь отъ матери поѣхала,
Поѣхала не простилася,
Середъ лѣса становилася,
Серѐдъ лѣса, середъ темнаго,
Противъ кустика ракитова,
Съ соловьями думу думала,
Съ молодыми рѣчь говòрила:
Ты лети-ко мой соловьюшекъ,
На родимую на сторону,
Скажи батюшкѣ низкòй поклонъ,
А матушкѣ челобетьице:
Чтобы матушка не плакала,
На чужихъ то дѣтей глядючи,
Ко своимъ примѣняючи,
То-то матушка неволюшка,
Чужа дальняя сторонушка,
Безъ вѣтру сушитъ — крушитъ,
Какъ чужой то отецъ съ матерью,
Безъ вины журитъ — бранитъ.

—

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за садику зеленаго,
Заходила туча грозная,
А другая непогожая,
Со дождями, со морозами,
Со снѣгами со глубокими.
Собиралась дочка къ матери,
Поѣхала, не доѣхала,
Среди лѣсу становилася,
Съ соловьями думу думала,

Съ молодыми думу крѣпкую:
«Соловей ты, мой саловьюшко,
Полети жь ты мой соловьюшко,
На мою ли на старонушку,
Ты скажи ли моей матушки,
Ты скажи ли ей низкой поклонъ:
То-то матушка неволюшка,
Государыня боярской домъ,
Посылаютъ меня молоду,
Во полуночь одну по воду,
И разутую и раздѣтую,
И холодную, и голодную.
На мое горе на несчастьице,
Налетѣли гуси сѣрые,
Возмутили воду свѣжую.
Ужь той ли я воды часъ ждала,
А другой я часъ проплакала.

Сабурово. Малоарх. Уѣз. 1858 г. Сент.

—

Ахъ не одна то ль, не одна во полѣ дороженька —
Одна пролегала;
Она ельничкомъ, мелкiимъ березничкомъ —
Она заростала,
Она частымъ ли, частымъ, горькимъ осинничкомъ
Ее застилала...
Ахъ что нельзя-то ли мнѣ, нельзя мнѣ къ сударушкѣ,
Нельзя въ гости ѣхать;
Такъ поѣду ли я къ любезной сударушкѣ
Да все стороною:
Ахъ ты прости, прощай милъ сердечный другъ,
Прощай, будь здорова!...
Коли лучше ты меня найдешь, меня позабудешь,
Коли хуже ты меня найдешь, меня вспомянешь!

—

Головушка горькая — прошла ночка темная,
Прошла ночка темная — осенняя, долгая.

Не съ кѣмъ ночку ночевать — осеннюю коротать,
Одна лягу спать, боюся — товарища со мной нѣтъ,
Нѣту милаго дружка, Иванушки сокола.
Иванушка соколъ мой, показался разумъ твой,
Показался разумъ твой, весь обычай дорогой.
Бѣгу въ темные лѣса, гдѣ травушка зелена,
Гдѣ травушка зелена, гдѣ я съ милымъ гуляла,
Гдѣ я съ милымъ гуляла, со травы цвѣты рвала;
Со травы цвѣты рвала, вѣнокъ милому плела,
Вѣнокъ милому плела, на головку надѣла.
На дорожку выхожу, на широкой становлюсь,
На широкой становлюсь, никого я не боюсь.
Ни барина, ни купца, ни удала молодца,
Одного только боюсь — своево милаго дружка.

—

Привяжу я козлика
Ко бѣлой берёзкѣ.
Стой мой козликъ,
Стой не бодайся.
Бѣлая берёзка,
Стой не качайся!
Красная дѣвица,
Ходи не ломайся.
Мово любезнаго
Да передъ окошкомъ,
Да передъ окошкомъ
Озеро бѣлое —
Свѣжей рыбы много.
Дайте-подайте
Шелковъ неводъ,
Уловлю, заловлю
Свѣжую рыбку!
Съ кѣмъ мнѣ будетъ
Свѣжу рыбу ѣсти?
Ѣсть ли, не ѣсть ли мнѣ
Съ миленькимъ дружечкомъ.
„Ѣшь, мой дружечикъ,

Ѣшь, мой другъ,
Да не скушай вдругъ."

Архангел. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Скоро бѣлый снѣжокъ палъ,
Молодецъ съ коня упалъ!
Онъ упалъ, упалъ, лежитъ,
Никто къ нему не бѣжитъ!
Его прежняя милая
Скорешенько подбѣжала,
За бѣлы руки держала,
Посадила на коня,
Черну шляпу подала,
Низкой поклонъ отдала.
„Ты поѣдешь, другъ, жениться,
Заверни ко мнѣ проститься;
Ты поѣдешь, другъ, гулять,
Заверни ко мнѣ во садъ:
Въ саду яблочки висятъ!"

Дрозково. Малоарх. Уѣз. Зап. М. А. Стаховичъ.

—

Не хмѣлюшко по полю гуляетъ,
Еще самъ себя хмѣль выхваляетъ,
Что и нѣтъ-то меня, хмѣлюшки, лучше,
Что и нѣтъ, хмѣля, меня веселѣе...
Что безъ хмѣлюшки свадьбушку не играютъ,
Что журятся и бранятся все во хмѣлю,
И дерутся и мирятся все въ хмѣлю.
Только есть на меня мутенъ садовникъ,
Онъ широкія борозды копаетъ,
Далеко ль меня, хмѣля, зарываетъ,
Въ ретиво сердце тычинушку вбиваетъ.
Да какъ тутъ-то я, хмѣль, догадался,
По тычинушкѣ вверхъ увивался;
Раскидалъ свои яровы шишки.

Красны дѣвушки хмѣлюшку щипали,
Во рогожные кули зашивали,
На овинѣ меня, хмѣлюшку, сушили,
На базаръ меня, хмѣля, вывозили,
Что богаты-ль мужики покупали,
И во суслицѣ хмѣлюшку топили,
По дубовымъ бочкамъ разливали.
Ужь какъ тутъ-то я, хмѣль, разгулялся,
По уторамъ я, хмѣль, расходился.
Отсмѣю жь я садовнику насмѣшку,
Я и сдѣлаю его сатаною,
Я ударю его въ тынъ головою,
Я и въ самую-то грязь бородою.

—

Исходила младенька всѣ луга и болота,
Всѣ луга и болота, всѣ сѣнные покосы.
Пристигала младеньку меня темная ночка!
Ахъ, ахъ-ти горевати, гдѣ мнѣ ночь коротати?
Мнѣ на умъ-то запало про роднаго братца;
Ужь я стукъ подъ окошко, ужь я брякъ во колечко:
„Дома ль, дома ли, братецъ, дома ль бѣлый голубчикъ?“
„Дома, дома, сестрица, дома, бѣла голубка.“
— Ты укрой меня, братецъ, да отъ темныя ночи,
Что отъ темныя ночи и отъ лютаго звѣря.
„Ахъ, сестрица-голубка, да свѣтлая ноченька,
Свѣтлая ноченька и своя ли семейка.“
Выходила невѣстка, выходила злодѣйка,
Выпускала собаки, все собаки лихія,
„А сю-сю вы схватите, а ту-ту разорвите,
Чтобы эта да гостья не по часту ходила,
Не по часту ходила, не по долгу гостила“.
Какъ пошла-то сестрица залилася слезами.

Зап. А. Н. Островскимъ.

—

Ужь ты рощица зеленая,
Со чево рощица позасохла,
Зеленешинька вся поблекла,
Не дождавши поры-время,

Поры-время теплова лѣта,
Теплова лѣта, яснова солнца,
Яснова солнца, сильнова дожжу,
Сильнова дожжу, лютова морозу?
Ни пора ли ой да съ поля ѣхать,
Хоть поѣду ль я въ гости ни заѣду,
Хоть заѣду ль я, начевать не останусь.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

—

Не свѣтелъ мѣсяцъ зашолъ,
Ко мнѣ миленькій пришолъ.
Свѣтелъ мѣсяцъ закатился,
Со мной миленькой простился!
Что не пташицы *косаки*,
Въ зеленомъ саду поютъ:
Добры молодцы бурлаки,
Со бесѣдушки идутъ,
Веселы пѣсни поютъ,
Въ теремъ голосъ подаютъ,
Чтобы я, красна дѣвица,
Не дремала, не спала,
Въ гости милова ждала.
Не успѣла сѣсть на лавку,
Милой стукъ у окна,
У окошка постучался,
Ульянушкой взвеличалъ:
„Ульянушка, Ульяна,
Ульяна Васильевна!
Пойди-выйди на крылечко,
Взвесели мое сердечко!
Ужь ты ясны кудряшки,
Ты кудрявый молодецъ!
Не садико-сь, Яшенька, возлѣ меня,
Ты не возлѣ, не рядомъ, не насупротивъ.
Не про насъ съ тобой, Яшенька,
Люди говорятъ,
Про насъ люди говорятъ,

Всѣ сосѣдушки бранятъ,
Любить Яшкѣ не велятъ!“

Онега. Зап. С. В. Максимова.

—

Научить ли те Ванюша
Какъ ко мнѣ ходить:
Ты не улицей ходи —
Переулочкомъ,
Ты не голосомъ кричи,
Соловьемъ свищи:
Чтобы я млада, младенька,
Догадалася,
Со бесѣдушки домой
Собиралася...
Ужь я батюшкѣ скажу,
Я родному ли скажу:
Голова болитъ,
Ужь я матушкѣ скажу,
Я родимой доложу:
Не здоровится,
Худо можется;
А къ милу дружку приду,
А къ любезному приду,
Здоровешенькой,
Веселешенькой!

—

Никакъ невозможно мнѣ безъ печали жить:
Любить дружка можно, нельзя по немъ не тужить.
Вздумаю про милаго — не милъ дѣвкѣ бѣлый свѣтъ,
Не милъ, не милъ бѣлый свѣтъ, бѣжала бъ я въ лѣсъ,
Во лѣсу пользы нѣту мнѣ, все листья шумятъ;
Шумятъ, шумятъ, листья ли пошумливаютъ,
А намъ съ тобой, миленькій, разлуку они даютъ,
Разлука, разлучница чужа дальняя сторона,
Ходилъ-гулялъ молодецъ по темнымъ по лѣсамъ,
Стрѣлялъ разъудаленькій по частымъ по кустамъ,

Застрѣлилъ онъ дѣвицу въ ретивое во сердцé!
Не опасайся, дѣвушка, любя тебя застрѣлилъ:
Не стой, не стой, красная, подъ частымъ подъ кустомъ,
Подъ частымъ подъ кустомъ съ инымъ молодцомъ.
И не тошно, и не тошно, что ты со инымъ стоишь,
А больше досадно, про что̀ говоришь,
Клялася ему, божилася, право ево не люблю,
Право не люблю — за тебя замужъ пойду.

—

Куревушка, курева
Закутила, замела,
Закутила, замутила
Всѣ дорожки, всѣ пути:
Нельзя къ милому идти!
Пошла отъ двора —
Съ милымъ свидѣлася.
На ключъ по воду пошла —
Поздоровалася:
„Здравствуй, миленькой дружокъ!
Ко мнѣ въ го̀сти гостѝ,
Да подальше садись:
Ужь какъ нынѣшніе люди
Догадливые, перевадливые:
Намутятъ, намутятъ,
Съ тобой, милый, разлучатъ.

Архан. Губ. Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Ужь ты зимушка-зима
Закурила да замела
Всѣ дорожки, всѣ лужки;
Негдѣ Соничкѣ пройтить;
Ишла Соня стороной,
За ней парень молодой,
Кричитъ: „Соничка, постой,
А Софьюшка подожди!“
„Съ стороны на насъ глядятъ,
Меня дѣвушку бранятъ.

И чужія и свои
Все подруженьки мои.“

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

—

Леталъ соколикъ,
Соколъ высоко;
Бѣлая лебедушка
Еще выше ево.
Соколъ въ лебедушки
Выспрашиваетъ:
„Гдѣ же ты, лебедушка,
Гдѣ же ты была?“
— „Я была, лебедушка
На синемъ морю.“
„Что жь ты, лебедушка
Себѣ видѣла?“
„Видѣла лебедушка
На синемъ морю корабль;
Въ этомъ караблику —
Новый чердачекъ,
Въ этомъ чердачку
Вдовушка живетъ
У этой у вдовушки
Дочь хорошая растетъ.

—

Улетаетъ мой голубчикъ да изъ очей моихъ да изъ глазъ;
Я ни мало слезъ я ронила по голубчику по своемъ,
Во слезахъ я просила его, хоть немножко со мной поживи.
„Я бы радъ съ тобой пожити, да злые люди не велятъ.
Но велятъ ли, велятъ душечку, мнѣ милую ли велятъ бросить, позабыть.
Я тогда дружка забуду, какъ закроются глаза.“

Москва. Зап. П. М. Баклевскій.

—

Размолодчики, вы молоденьки
Дружки вы мои,
Вы мои!...

Ваши ласковыя
Распріятныя да къ сердцу слова!
Безъ огня да огня
Мое сердце изожгли,
Что безъ вѣтеру
Мои мысли разнесли;
Разнесли вы мысли —
Ахъ! все по чистымъ
Чистымъ полямъ.
По полямъ, что чистымъ полямъ —
По зеленымъ, зеленымъ лугамъ!
По лугамъ!
Кто бы, кто бы, ахъ! мому горю
Пособилъ?
Кто бы, ахъ! со дорожки,
Ахъ! дружка воротилъ!
Воротися — ахъ! воротися, мой любезный,
Дружечикъ назадъ.
Да назадъ! Наглядятся очи ясныя
На дружка въ запасъ!
Я ложилася бѣлой грудью — ахъ! грудью
Грудью на окно —
Я ронила-то, ронила горючія слезы
Слезы за окно!

Москва. Зап. П. М. Баклевскій.

—

Ахъ, ты ночь же, ночка —
Ночка темная,
Осенняя, долгая!
Молодка, молодка —
Молоденькая;
Головка твоя
Побѣдненькая!
Съ кѣмъ же тебѣ, молодка,
Ночь спать-ночевать,
Ночку спать-ночевать,
Осеннюю коротать?
Лягу спать одна,

Безъ мила дружка;
Безъ мила дружка
Обуяла грусть-тоска.
Грусть-тоска беретъ:
Далеко милòй живетъ,
Далече-далече —
На той сторонѣ,
На той сторонѣ,
Неблизко ко мнѣ.
Ходитъ мой милòй
Тою стороной.
Машетъ мой милòй
Правою рукой,
Ручкой правою,
Шляпой черною —
Перейди, сударушка,
На мою сторонушку.
Я бы рада перешла,
Пе́реходу не нашла;
Переходъ нашла —
Рѣчка глубока,
Рѣчка глубока,
Жердочка тонка,
Тонка-тонка, гнется —
Боюсь переломится.
Знать, тамъ мой милòй
Съ иной водится,
Съ иной водится —
Съ красной дѣвицей.

Записана А. А. Григорьевымъ.

—

Во лузяхъ, во лузяхъ зеленыхъ, во лузяхъ
Выростала трава шолковая,
Расцвѣли цвѣты лазоревые.
Ужь я той травой выкормлю коня,
Выкормлю, выглажу его;
Поведу коня къ батюшку.
„Охъ ты, батюшко, родный мой!

Ты примай слово ласковое,
Полюби слово пріятливое:
Не давай меня за стараго замужъ!
Со старымъ мужемъ гулять не йду,
Про стара мужа посте́лю постелю:
Въ три ряда каменья накладу,
Во четвертый рядъ крапивы настелю...“
„Со каменьица бока мои болятъ,
Со крапивы бока спрыщевали“.

Устьцыльма. Мезен. Уѣзда. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Скрою, скрою я окошко,
Скрою, скрою я немножко,
Взгляну, взгляну за окошко:
Бѣжитъ легонькой дѣтинка;
Онъ не въ модѣ, ни въ снарядѣ:
Въ тонкой бѣленькой рубашкѣ,
Въ рукахъ несетъ сыповку,
На плечѣ несетъ винтовку,
Во карманѣ несетъ гусли.
„Не супай, моя сыповка,
Не винтуй, моя винтовка,
Не играйте, мои гусли!
Не берите, парня, мысли —
На старой бабѣ жениться:
Стара баба — стара *база*,
Стара баба низкоглаза,
Низкоглаза — нѣту глаза.
Рѣдкозуба — нѣту зуба!“

Устьцыльма. Мезен. Уѣзда. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Подговаривалъ Иванъ
Къ *себѣ* Дуню ноцевать:
„Ты ночуй, ночуй, Дуняша,
Погости, голубушка!
Ты ночуешь и учуешь...
Подарю, Дуня, тебѣ,

Подарю Дунѣ сережки серебряныя,
Я вторыя золотыя со подвѣсочками!“
На то Дуня соглашалась,
Ночевать съ Ваней осталась.
Ложилася Дуня спать
На Иванову кровать.
Дунѣ мало спалось,
Много во сняхъ видѣлось;
Привидѣлся Дунѣ сонъ:
Мой-отъ миленькой идетъ,
Мой-отъ миленькой идетъ,
Какъ ясенъ соколъ летитъ;
Съ горенки во горенку похаживаетъ,
Онъ сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Онъ къ дунашиной кровати приворачиваетъ,
Изъ окошка въ окошко посматриваетъ.
Каленкоровы завѣски раздергиваетъ.
Не будите молоду рано-рано поутру,
Разбудите молоду, когда солнышко взойдетъ.

Дерев. Березникъ. Мезенск. Уѣзда. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Бражка ты, бражка моя,
Да-и-и-ихъ-и!
Дорога бражка поссучена была,
Да-и-и-ихъ-и!
На ручью-то бражка смоченая,
Да-и-и-их ъ-и
На полатяхъ разсоложенная!
Да-и-и-ихъ-и!
Да на эту бражку нѣту шитуховъ,
Да-и-и-ихъ-и
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ у насъ!
Да-и-и-ихъ-и!
Я послѣ мужа во честномъ пиру была.
Да-и-и-ихъ-и!
Со боярами стольничала!
Да-и-и-ихъ-и!

Сопротиву холостаго сидѣла,
Да-и-и-ихъ-и!
Супротиву на скамеечкѣ!
Да-и-и-ихъ-и!
Ужь я пьяная-непьяная была:
Да-и-и-ихъ-и!
Да я не помню, какъ домой сошла
Да-и-и-ихъ-и!
Я кокошничекъ въ рукахъ несла,
Да-и-и-ихъ-и!
Подзатыльничокъ подъ поясомъ.
Да-и-а-ихъ-и!

С. Малошуйское. Онежск. Уѣзда. Зап. волостной писарь Баевъ.

—

Вы раздайтесь, разступитесь, добры люди,
Вы на всѣ ли на четыре на сторонки,
Покуль батюшко меня замужъ не выдалъ,
За того ли за дѣтинку, за невѣжу.
Во кобакъ *иде* невѣжа — скаче, пляшетъ,
Съ кабака иде невѣжа — кричитъ-вопитъ,
Къ широку двору приходитъ — кричитъ-голчитъ,
За колечушко берется — воскричаетъ:
„Еще въ домѣ ли жена да молодая?
Отпирала бы широкія ворота!“
Поскорешеньку съ постелюшки вставала.
Я покрѣпче ворота запирала,
Посмѣлѣе съ невѣжей говорила:
„Ты ночуй, ночуй, невѣжа, за воротами;
Тебѣ мягкая постель — бѣлая пороха,
Высоко тебѣ зголовье — подворотня,
Шитой-браной положекъ — буйный вѣтерочекъ.
Я тогда же у невѣжи поспросила:
„Каково же тебѣ, невѣжа, за воротами?
Таково же мнѣ, младой, и за тобою,
За такою за дурацкой головою.“

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,
По широкой, славной, долгой!
Стоялъ теремъ, теремочикъ
Со крутымъ, краснымъ крылечкомъ,
Со *косявчатымъ* окошкомъ;
И въ томъ ли теремочкѣ,
Сидѣлъ душечка молодчикъ;
Ото сну ли онъ пробужался,
Ключевой водой умывался,
Тонкимъ бѣлымъ полотенцомъ утирался,
Въ чистомъ зеркальцѣ смотрѣлся,
Красотѣ ль своей дивился:
Красота ли моя, красотка,
Красота ли моя молодецкая!
Что единымъ я только погубился —
Молодешенёкъ женился!
Ужь я взялъ же жену упряму,
Что й упряму жену, угрюму.
Куды пошлешь — ей не дождешь,
Хоша дождешь — не доспросишь,
Хоша скажетъ — все неправду,
Все неправду — все не сущу.

Устьцыльма. Мезенск. Уѣзда. С. В. Максимовъ.

—

Летѣлъ голубь,
Летѣлъ сизой
Со голубушкою.
Шелъ удалецъ-молодецъ
Съ красной дѣвицею.
Позади идутъ товарищи, высматриваютъ,
Высматриваютъ, приговариваютъ:
Какъ бы эта бы голубушка
У голубя была,
Какъ бы эта да голубушка
Подъ голубя легла.
Ахъ, шишь! голубь не мой,
Полетай, голубь, домой,
Ко голубушкѣ своей

Сизой голубь ворковалъ
Голубушку цаловалъ.
Голубушка ворковала
Голубчика цаловала.

(Подгородная Арханг. въ Кеѣ-островѣ).

—

Въ саду, саду
Въ зеленомъ саду
Соловей свищетъ,
Молодой чокъ-чокъ.
Ещо охти мнѣ
Гореваньице,
Доброму молодцу
Неженатому
Кудреватому.
Еслибъ были у меня
Молодца крылушки,
Да сизыя перушки
Полетѣлъ бы я
Подъ высокъ теремъ,
Подъ окошечко.
Посмотрѣлъ бы я
Какъ дѣвушки плачутъ
Замужъ идучи
За стараго мужа.
Какъ и старый мужъ,
Погубитель мой,
Погубилъ мою
Буйную голову,
Косу русую
Золотой косникъ
Съ алыми лентами
Съ прозументами.

Сабурово. Малоарх. У. Сент. 1858 г.

—

На горѣ растетъ калина,
Подъ горою малина.

Молодая дѣвчоночка
Молодчика любила;
Взяла его за рученьку
Всю ночку водила
Всю ночку до свѣточку.
На дворѣ бѣлая заря,
На дворѣ бѣлая заря
Дѣвчоночки спать пора.
Выходила красная дѣвка]
На свое новое крыльцо;
Простужала красна дѣвка
Свое бѣлое лицо.
Хорошо тебѣ, дѣвица,
По горенкѣ ходити
Да и мнѣ ли, молодчику,
На морозѣ стоюмчи;
Ко морозу ножки стынутъ.
Снѣжокъ бѣлый выпадалъ,
Снѣжокъ бѣлый выпадалъ,
Дороженьку заметалъ.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

—

На горушки калина
На горушки люба, люба калина,
Подъ горою малина.
Тамъ дѣвушка ходила,
Калинушку ломала,
Во пучочки вязала,
На дорожку бросала,
Въ казака попала.
«Казаченька молодой,
«Куда ѣдешь во походъ?
Возьми меня съ собою,
Зови меня женою,
А я тебѣ угожу:
Коня тваво напою
Овса, сѣна заложу;
Еще тебѣ угожу:
Постелюшку постелю,

Взголовьице положу,
Поцалую, обойму.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

—

«Для кого жь ты, моя расхорошая, очень-модно ходишь?
Для котораго, моя расхорошая, ты лицо наводишь?»
«Я лицо ли наводила, майора любила —
Я майора, дѣвушка, любила, парня молодова;
Со которымъ я прежде водилась, вечоръ разбранилась:
Разбраночка была небольшая, во глаза ругала,
Я во глазушки дружка ругала, подлымъ называла —
«Ужь ты *подлый* и разнегодный, злое твое сердце;
Ужь ты злое, злое, ретивое у маво милова.
Сижу я, дѣвка, съ ночи до полночи до втораго часу;
Сижу я, дѣвка, дѣвка, сиротою, залилась слезою,
Залилася дѣвушка слезою — ко мнѣ милъ ногою.
Восходило солнышко высоко — живетъ милъ далеко;
Восходило солнышко пониже — живетъ милъ поближе.

Сабурово. Малоарх. У. Сент. 1858.

—

Подъ горою вѣтеръ вѣетъ,
Дѣвчоныча ржицу сѣетъ,
Она сѣетъ высѣваетъ, драгунъ дѣвку умоляетъ:
Пойдемъ, дѣвка, пойдемъ съ нами, съ молодыми драгунами,
Будемъ жити поживати, съ отцомъ-матерью шинковати,
Твоя мати чиривница, а сестрица разлучница:
Разлучила насъ съ милою, какъ рыбицу со водою,
Бѣлую щуку со окунцами, красную дѣвку съ молодцами.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

—

Дѣвица садочкомъ шла,
Раскрасавица зелененькимъ,
Въ правой рукѣ розовый цвѣтокъ,
Во лѣвой рукѣ нѣмецкой пверокъ (вѣеръ).
Дѣвка иверомъ помахиваетъ
На *ней* молодецъ поглядываетъ,

Изъ рѣчей выговариваетъ:
„Ахъ, ты нѣжна, манежна моя,
Старопрежна любезна была,
Красота неученная твоя!
Ужь семь я бесѣдъ испрошолъ,
Тебя лучше и краше не пашелъ!
Хоша лучше и краше тебя есть,
На моемъ сердцѣ желанной такой нѣтъ!
По тебѣ ли, моя любушка,
По тебѣ, моя любушка,
Душа красная дѣвушка!“

Устьцыльма. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Заходилъ бы я, загулялъ бы я
По три дни, по три ночи по рынку:
Записалъ бы я красну дѣвицу ягодинку,
Даровалъ я опояску шведскаго
Бархату нѣмецкаго.
Упадала, припадала,
По карманамъ полагала;
Нашъ-отъ милъ
Почему жь онъ былъ
Чистаго желтаго шелку.
Желтыя кудри завивались,
Красны дѣвицы разыгрались,
Тѣмъ кудрямъ дивовались
Тѣмъ кудрямъ молодецкимъ,
Тѣмъ старикамъ заонежскимъ,
Тѣмъ креополамъ-разнополамъ.

Архангел. Губ. Записалъ С. В. Максимовъ.

—

Ходила дѣвушка по берегу,
Сажала дѣвушка ярый хмѣль,
Сажала она, приговаривала:
Рости хмѣль по тычинкѣ вверхъ,
Безъ тебя брагушки не водятся,
Добрые молодцы не женятся,

Красныя дѣвицы замужъ не йдутъ.
Вздумала Дуняша — замужъ пошла.
Теща про зятя пирогъ спекла,
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару, изюму на восемь рублей,
Стоилъ пирогъ во двѣнадцать рублей.
Зять-то былъ смѣлъ, за присѣстъ его съѣлъ.
Теща по горенкѣ похаживала,
Часто на зятя поглядывала.
«Какъ тебя, зятюшко, не розорвало?»
— Зачѣмъ меня, матушка, подчивала?
Придешь ко мнѣ, матушка, я честь отдамъ
Въ четыре дубины березовыя,
Пятый кнутъ, по заказу гнутъ...
Рвалась, рвалась, насилу вырвалася,
Бѣжала, бѣжала, насилу ушла.
Зять-то у воротъ съ поклономъ зоветъ.
«Скажите, ребята, со вчерашняго пьяна,
Съ пива да съ вина, болитъ спина-голова,
Съ сладкаго меду-то я вся больна.»

—

Я по дѣвицу пошелъ,
Я по красную пошелъ,
Зайду съ бочка,
Погляжу съ личка,
Быть не яблочка,
Кая дѣвица хороша,
Кая истонка-высока,
Кая избѣла-бѣла
Безъ румянецъ румяна,
Безъ платья толста,
Безъ башмаковъ высока.
Тую я возьму,
За собой поведу,
Я своей назову.

Арханг. Губ. Записалъ С. В. Максимовъ.

—

Отъѣзжаетъ любезный въ дорожечку,
Хоть не въ дальную, да въ печальную.
Не далешенько, да, жаль, тошнешенько.
Не воротишься — я помру съ тоски;
Надорвется мое сердце плачучись, —
Все тебя, мой другъ, вспоминаючи
Изъ дорожечки да дожидаючи.
Вспомяни, мой любезный! во дороженькѣ
Живучись на дальней на сторонушкѣ —
Ужь какъ я тебя вспомяну всегда,
Ужь я вспомню ласки дружка милаго,
Ласковы слова, къ сердцу пріятныя.
Не спди-ко, дѣвушка, поздно вечеромъ,
Поздно вечеромъ одна
Не просиживай до полуночи,
Ты не жги-ко, не жги свѣчи сальныя:
Вовторыхъ-то не тай воску яраго.
Я не гость пришелъ, не гостить къ тебѣ:
Пришелъ, душечка, къ тебѣ проститися,
За любовь твою да поклонитися:
Позволь, душечка, мнѣ жениться.
„Ты женись-ко, женись, дуракъ безсовѣстный!
Ты возьми-ко, возьми, ково я велю,
Ково я велю, ково я люблю:
Ты возьми-тко мою подруженьку
Сестру названую!“
“Мнѣ подружку взять —
Будешь гнѣвъ держать,
Будешь гнѣваться.
Мнѣ-ко взять, не взять
Самоё тебя,
Самоё тебя, мою подруженьку.»

Кемская. С. В. Максимовъ.

—

Какъ во полѣ могилушка стоитъ,
На могилушкѣ тѣло бѣлое лежитъ,
Все солдатское.
Тамъ лежитъ же, тамъ убитый лежитъ,
Онъ убитый, весь израненный,
Изрубленный, изстрѣлянный.

Ноги, руки — на четыре штуки,
Во головушкѣ стоитъ крестъ златой;
Во рукахъ-то держитъ книжечку,
Во ногахъ-то стоитъ добрый конь.
Конь копытами землю бьетъ,
Охъ, да и бьетъ же, добивается,
Своего пана добужается:
Охъ, да ты устань, устань, нашъ панъ!
Хотя встать ты не встанешь,
Хоть головушку подними,
Своему коню дорожку укажи.
Ахъ, да панъ устать-то не всталъ,
А головушку поднялъ,
Своему коню дорожку указалъ,
„Ты бѣги, конь, все дорогою, все широкою,
Прибѣги, конь, ты ко новымъ воротамъ;
Охъ, ты бей копытами ворота.
Охъ, да и выйдетъ къ тебѣ
Старая барыня,
Моя мать родная;
Охъ, да возьметъ тебя за шелковы повода,
Поведетъ тебѣ во конюшеньку,
Дастъ тебѣ сѣна и овса,
Потомъ станетъ тебя спрашивать:
Гдѣ ты былъ, побывалъ,
Охъ, да гдѣ своно пана убилъ?»
Онъ не убитый тамъ лежитъ
Среди поля при поляночкѣ,
Панъ нашелъ себѣ земляночку.

—

Во теремѣ дѣвица сидитъ,
Ожерельице жемчужное садитъ.
Разсыпала ожерельице
По всему высоку терему
Не собрать, не собрать жемчужку,
Ни батюшкѣ, ни матушкѣ,
Ни братцамъ, яснымъ соколамъ,
Ни сестрицамъ, бѣлымъ лебедямъ.
Соберетъ, соберетъ жемчугъ

Удалой добрый молодецъ
Съ душой красной дѣвицей.

Архангел. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Спится мнѣ младой, дремлется
Клонитъ, клонитъ головушку на подушку спать.
Свекоръ идетъ по новымъ сѣнямъ
И стучитъ и грючитъ и кропочится:
..... ты, невѣстища,
Сонливая, дремливая, неурядливая.
Спится мнѣ, младой дремлется
Клонитъ, клонитъ головушку на подушку спать.
Батюшка идетъ по новымъ сѣничкамъ
Тихохонько, смирнешенько, рахманешенько.
Дитятко мое милое
Занужено, позагнано во чужихъ людяхъ.

Собурово. Малоарх. У.

—

Цвѣтики, цвѣточки,
Лазу́ревы мои!
Что же вы не весело,
Цвѣтики цвѣли?
Или вамъ дожди-то
Были очень малы,
Лютые морозики
Крѣпко студены?
На эти на цвѣтики
Палъ ме́ленькій дождь.
Не дали со миленькимъ
Подольше гулять,
Подольше гулять,
Рѣчей поговорить,
Личному любезному
Въ очи напѣнять:
Что долго не женишься,
Миленькій дружокъ?
Меня раскрасавицу

Замужъ не берешь?
„Дѣвица, красавица,
Душенька моя!
Жизнь наша нетлѣнная,
Во свѣтѣ красота:
И радъ бы я женился,
Удалой молодецъ,
Мнѣ волюшка не даетъ,
Мать благословеньица
Вовсе не сулитъ;
Всей родней-породой
Молодца бранятъ;
Тебя, раскрасавицу,
Взять-то не велятъ!
Приложу старанье,
Любезна, для тебя:
Возьму черезъ лѣтико
Замужъ за себя.“
Рощица зеленая,
Кудрявая моя!
Во этой во рощицѣ
Горенка стоитъ;
Во этой во горенкѣ
Дѣвушка сидитъ,
Сидитъ раскрасавица,
Пѣсенки поетъ,
Жалобно, любезная,
Причитываетъ:
„Что пошли за годики,
Пошли времена!
Сушатъ, крушатъ дѣвицу
Дальны города;
Паче раскрасавицу,
Прежни друговья:
Сулился мой миленькій
До вѣку любить,
До вѣку, до жизни,
До смертнаго часу:
Ноньче, мой миленькій,
Бросилъ, позабылъ;

Бросивши, забывши,
Иную полюбилъ.

Бѣлое Море. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Кому счастьице, кому, братцы, два,
А мнѣ, молодцу, нѣту ни (о)дного.
Что приходитъ ли ночка темная,
Ночка темная, время долгое.
Ляжу, ляжу я, ляжу ни усну,
А устану я рано поутру.
Выйду, выйду я, выйду за ворота.
Подымалися вѣтры буйные,
Взволновалися тучи грозныя.
Изъ-подъ тѣхъ подъ тучъ три младца идутъ;
Первый молодецъ, онъ парадъ несетъ;
Другой молодецъ, онъ коня ведетъ;
Третій молодецъ, онъ ружье несетъ.
Перходили они чрезъ Дунай рѣку,
Чрезъ Дунай рѣку, на круту гору.
На круту гору, къ широку двору,
Ко широкому двору, къ самому царю.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

—

Вы сады ль, мои садочки,
Цвѣли яблонь да въ саду цвѣточки!
Цвѣли алы, стали вялы.
Я по садику съ дружкомъ гуляла,
Цвѣты алы сорывала,
Я вѣночикъ завивала,
На головку дружку надѣвала,
Сама дѣвка слезно воздыхала.
„Ну, чего же ты, дѣвка, плачешь?“
„Ну, да какъ же мнѣ дѣвкѣ не плакать:
Жили съ милымъ дружкомъ тайно —
На народѣ стало явно.
Ну, да кто жь милой выноситъ,
Отцу съ матерью доноситъ,
Или милый, или *ба* постылой,

Или милова шельма женпща,
Или ближняя шельма сосѣдка."

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858.

—

Не свивайся, не свивайся трава съ повеликой!
Не свыкайся, не свыкайся молодецъ съ дѣвпцей.
Хорошо было свыкаться, тошно разставаться.
Въ чистомъ полѣ при долинѣ стояло тамъ древо,
Это древо, это древо — березушка бѣла.
Она тонка и высока, листикомъ широка;
А на той ли на березѣ сидѣлъ сизъ голубчикъ,
А ни сизенькой голубчикъ, завдалой молодчикъ.
Передъ молодцомъ дѣвица стоитъ, слезно плачетъ.
Парень дѣвку унимаетъ, слезы утираетъ.
Не плачь дѣвка, не плачь красна, не плачь, расканалья!
Буду дѣвку, буду больно бити при міру-народу,
При всемъ міру при народѣ, въ большомъ хороводѣ.
Тебѣ дѣвкѣ будетъ стыдно, а мнѣ, младцу, обидно,
А другимъ дѣвкамъ наука, намъ съ тобой разлука.
Разлучила насъ неволя — чужая сторонка
Чужа-дальняя сторонка, замужняя жонка.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда.

—

Голова ль, моя головушка,
Голова ль ты моя игриливая,
Игриливая и шутливая.
У моей головушки, да нѣту заботушки
Да нѣту заботушки
Никакой родни
Ни родной сестры;
Только есть у меня
Одинъ милый другъ
Да милая ладушка
Да бѣлая ластушка.
Онъ ложился спать
Ко мнѣ на кровать
Не по людскому,
По дурацкому:

Ко стѣнѣ лицомъ,
Ко мнѣ спинкою,
Поясницею.
„Ужь ты милый другъ,
Обернись ко мнѣ!
Семъ обнимемся,
Поцалуемся,
Побалакаемъ
Про тебя, про меня,
Про твою-то .....:
У твоей .....
Суровый подолъ,
А у меня младой
Аллиной (*) подолъ
Еще строченый,
Шитъ бумагою
Да спинми нитками;
Косы *люшками*
И съ дробнушками.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда.

—

Калинушка съ малинушкой лазуревый цвѣтъ,
Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшко пьетъ.
Онъ пить не пьетъ, голубчикъ мой, за мной младой шлетъ.
А я млада-младешенька замѣшкалася
За утками, за гусями, за лебедями,
За мелкою за пташечкой, за журушкою.
Какъ журушка-та по бережку похаживастъ,
Шелковую онъ травушку пощипливаетъ.
Студеною водицею захлебываетъ.
За рѣкою за быстрою четыре двора:
Въ этихъ-то во дворикахъ четыре кумы.
Вы кумушки-голубушки, подружки мои.
Кумитеся, любитеся, любите меня...
Пойдете вы въ зеленый садъ — возьмите меня,
Вы станете цвѣточки рвать — нарвите и мнѣ,
Вы станете вѣночки плесть — сплетите и мнѣ,
Пойдете вы на рѣченьку — возьмите меня,
Вы станете вѣнки бросать — вы бросьте и мой;

(*) Льняной.

Какъ всѣ вѣнки поверхъ воды, а мой потонулъ!
Какъ всѣ дружки домой пришли, а мой не бывалъ!

—

Поиграйте вы, дѣвушки,
Повеселитесь, голубушки,
Во своей волѣ у батюшки,
Что во нѣгѣ у матушки,
Во прохладѣ у братлецовъ!
Неравно замужъ выйдется,
Неравенъ чортъ навяжется,
Не ровенъ накачается:
Либо старое уродливое,
Либо молодо спѣсивое,
Либо вровню упрямчивое!
У меня, младой, старый мужъ
Поперегъ постели лежитъ
Во супоръ со мной рѣчь говоритъ,
Раздѣвать, разувать велитъ,
Балахонъ съ плечъ стягивати
И оборы разматывати!
Что не та въ полѣ ягода цвѣла,
Не того отца дочь была,
Не тою была у матушки,
Чтобъ мнѣ стараго разувать!
У меня руки бѣлыя —
У него ноги грязныя;
На рукахъ перстни злаченыя —
Что мои ручки загрязнятся,
Перстеньки поломаются!
Я пойду, млада, въ торгъ торговати
По обычаю товара купить:
Я за кемешекъ три денежки дала,
За цѣпочку цѣлый алтынъ;
Навяжу стару на воротъ,
Я спущу стара на воду,
А сама взыду на гору,
Посмотрю на стара старика,
Каково старый плаваетъ:
Се рука, се нога вверху,

А буйной головой ко дну!
Да какъ взмолится старый мужъ:
„Ужь ты, душка, женушка,
Перейми старика изъ воды!
Ужь я радъ на тебя работать,
По три утра сырой ржи молоть,
По три дни не завтракати,
По четыре не обѣдывати,
Ужь я радъ годовалые житники ѣсть,
Троеденную кашу хлебать".

—

Изъ-подъ камушка быстра рѣчка течетъ,
По бережку добрый молодецъ идетъ;
Онъ садился на ворона коня,
Уронилъ онъ черну шляпу съ головы...
„Подними ты, моя милая жена."
„Мнѣ поднять шляпу не хочется,
Покориться охоты нѣтъ."
Пойду млада во зеленый садъ гулять,
Спрошу ль я младаго соловья:
„Ты скажи, молодой соловей:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?"
Какъ сказалъ молодой соловей:
„Воля, воля краснымъ дѣвицамъ гулять,
Молодушкамъ миновалася гульба!
Погулять тебѣ, дѣвица,
У роднаго батюшки".

—

Ой вы сёстрицы ли, вы подружки,
Вы не знаете маво горя,
Горюшка моего великаго,
Про моего про дружка про милова
Про сердечнаго, дарагова.
Ну, да кто кого вѣрно любитъ,
Черезъ три поля гулять ходитъ,
Во бесѣдушку милъ заходитъ.
Бесѣдушка была веселая,
Хозяюшка была молодая,
Душа красная все дивчонка;
Во дѣвчоночкѣ черны брови,

Во молодца ли кудри вьются,
Во дѣвчоночки слезы льются.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда.

—

Сторона ль ты моя, сторонушка, сторона чужая!
Незнакомая дальняя сторонушка! не самъ я заѣхалъ:
Занесла меня, раздобраго молодца, занесла неволя,
Что неволя ль, неволя большая, красная дѣвка,
Что зашолъ, зашолъ, заѣхалъ я, зашелъ воспроситься:
„Ты позволишь, моя разлюбезная, позволь мнѣ жениться.“
Ты женись, женись, разбестія, женись, чортъ съ тобою!“
Ты бери, бери, разбестія, бери себѣ ровню,
Со которою мою подруженькой я гулять ходила.“

Сабурово. Малоарх. Уѣзда.

—

Коровать ты моя, короватушка!
Запустѣла коровать безъ мила дружка,
Безъ мила-то дружка, безъ сердешнова.
„Ну, куда жь ты мой другъ собираешься?
Во новые сапоги обуваешься,
Во зеленъ ты кафтанъ одѣваешься,
Ну со мной со маладой не пращаешься.
Провожу жь я дружка черезъ три поля,
Черезъ три-то поля, поля чистыя
Черезъ три-то моря, моря синія.
Какъ и вся-то Москва вздивовалася:
Ну да кто жь тамъ въ саду распрощается?
Или мужъ-то съ женой, или братъ съ сестрой,
Или молодецъ ли съ красной дѣвушкой?

Сабурово. Малоарх. Уѣзда.

—

Ты сударушка моя,
Вечоръ былъ я у тебя,
Не узнала ты меня,
Не узнала — опознала,
Отъ себя прочь отсылала!
Какъ мое сердце болитъ,
Отойти прочь не велитъ,
Не велитъ прочь отойти,
Велитъ дѣвицу любить,
Во деревнюшку ходить.

Что деревня отъ деревни
Не подалеча стоитъ,
Промежду рѣчка бѣжитъ,
Только жердочка лежитъ.
Я по жердочкѣ шла,
Я по тоненькой, по еловенькой.
Тонка жердочка гнется,
Да не сломится.
Хорошо съ милымъ водиться,
Да не стошнится;
Хошь и стошнится,
Разгуляюся пойду!
Пойду выйду, молода,
За новыя ворота,
За новыя кленовыя,
За рѣшетчатыя.
Выпускала сокола
Изъ правова рукава;
На полетикѣ соколику наказывала:
„Ой лети, лети соколъ,
Высоко и далеко
На родиму сторону;
На родимой на сторонкѣ
Грозенъ батюшка живетъ,
Онъ грозенъ, сударь, грозенъ
Да немилостивъ:
Не велитъ младой ходить
Поздно вечеромъ одной.
Я не слушала отца,
Спотѣшала молодца,
Я за то его спотѣшу,
Что одинъ сынъ у отца,
Зародился въ молодца;
Завутъ Ванюшкою
Пивоварушкою.
Пивоваръ пиво варилъ,
Зелено вино курилъ,
Красныхъ дѣвушекъ манилъ:
«Вы пожалуйте, дѣвицы,
«Во пивоварню во мою:
«На моей пивоварнѣ
«Пиво пьяно на ходу,
«Сладка водка на меду.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

П. В. ЯКУШКИНА.

III.

ЛИРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

Разнесчастная Дунюшка зародилась,
Что тоска-печаль Дунюшкѣ приключилась.
Куда Дунюшка ни пойдетъ, все горе за ней;
Куда Дунюшка ни пойдетъ, все журятъ-бранятъ,
Что журятъ-бранятъ Дунюшку все плакать велятъ.
Что поплачь, поплачь, Дунюшка, по своемъ горѣ,
По своемъ горѣ, Дунюшка, по миломъ дружкѣ,
По миломъ дружкѣ, Дунюшка, по Иванушкѣ.
Ты, Иванушка, душечка, задушевный другъ,
Задушевный другъ Дунюшки, во неволюшки.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858 г.

Иванушко травку косилъ —
Косы поломалися,
Во кусты бросали.
Не подай, Боже, погоды
Изъ-за темна лѣса!
Что сказали про дѣвицу
Небыль-небылицу:
Будто я, красна дѣвица,
По молодцѣ тужу...

«Не тужи, красна дѣвица,
Тебя не забуду:
Случай будетъ въ Питеръ ѣхать —
Привезу подарокъ: —
Золото колечко,
Золото ли то колечко —
Ко красну крылечку;
Пойдешь-выйдешь на крылечко —
Брякнешь во колечко;
Стукнешь, брякнешь во колечко
Растоскуется сердечко,
Заплетешь тоску-кручину
Коню въ сиву гриву;
Сивой-пвой конь подкнется —
Грива растрехнется,
Сива грива растрехнется —
Тоска распадется!
Разойдись тоска-кручина
По чистому полю!
Заростай тоска-кручина
Травой-муравою,
Травой, травой муравою
Разными цвѣтами.
На улицѣ три молодца
Совѣтъ совѣтали,
Совѣтъ, совѣтъ совѣтали
Жеребій метали:
Кому деньги, кому платье,
Кому красна дѣвка.
Доставались деньги Мишкѣ,
Цвѣтно платье Гришкѣ,
Доставалась красна дѣвка
Дружку Иванушкѣ.
Пошелъ Гришка, осердился,
Съ Мишкой не простился;
А Ванюша удалой
Пошолъ, веселился.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Горка ты, горка,
Горушка крутая,
Трава шелковая.
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодецъ ходитъ
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послу́шайте, люди,
Что въ городѣ баютъ:
Ребятъ продаваютъ
Купцы закупаютъ,
Девять на денежку
Десятаго на придачу.
Горка, ты горка,
Горушка крутая,
Трава шелко́вая
Да по той ли по горкѣ
Удалой молодецъ ходитъ.
Во скрипку играетъ,
Короля забавляетъ.
Послушайте люди,
Что въ городѣ баютъ:
Дѣвокъ продаваютъ
Куппы закупаютъ,
Дѣвка по сту рублей
Коса по тысячи,
Косники — смѣты нѣту.
На ребятъ смерти нѣту,
На бабъ погибели,
Чтобъ онѣ погинули.
Мужья останутся,
Они намъ достанутся.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858 г.

—

Ой Дунюшка
Фомина
По бережку
Ходила,

Правой ногой
Дуня тошнула;
У Дунюшки,
У Дунюшки
Сердечушко ёкнуло.
Звали Дуню
На базаръ
Покупочки
Покупать.
Куплю Дунѣ
Сарафанъ
Носи Дуня.
Не марай,
Въ коробочку
Замыкай.
Раскурвинъ сынъ
Тараканъ
Сточилъ дунинъ
Сарафанъ.

Сабурово. Малоарх. Уѣзда. Сент. 1858 г.

—

Шли молодцы изъ Новагорода,
Дѣвица на улицѣ встрѣтилася;
Всѣмъ молодцамъ по поклону роздала,
Одному молодцу пониже всѣхъ,
Для того пониже, что удалой молодецъ.
Сталъ молодецъ дѣвку спрашивати:
«Какъ тебя, дѣвица, по имени зовутъ,
Какъ взвеличаютъ по отчеству?»
«Меня батюшка засѣялъ,
Родна мать родила,
Меня попъ крестилъ,
Окулина имя далъ!»
— «Дѣвушка, Окулинушка!
Нейдешь ли, дѣвушка, замужъ за меня?
Есть у меня горенка нова,
Во горенкѣ во новой

Стоитъ столикъ дубовой,
Рюмочки наливаться хотятъ,
Рюмочки походя говорятъ!
На сѣняхъ, на сѣняхъ молода вдова живетъ,
Вдовушка по сѣнюшкамъ похаживаетъ,
Пя́ла на рученькахъ понашиваетъ;
Шила, вышивала тонко бѣло полотно,
Вышила рубашку — косой воротокъ,
Вышила рубашку, ко батюшкѣ пришла:
«Что батюшка родной, ты подумай-погадай:
Замужъ ли идти, во вдовахъ ли мнѣ сидѣть?»
—«Дитятко, дитя, дитя милое мое,
Замужъ не ходи, во вдовахъ не сиди.
Поди, поди, дитятко, въ дѣвичій монастырь».
—«Что батюшко родной, ты подумай-погадай:
Въ келью взойду — всѣ кельи разорю,
Старыхъ-то старушекъ вонъ повыгоню,
Молодыхъ молодокъ въ свою вѣру возьму,
Красныхъ дѣвицъ на игрища спущу!»
Сватался на вдовушкѣ изъ-за моря купецъ,
Сказывалъ житья-бытья пятьсотъ кораблей.
Думаю-подумаю за этого пойду,
Умъ-разумъ раскину: не быть дѣлу такъ!
Сватался за Дунюшку съ посада молодецъ,
Сказывалъ житья-бытья пятьсотъ голея (*)
Думала-подумала — пойду за него,
Умъ-разумъ раскину: не быть дѣлу такъ!
Сватался на Дунюшкѣ веселый скоморохъ,
Сказывалъ житья-бытья: свирѣль да гудокъ!
Думаю-подумаю: нейду за него;
Умъ-разумъ раскину — все быть дѣлу такъ:
Когда я сыта, я не сыта, завсегда я весела:
Кто это идетъ? «Скоморохова жена!»

Мезенскаго Уѣзда, Деревня Березникъ зап. С. В. Максимовъ.

—

(*) То-есть гольемъ — чистыми деньгами рублей.

Чеботной, чеботной, чеботной молодой,
Ты сошей бошмачки не малы, не велички околь ножечки.
Чего малой недостанетъ,
Чеботной зубамъ натянетъ.

Березникъ. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Хотите ли, братцы, старину скажу,
Старину скажу, скажу да стародавную,
Стародавную, да небывалую,
Небывалую, да неслыханную...
Я хотѣлъ сказать, да нечево:
Оглянусь назадъ — да слушать некому.
По синю морю да мужечки орутъ,
По чисту полю да корабли бѣжатъ,
По запольицу они да ѣзки бьютъ,
Ѣзки бьютъ, да хотятъ рыбъ ловить,
Осетровъ ловятъ да борадатыихъ,
Сороженекъ да онѣ съ рожками
Уклеенокъ (*) да его поцѣлоцькахъ (**).
Соколъ идетъ, да пѣшъ дорогою;
Медвѣдь летитъ да по поднебесью,
Во когтяхъ да онъ *несетъ коровушку*
Чернопеструю да бѣлохвостую.
Во бору кобыла, да бѣлку злаяла,
Въ осѣку овца да яйцо снесла,
На дубу свинья, да гниздо свила,
Гниздо свила, да дѣтей вывела,
Малыхъ дѣточекъ, да поросяточекъ:
По сучкамъ сидятъ, да ускочить хотятъ,
Подъ верхъ глядятъ, да улетѣть хотятъ.
Ай за славнымъ городомъ за Жорновомъ
Разыгрался мелинъ (***) да съ хлопотомъ! (****).
Ужь ты хлопотъ, хлопотъ, хлопотушицъ,

(*) Соложенки и уклеенки—мелкія рыбки.
(**) Дѣвичья подвязка.
(***) Рукоять у ручной мельницы:
(****) Сверчокъ.

Въ высокихъ горахъ, да на печи въ дровахъ,
На печи въ дровахъ да сидитъ богатырь:
Онъ *хринъ* да рѣдечку повыломалъ,
Бѣлу капусту повырубилъ,
Пироги да шаньги онъ полками бралъ,
Ай сказали блины, что въ печи каша есть,
И молочная да наволочная (*)
Какъ за славнымъ городомъ за Ступою,
Толкутъ тутъ бабы стукаютъ;
И пошла у нихъ стрѣльба-пальба,
Стрѣльба-пальба да веретенная
На выручку да поваренкима.
Ай пошелъ у нихъ да рукопашный бой
Рукопашный бой да издирихима (**)
Изподѣлали шпаги да все лучинныя;
У нихъ тутъ пошелъ да кровопролитной бой!..

Шенкурскъ. Зап. г. Заринскій.

—

За дворомъ лужокъ зеленешенекъ,
У меня дружокъ молодешенекъ:
Молодешенекъ-милъ милешенекъ,
Мы пойдемъ во лужокъ, заведемъ кружокъ;
Милый съ гуслями — а я съ пѣснями
Не придутъ гусли противъ пѣсенокъ,
Не придетъ свекоръ противъ батюшки.
Мой-то батюшка — слово вѣрное.
Моя матушка — дума крѣпкая.

—

Саша, барыня моя,
Не гнѣвайся на меня,
Что я не былъ у тебя.
Ужь я былъ-побывалъ
Въ Новѣгородѣ гулялъ,
Тужилъ, плакалъ, горевалъ

(*) Покрытая пѣнкою.
(**) Повойникъ.

Купецкую любилъ дочь
Любилъ ее до поры...
Дунулъ вѣтеръ со горы
Со московской стороны
На купецкіе дворы.
Во купецкихъ во дворахъ
Тамъ дѣвушка хороша
Сашечка душа.

—

Шло, шло солнышко вдоль по залѣсью,
Катилось красное по затемному
Шла, шла дѣвушка вдоль по застолью,
Роняла слезы на бѣлую скатерть,
Била руки объ дубовый столъ,
Бросила ключи она вдоль стола;
На тебѣ, батюшка, золотые ключи;
Я тебѣ, батюшка, я не ключница,
Я тебѣ родимой не ларечница,
Ключница, ларечница я лютому свекру,
Лютому свекру да лютой свекровьюшкѣ,
Вѣрный посолъ я дружку своему.

—

Молодушка молода
Черноброва хороша. Ай ну, ай ну, ай ну.
Черной бровью повела
Съ молодцемъ любовь вела. Ай ну...
Въ такую во любовь
Въ горенку повела. Ай...
Изъ горенки въ комнатку,
Изъ комнатки во кроватку. Ай...
Посадила на кровать.
Стала дружка цаловать. Ай...
Ужь, другъ ты милой,
Поживи, радость, со мной. Ай...
Съ одинокою женой. Ай...
Одинокая жена

Во одиночествѣ жила. Ай...
Много горя видѣла
Цаловала миловала дружка, спрашивила.
Млада хату затопила,
Сама по воду пошла,
Какъ по воду, воду,
На Самару на рѣку.
На Самарѣ, на рѣкѣ
Гуси лебеди сидятъ,
Воду свѣжую мутятъ,
Постояла молода,
Устоялася вода.
Размахнула широко,
Почерпнула глубоко.
Ведерушки подняла,
Зашаталася, пошла.
Скоро на гору взошла.
Какъ на этой на горѣ
Солучилася бѣда:
Загорѣлась слобода.
Ужь на этотъ на пожаръ
Соѣзжались господа,
Дивовалися пожару,
Ужь чтой-то за пожаръ?
Онъ нежарко горитъ
Выше города политъ.

—

Шелъ Ваня слободою,
Велъ Дуню за собой.
Дуня рѣчи говоритъ,
Нарядиться велитъ:
Нарядися, мой милой,
Нарядися дорогой.
Носи шляпу на кудряхъ,
Перчаточки на рукахъ.
И я чаяла почаяла,
Я со миленькимъ пожить.

Хорошъ милой уродился,
Онъ не долго поводился,
Разставаться, шельма, сталъ,
Чужу сторону спозналъ.
Чужая сторона
Со миленькимъ мила,
Ай мила, мила, мила
Тамъ сударушка жила,
Сударушка дѣвушка,
Лебедушка бѣлая,
Коса кудриная, бѣлокудриная.
Уже кто кудри кудрилъ,—
Я того бы полюбилъ.
Во Казань городъ вступилъ
Плису, бархату купилъ,
И я плису и атласу
Тесову кровать украшу.

—

Вы туманы, разосенніе часты дожди,
Не пора ли вамъ, туманы, со сиия моря долой?
Не пора ли вамъ, ребята, съ разгуляньица домой?
Прошло лѣто, лѣто дорогое, прошла красна вся весна,
Всѣ празднички на проходѣ, ко мнѣ милой не бывалъ:
Знать-то мой другъ разлюбезный, знать, иную любить сталъ,
Знать иную, размилую Машутку у вдовѣ.
Ты, Машутка, ты шельма Машутка, ты разлучница шельма моя:
Не дала, шельма Машутка, во любвѣ съ милымъ пожить.

—

Какъ родила меня мать недоростка,
Какъ пустила меня мать недоростка,
Какъ жена-то меня, курва, не взлюбила,
Она въ лѣсъ за калиной заманула
Ко сырому-то къ дубу привязала:
Она девять денёчковъ не бывала,
На десятый день приходила.
«Ты здорово ль, недоростокъ, тутъ пируешь?»

—«Государыня жена! не до пиру;
Комарики головушку источили,
Всѣ дубовыя мнѣ корочки пріѣлись
Вся болотная водица припилася».
«Ужь ты будешь ли, недоростокъ, пущать въ гости?»
—«Государыня жена, ступай вовсе».
«Ужь и будешь ли, недоростокъ, провожати?»
—«Государыня жена, хоть до дому».
«Ужь ты будешь ли, недоростокъ, кормить хлѣбомъ?»
—«Государыня жена, калачами».
«Ужь ты будешь ли, недоростокъ, поить квасомъ?»
—«Государыня жена, хоть сытою!»

—

Ахъ ты, вѣрная манерная,
Сударушка моя!
Ахъ люли, да ахъ люли,
Сударушка моя!
Ахъ да ты ль, моя сударушка,
Повысушила...
Безъ морозу, безъ лютàго
Сердце вызнобила.
Присушила русы кудри
Ко буйнòй головѣ.
Ай люли, да ай люли,
Ко буйнòй головѣ
Ты разсыпала печаль
По моимъ яснымъ очамъ;
Ты заставила ходить
По чужой сторонѣ;
Ты заставила любить
Чужу мужнюю жену.
Какъ чужая-то жена —
Лебедушка бѣлая;
А моя, курва, жена —
Полынь-горькая трава.
Полынь горькая трава
Во чистомъ полѣ росла,

Во ржи на межи,
На широкомъ рубежи.
Изъ ржицы во пшеницу
Перепелочка летитъ,
Что летитъ она летитъ,
Перепархиваетъ.
Какъ изъ терема въ теремъ
Красна дѣвица бѣжитъ,
Ай люли, да ай люли,
Красна дѣвица бѣжитъ,
Что бѣжитъ она, бѣжитъ
Все поглядываетъ
Ай люли, да ай люли,
Все поглядываетъ.

—

Чтой-то мнѣ
Матушка спалось,
Много во снѣ видѣлось,
Будто меня конь разносилъ.
Конь разносилъ,
Вороной разомчалъ;
Шапочка свалилась
Съ буйной головы;
Лучёкъ оборвался
Съ правой стороны,
Стрѣлушки посыпались
По сырой землѣ.
«Дѣтушка милая!
Сонъ раскажу,
Тебѣ разслезю
Себѣ догрублю (въ скорбь введу)
Конь разносилъ,
Вороной разомчалъ,
То тебѣ, дитятко,
Въ службѣ быть»;
«Шапочка свалилась
Съ буйной головы:

То тебѣ, дятятко,
Убиту быть;
Лучекъ оборвался
Съ правой стороны:
То твоей жонушкѣ
Вдовушкѣ быть;
Стрѣлушки посыпались
По сырой землѣ:
То твоимъ дѣтушкамъ
Сиротушками быть».

—

Охъ да вянетъ, вянетъ
Въ полѣ бѣдная травка,
Она вянетъ безъ дожжа
Силенъ дожжичекъ памочитъ,
Бѣдная травка отдохнетъ
Охъ да безъ того ли сердце ноетъ,
Оно ноетъ каждый часъ
То заноетъ, али то застонетъ
И вздохнетъ въ послѣдній разъ.
Пойду я съ горя въ чистое поле,
Разгуляюся али во лѣсу.
Охъ да ничего въ лѣсу не вижу,
Кромѣ стадичка овецъ;
Охъ да всѣ овечушки папарно
Бродятъ по лѣсу одни.
Охъ да я горькая несчастная
Одна въ горести живу.
Пойду я въ садикъ,
Разгуляюсь я во саду.
Охъ да ничего въ саду не вижу,
Кромѣ вишенья цвѣтутъ;
Охъ да цвѣтутъ вишенья едрены,
Всѣ слезами облиты,
Охъ да тамъ и листья были милы
Гдѣ я съ милымъ гуляла,
Охъ да гдѣ я съ миленькимъ гуляла,

Много пташечекъ поютъ...
Канарепчка моя любезная
Пріутѣшь хоть ты меня.
Охъ да отворю я тебѣ клѣтку —
Лити къ другу моему,
Охъ да прилетай и сядь на вѣтку,
Пропой пѣсенку мою ему.

—

А въ теремѣ
А въ высокомъ:
Молодецъ дѣвицу
Подговаривалъ:
«Мы пойдемъ, дѣвица,
А въ Казань городъ.
Нашъ Казань городъ
На горѣ стоитъ» —
На всей красотѣ,
По горамъ, горамъ
А все каменныя,
Разноцвѣтныя.
Казанка рѣка
Мёдомъ протекла,
Малыя ручеёчки —
Бѣлымъ сахаромъ;
По лугамъ, лугамъ
А все травушка,
Все муравушка,
Все шелковая.
—«Ахъ бездушной ты!
Добрый молодецъ,
Халаушная
Твоя голова!
Я сама знаю,
Сама вѣдаю
Нашъ Казань городъ
На горѣ стоитъ, на всей пропасти;»,
Казанка рѣка

Кровью протекла,
Малые ручеёчки —
Кровь горючая;
По лугамъ, лугамъ
Ни травушка,
Ни шелковая
Молодецкая».

—

Зародила Ваню мать
На все горя, на печаль,
Чужихъ людей докучать.
Надокучилъ Ваня, надоѣлъ
Ваня родненькимъ своимъ,
Истрепалъ Ваня сапожки
Ко Дуняшѣ ходючи,
Изодралъ Ваня сюртукъ
По заборамъ лазючи
Па заборамъ, па плетнямъ,
По дѣвичимъ по клѣтямъ,
Истеръ Ваня перчатки.
За колушки держучи,
Згноилъ Ваня картузикъ
Подъ капелями стоючи,
Капелюшки капали —
По немъ дѣвки плакали,
Молодушки рыдали.
Старушеньки ругали,
За что Ванюшку поймали,
Больно на̀ крѣпко связали,
Въ новы сани посадили,
Къ заставѣ падвозили,
Въ ново стуло посадили,
Русы кудри подобрили,
Во пучечки вязали
Ко Дуняшѣ отсылали.

—

Пошла Варя на задоръ
Раззаборила заборъ.
Приходилъ Егоръ на дворъ,
Егоръ нюхаетъ табакъ.
Зоветъ Варю во кабакъ
«Ужь ты пей-ко, Варя, чай,
Забывай свою печаль.»
—«Я чаю не хочу
И печали не ищу,
Я печали не ищу
Любить тебя не хочу.»

—

Шла Маша изъ лѣсочку,
Гнала стадо лебедей;
На встрѣчь Машенькѣ, Машуткѣ
Шелъ парнишка молодой.
«Здравствуй Машенька, Машутка.
Я давно тебя не видалъ.
Мы пойдемъ душа, Машенька,
Во питейный домъ гулять,
Во питейномъ во домочкѣ
Чаемъ, кофеемъ напою,
Сладкой водкой угощу,
Я словами улещу.»
—«Ты не льсти меня словами.
Не обманывай въ глаза.
Ты почувствуй другъ, Ванюша,
Я за что тебя люблю:
Черезъ тебя, мой другъ Ваня,
Всѣ я горести терплю
Всѣ я горести терпѣла,
Всѣ досады перенесла.
Я пятнадцать лѣтъ дѣвчонка,
На долинѣ я взросла;
Я отъ солнца, я отъ жара
Лица бѣлость сберегла;
Я отъ вѣтру и отъ бури
Подъ закрытіемъ была,

Отъ худой я славы.
Я не вѣрила подружкамъ,
Что милова дружка жаль;
Я теперьча имъ повѣрю:
Я сама дружка люблю;
Я до тѣхъ поръ любить стану,
Когда скроются глаза,
Какъ закроютъ мои очи
Тонкимъ бѣлымъ полотномъ
Какъ засыплютъ мое тѣло
Желтымъ крупнымъ пескомъ,
Заростай моя могилка
Все травою муравой
И полынькой зеленой;
Ты забудь, забудь милой,
Заводи любовь съ иной.

—

Полоса ль моя полосынька,
Полоса ль моя непаханая,
Полоса ль моя непаханая,
Не пахана, не барнована.
Заросла моя полосынька
Чистымъ ельничкомъ-березничкомъ,
Молодымъ горькимъ осинничкомъ.
Я по ельничку рыжички брала,
По березничку березовы грибки;
Я брала, брала, аукалася:
Откликались пастушки, мои дружки,
Моего батюшки работнички,
Моей матушки помощнички...

—

На улицѣ, на улицѣ,
На улицѣ бѣлъ козелъ
Бѣлъ козелъ, бѣлъ козелъ.
Скочилъ козелъ въ огородъ,
Въ огородъ, въ огородъ!,
Стопталъ козелъ лукъ-чеснокъ,

Одной травки не стоптать,
Одной травки — муравой.
Шла дѣвица за водой
За холодной ключевой;
Брала козла за рога:
Поведу я на базаръ,
Промѣняю на товаръ,
На алыя румяна,
На бѣлыя бѣлила...
«Отчего же ты ала?» —
— «Сударь, печку топила,
Противъ печки стояла,
Жаромъ щечки нажгла!»
«Отчего же ты бѣла
Бѣлешенька бѣла?»
— «Муку, сударь, сѣяла!»

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Полно миленькій крушиться
Жалкимъ сердцемъ обо мнѣ;
Не теряй красы напрасно,
Не томись, пріятель мой.
Время кратко на проходѣ
Всѣ прошли драгіе дни,
Всѣ денечки на проходѣ,
Ручеечки протекли
Протекали ручеечки
Во зеленые лужки,
Изъ лужечковъ ручеечки,
Во темные во лѣса.
Во лѣсу красы не вижу,
Съ деревъ листочки опадутъ
Пріопали съ деревъ листочки,
Съ милымъ нѣжность отошла.
Отойдетъ съ милымъ гулянье,
Не свидаться никогда;
Развѣ въ тѣ поры увижу
У сосѣда ввечеру.

У сосѣда на бесѣдѣ
Замѣчаютъ и глядятъ,
Замѣчаютъ и смѣются,
Любить дружка не велятъ!
Любить стану, не отстану!
До чужой до стороны,
До чужой дальной сторонки,
До злодѣя своего,
До злодѣя-лиходѣя,
До проклятаго житья!
Распроклятое замужье!
Молода замужъ пошла,
Молоденька замужъ вышла
За стараго старика.

Холмогоры. Зап С. В. Максимовъ.

—

Молодой Соломинка
Задумалъ жениться.
Онъ беретъ, онъ беретъ ли
Женку Либазинку
Онъ цалуетъ, онъ милуетъ,
Что̀ голубъ голубку.
Да вотъ пойдетъ мужъ съ поля,
Назадъ поглядитъ;
Да вотъ дома ль моя жонка,
Дома ль Либазинка?
Эй, эй гобъ, гобъ, гобъ,
Гордей, Гордей, цобъ цобъ!
Дома ль Либазинка?

Сабурово. Малоарх. У. Сент. 1858.

—

Ахъ веселый день воскресенье!
Ой и ляли, ляли воскресенье!
Что сегодня меня батюшка просваталъ
За того ли за недоростка,.
Недоростокъ по Волгѣ гуляетъ,
Со полуночи домой пріѣзжая,

Поперегъ кроватушки ложится,
Что нельзя-то къ нему приступиться.
Разстегиваться не дается
Распоясываться не велится.
Ахъ ты курвинъ сынъ, недоростокъ!
Не тебѣ надо мной надругаться,
Не тебѣ надо мной насмѣхаться.
Насмѣхаться было офицеру,
Надругаться было молодому,

Дрозково, Малоарх. У. Записал. М. А. Стаховичъ.

—

Вы комарики, сударики, мои
Вы не дали всю почку проспать.
Часъ заснула — дружка видѣла во снѣ
Будто, будто ко мнѣ миленькій пришолъ.
Не слыхала, какъ во спаленку взошелъ
Чистой браной положечекъ размахнулъ
Онъ садился на тесовую кровать
Онъ звалъ меня во чисто поле́ гулять,
Ревнивый мужъ не пускаетъ никуда,
Хотя пуститъ, самъ во слѣдь за мной пойдетъ.
Пойду, пойду я на мужа попрошу,
Велю, велю во полицу залучить,
Велю, велю хорошенько проучить,
Велю, велю ручки ножки перломать:
Мнѣ тогда будетъ своя воля гулять.
Не моя воля, воля батюшкина
А нѣга все матушкина.
Я по бережку похаживала
Гусей-лебедей загапива ла
Тега, тега, гуси-лебеди домой,
Вы ужо ли, вы наплавалися,
А я, глядя, наплакалася.
Приду домой догадаются
Съ чего лицо разгоратся:
Или съ винца, или съ полпивца,
Или съ сладкой водочки.

Сабурово. Малоарх. Сент. 1858.

—

Я разсѣю лебеду по переду,
Сама пойду съ офицеромъ по воду.
Нѣту ли, нѣту не драгина, ни коня!
Загорѣлся зеленъ садикъ безъ огня!
Я одна-то дочь у батюшка была,
Одинёшенька у матушки росла,
Выходила я на улицу гулять,
Выходила я на ши́року гулять,
Съ конопёлушковъ воробушка имать
Я ничала съ воробушки —
Все бурлацкія головушки!
Внизъ по улицѣ дѣвица идетъ,
Внизъ по ши́рокой красавица идетъ,
Она любиму свою пѣсню поетъ,
Поетъ, поетъ насвистываетъ:
«Подай, мати, жениха, жениха!
«Со царева со питéва кабака...
«Подай, матушка, грамотничка —
«Подорожнаго писаря!
«Ты коровушку продай-таки, продай!
«Жениха мнѣ-ка подай-таки подай!

Мезенской У. д. Березникъ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Ходитъ нашъ хозяинъ по ярморочкѣ
Своимъ гуртоправамъ указывая:
Ужь вы, братцы, гуртоправы,
Выгоняйте вы гурты,
Выгоняйте скотину во широкія поля!
Какъ выходитъ нашъ хозяинъ на высокій на курганъ,
Онъ скотинушку любуя, самъ съ собою говоритъ:
«Ахъ ты скотъ-моя скотина, безсловесная скота,
Что и нѣтъ намъ, братцы, доли-то скотинушку водить,
Только есть намъ, братцы, доля
Да по Сашамъ ходить,
Злато серебро носить.»

С. Пальна. Записалъ М. А. Стаховичъ.

—

По морю карабличекъ бѣжалъ-таки, бѣжалъ,
Ай люли, ай люли, онъ бѣжалъ.
Во кораблюшкѣ Василій гулялъ, таки-гулялъ
Ай люли и проч.
Поиграйте гусли мысли вы теперича при мнѣ,
Вы теперича при мнѣ, при Васильѣ молодомъ.
Васильева мать Ирина таки рѣчи говоритъ:
«Полно, Вася, ты гулять — ко вдовушкѣ не бывай:
У вдовушки дочь хорошая — люби таки люби!»
— «Родимая мать, тебѣ меня не унять,
Тебѣ меня не унять за быстру рѣчку гулять,
За быстру рѣчку гулять, ко вдовушкѣ побывать:
У вдовушки дочь хорошую любить, таки любить
Брови соболины, очи соколины,
Ей походочка павлина, тиха рѣчь лебедина.
Она баетъ-разсыпаетъ; сверхъ погодой посыпаетъ
Хоть погодой посыпаетъ, Ванѣ мать не потакаетъ.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Не пора ли домой ко двору?
Али дома нѣтъ никого?
Одинъ у меня постылый мужъ,
Онъ одинъ поперегъ коровати лежитъ,
Поперечныя рѣчи говоритъ:
Не велитъ мнѣ на улицу ходить.
Я на улицу не хажывала,
Я съ ребятишками не игрывала,
Съ молодыми я не шутливала.
Два я, дѣвушка, ребенка родила,
Отцу матери безчестье принесла,
Роду племени покоръ головы
А мнѣ младой вѣкъ позоръ нажила.
Я поѣду ли во торгъ торговать.
Да и гдѣ въ торгу полюбится,
Полюбилась въ торгу люлечка
Моему дитю кочулечка.
Я за люлечку три грошика,

За крючечики три копеечки,
За подцѣпочки три денежки.
Ужь повѣшу ль я люлечку
Середъ улицы на углушку,
Сама сяду я на лавочку,
А ноженьки на подцѣночку.
Баю, баю мое дитятко,
Баю мое первоученко,
А мнѣ младой надокученко.
Умри, умри, мое дитятко,
Умри, умри, мое милое,
Опростай мою голову,
Ты пусти гулять молоду.

Пальма. Зап. М. А. Стаховичъ.

—

Какъ по мосту, мосточку калиновому,
По калиновому мосточку, по малиновому
Туда шелъ-прошелъ дѣтинка уборненькій,
Уборненькій дѣтинка снарядливый:
Голубой на немъ кафтанъ — полы машутся,
Грязетовой камзолъ раздувается,
Екипажецка рубашка, аляетъ воротокъ,
Околъ шеечки платокъ, словно розовой цвѣтокъ,
Во карманѣ второй — персидской дорогой.
Во правой рукѣ тросточка камышевая,
Околѣ тросточки ленточка букетовая.
Молодецъ тростью подпирается,
Алорозовой лентой похваляется:
«Эта лента, эта лента, эта ленточка ала
Ала, ала, ала, мнѣ сударушка дала,
Сударыня, боярыня пожаловала.
Изъ-за этой изъ-за ленты изсушила молодца,
Присушила желты кудри ко буйной головѣ,
Заставила ходить по чужой сторонѣ
Приневолила любить чужу мужнюю жену.
Чужая жена — лебедь бѣлая моя,
А своя курва-жена — въ полѣ горькая трава,

Въ полѣ горькая трава, на межи въ полѣ росла
Косой выкошена, изъ зародъ вынесена
Ужь я травку бы рвалъ, подъ себя бы склалъ.
А что мягко стлать, когда не съ кѣмъ спать,
А что хорошо ходить, когда не кого любить,
А что бѣло умываться, когда не съ кѣмъ разгуляться?
Я со той тоски на голой доскѣ,
На голой бѣдной дощенкѣ на палатишкахъ,
Кладу въ голову кручину, подъ бока кладу печаль.»

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Ахъ ты Люба, ты Люба моя,
Люба бѣлая хорошая моя!
Посмотри-ко да ты Люба на меня,
Какова жь я зимою была:
Я зимою бѣла, румяна
Словно кралечка написаная,
Во бѣломъ лицѣ кровь-то горитъ.
Я по бережку похаживала,
Чернобыль-траву заламливала,
Гусей-лебедей заганивала.
Тега, тега, гуси-лебеди мои,
Да ужо ли жь вы наплавалися,
Какъ и я млада наплакалася,
Я, наплакамшись, домой пошла,
Да на встрѣчу удалой молодецъ.
Ты удалый добрый молодецъ,
Разудалая головушка!
Не хватай меня за бѣлое лицо:
Мое личико разгарчивато,
Разгорится, не уймется,
Приду домой — догадаются,
Съ чего лицо разгорается:
Либо съ пива, либо съ зелена вина,
Съ сладкой водочки анисовой,
Съ короватушки тесовенькой.

Орловской губ. Малоархангельск. У.

—

Я по бережку похаживала,
Чернобыль-траву заламливала,
Гусей-лебедей заганивала,
Тега, тега, гуси сѣрые домой,
Не пора ли вамъ наплаватися?
Я, на васъ глядя, наплакалася,
Я наплакалась, домой пошла,
Мнѣ на встрѣчу шелъ молодчикъ молодой,
Ужь онъ сталъ со мной заигрывати,
За бѣло̀ лицо похватывати.
Не хватай меня за бѣлое лицо:
Мое личико разгарчивое,
Моя матушка догадливая.
Приду домой — догадается,
Съ чего лицо разгорается:
Или съ пива, или съ зе́лена вина (*),
Или съ крѣпкой, сладкой водочки.

—

Алы розы, розы, розы расцвѣли.
Проѣзжали двѣ дѣвицы въ маскарадъ,
Что на тѣхъ ли на новыхъ, на лаковыхъ саняхъ,
На военныхъ, на прекрасныхъ лошадяхъ.
Здравствуй милая, хорошая моя,
Чернобровая похожа на меня!
Будто кралечка написаная,
Бѣломъ ли́цомъ кровь горитъ.
Разгорится — не уймется.
Со милымъ любовь минуется,
Со милымъ любовь минуется,
Приду домой догада́ются.

Архангельск. Зап. С. В. Максимовъ.

—

По сумской по нивѣ
Гуляетъ милой на конѣ.
Сидитъ Машенька въ окнѣ.
Маша правой ручкой машетъ;

(*) Или съ ви́нца, или съ полпивца.

Приворачивай, милой,
На широкой дворъ;
Становн своего добра коня;
Середи широкова двора,
Привязывай коня
Ко точеному столбу,
Ко точеному столбу,
Къ золоченому кольцу.
Пожалуй-ко, надежда,
Во высокой теремокъ.
Ты садись, моя надежда,
На тесовую кровать,
На тесовую кровать —
Въ уста буду цаловать
Въ уста буду цаловать,
Стану спрашивати:
Чѣмъ я, чѣмъ я,
Милой, огорчила,
Ты скажи, любезной мой?
Или тѣмъ, что крѣпко полюбила,
Потеряла свой спокой?
Я спокою, право, не здорова
Не желала бы для васъ.
Слышу, вижу; тяжело вздыхаешь,
Есть иная у тебя,
Есть иная, милая, любезная,
Красна дѣвица-душа,
Есть разумница моя!
Горе, горе у дѣвушки сердце,
Разгорайся въ лицѣ кровь!
Гасни, гасни любовь наша страстна,
Наливайся бѣла грудь!
Смѣйся, смѣйся, любезный, надо мною,
Когда буду слезы лить,
Тогда васъ буду любить.
Я любила любезнаго смертельно
По желанью своему,
Что не столько милой меня любитъ,
Сколько я его люблю:
Много горестей терплю,

Вдвое *слезъ* по немъ роню.
Ужь вы кудри, мои кудри,
Свѣтлорусыя мои!
Не попрежнему мои кудерушки
По плечикамъ лежатъ,
Сами развиться хотятъ.
Завивала эти кудри
Красна дѣвица душа;
Развивала свѣтлорусы
Чужа дальняя сторона.

Бѣлое Море. Запис. С. В. Максимовъ

—

Что жь ты, Ванюшка, не веселъ,
Буйну голову повѣсилъ,
Чорной шляпой накрылся,
Горючой слезой залился,
Шелковымъ платкомъ утёрся.
Шелкавый платокъ съ орлами
Носилъ Ванюшка въ карманѣ,
Торилъ Ванюшка дорожку,
Черезъ рѣченьку на горку,
Ко большой избѣ, къ окошку,
Ко татьянину дворочку.
Таня, Татьяна, открой окошко,
Хоть маленичко немножко:
Я въ гости пришолъ,
Дорогой подарокъ принесъ —
Кумачу да китайки.

—

Я малешенька дѣвушка была,
Не спознала молодецкаго дѣвка ума,
Каковъ умъ-разумъ, обычай у мила дружка.
Выходила я за широки новы ворота,
Я стояла со любезнымъ дружкомъ одинъ часъ,
Я ронила горючи слезы изъ глазъ
Во свой тоненькій, кисейный, во бѣлой во платокъ.
У милова слезы катятся ручьемъ изъ глазъ.

Говорилъ милой такія рѣчи-словеса:
«Что ты, лапушка, худа стала, очень блѣдна,
Изъ ясныхъ очей не очень стала весела?
Или тужишь, или плачешь, радость, обо мнѣ?»
—«Все я, все я по тебѣ, миленькой, тужу,
Чуть, насилу по бѣлу свѣту хожу-брожу,
Съ принужденьицемъ на бѣлый свѣтъ, млада, гляжу.
Приди, миленькій, на ночку ко мнѣ ночевать:
У меня ли въ домѣ теперь нѣту никого;
Одинъ маленькой мальчишечко спитъ со мной,
Вотъ онъ крѣпко спитъ, не пробудится во всю темну ночь,
Хошь пробудется — не знаетъ парень ничего.
Хоша знаетъ — онъ не скажетъ, парень, никому;
Хоша скажетъ — не повѣрятъ парню малому,
Хошь повѣрятъ — не повѣсятъ меня за него.

Кола. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Ваня Катеньку любилъ,
Ей подарокъ подарилъ,
Подарочекъ дорогой —
Перстенёчекъ золотой.
Перстенекъ буду носить —
Станетъ маменька бранить:
Запродать, промѣнять —
Будетъ Ванюшка пѣнять.
Пойду-выйду на Двину
Я на саму глубину,
Сама выйду на гору,
Посмотрю я на Двину:
На водѣ перстень не тонетъ —
У катюши сердце ноетъ,
Сердце ноетъ и болитъ,
Ванюшку любить велитъ.
Перстенекъ пошелъ ко дну —
Знать, любилъ Ванька одну.

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Можно ль, можно душѣ красной дѣвкѣ
Можно ль, въ рощѣ, въ рощѣ разгуляться.
Разгуляю свою грусть-тоску,
Пойду я съ горя на синее море.
Сяду я, сяду на крутъ бережокъ.
Что не одна я, дѣвушка, сидѣла, вижу,
Я вижу тѣнь на водѣ.
Тѣнь сухая, тѣнь моя пустая, тѣнь
Холодная въ рѣчкѣ вода.
Спрошу я у быстрой у рѣчки:
Не бывалъ ли мой милой здѣсь?
Быстрая рѣчка ему отвѣчала при мнѣ:
Нѣтъ здѣсь, нѣтъ здѣсь никого.
Вечоръ поздно, поздно изъ лѣсочку
Милъ на тройкѣ ко мнѣ выѣзжалъ.

—

Шелъ мой миленькій лужечкомъ, бережкомъ.
Машетъ миленькій платочкомъ, правою рукой.
Воротися, миленькій, назадъ: я забыла что сказать.
Я забыть дружка не забыла, проходило лѣтечко, весна,
Наступило время грозно — холодная зима.
Зима рѣченьки заморозила, ручеечки не бѣгутъ.
Въ полюшки травушка завяла и цвѣточки не цвѣтутъ.
Что на этихъ на цвѣточкахъ мелки пташечки не поютъ.
Какъ-то одна пташечка жалобнехонько поетъ,
Пташка жалобно, грусть надзолушку сердцу даетъ.

—

Размолоденькій дѣтинушка,
Мальчикъ молодой!
Ты не стой-ко, не дожидай,
Любезный, у воротъ,
Не давай-ко тоски-кручинушки
Сердцу моему!
Мнѣ не то ль было тошнёшенько,
Дѣвицѣ одной;
Растошнехонько, тяжелешенько,
Любезный мой!

Живучись-то мнѣ
На чужой дальней сторонѣ
Намъ приходитъ весна красная,
Съ милымъ весновать;
Наступаетъ лѣтико теплое
Съ миленькимъ въ саду гулять.
Значитъ, дѣвушкѣ
Не гуливать съ дружкомъ въ саду;
Мнѣ не сиживать возлѣ рѣчки
Въ садикѣ съ дружкомъ;
Мнѣ не считывать
Мелкихъ пташечекъ на лету,
Мелки пташечки
Соловеюшки въ саду одни;
Съ куста на кустъ пташки перелетывали
Съ саду на садъ
Пташки перелетывали;
Вѣсти, письма къ дѣвушкѣ перенашивали.
Одной дѣвушкѣ
Нерадостно пришло письмо.
Я со тѣмъ ли письмомъ
Заплакала, прочь пошла.
Распечатала письмо,
И въ постелечку легла,
Всю перинушку боками дѣвушка облегла;
Все зголовьице слезами, красна, облила,
Своего ль дружка
Забыть не могла!
Такого дружка мнѣ во вѣки не забыть.
Мнѣ не возрастомъ, ни ростомъ дѣва красотой
И молодецкой его поступи,
Модной, щегольской.

Бѣлое Море. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Люди добрые скажите, какъ мнѣ горе горевать,
Вы скажите, научите, какъ мнѣ милова забыть.
Влюблена въ дружка смертельно, знаю, что любитъ меня.
Мы предъ Богомъ обѣщались, чтобъ другъ друга любить.

Вѣрной клятвой мы поклялись, чтобъ бракъ свой совершить.
Встрастная сила не захотѣла нашего счастья обвѣнчать.
Предъ послѣдней кончиной сынъ у матери ручку бралъ,
Сынъ у матери ручку бравши, ливши слезы и сказалъ:
Позволь, маменька родная, позволь взять ее за себѣ.
Вотъ позволила родная-отъ онъ близокъ къ смерти былъ,
Вспомнивши ея имя, онъ навѣкъ глаза закрылъ.

Сабурово. Малоарх. Сент. 1858 г.

—

Соловеюшко премилый,
Ты вездѣ можешь летать.
Полетай въ страны веселы,
Въ славный городъ лети Ярославль.
Тамъ взыщи-ко дружка милова,
Сядь поближе ты, голубь, къ дружку;
Ты скажи-ко дружку милому
Отъ меня ты скажи низкій поклонъ.
Вовторыхъ, скажи любезному,
Про несчастьице, скажи, про мое,
Что великое мое несчастье:
Сашу замужъ отдаютъ.
Отдаютъ ли то Сашеньку замужъ
Не за милаго за дружка,
А за стараго Сашу старика.
У стараго-то было и сѣдаго
Трое дѣтокъ было у него:
Впервыхъ Саша, вторыхъ Маша,
Втретьихъ сынъ былъ Ванюшенька.
Не въ гостяхъ ли я, Сашенька, гостила,
Во бесѣдушкѣ Саша сидѣла,
Во бесѣдушкѣ со дружочкомъ;
На любезнаго дружка смотрѣла
Скажетъ мой-то милой хорошій,
Онъ до дѣвушекъ ласковъ былъ.
Свою прежную подружку
На колѣни онъ Сашу посадилъ,
Праву рученьку весьма крѣпко жалъ

Праву ручку со колечкомъ
Крѣпко къ сердцу прижималъ.
Проявился у Саши въ лицѣ жаръ;
Вышла въ сѣни Саша простудится,
Чтобы жаръ съ лица согнать.
Не успѣла я выйти въ сѣни,
Частый дождичекъ пошелъ,
Милой съ рыночка пришелъ,
Милъ подарочекъ принесъ,
Подарочекъ дорогой,
Перстенечекъ золотой.
Не хочу я перстень носить,
Хочу на воду перстень бросить
Во матушку во Двину
Я во саму глубину.

Въ Кеми. Архан. Губ.

—

У Макарья на лужку
Стоитъ бражка въ туезку:
Брага пьяна и хмѣльна,
. . . . . .
Ты приздынь да прогреби,
На гору не ходи;
На горѣ дѣвки живутъ,
Шельмы, обманчивыя
Онѣ брагой не поятъ,
Въ глаза, курвы, глядятъ.
Во горницѣ во новой,
Во свѣтлицѣ свѣтловой,
На кровати тесовой,
На перинѣ пуховой
Лежитъ коваль молодой.
Красна дѣвица по свѣтлицѣ
Похаживаетъ,
Молодаго коваля
Сама побуживаетъ.
«Ужь ты встань, душа коваль,
Пробудись молодой!
Ужь ты скуй, душа коваль,

Гвоздочки подъ башмачки,
Да трои золоты ключи!»
Ото сну душа коваль
Пробуждается...

Усть-Цыльма. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Я не вѣрила подружкамъ о чемъ тужить, плакать,
А теперича повѣрю всякому злодѣю,
Я злодѣю-лиходѣю, да кто кого любитъ.
Любилъ парень дивчоночку до поры до время
До такова поры время, до теплаго лѣта.
Тепло лѣто на проходѣ — съ милымъ разставанье.
Разставался мой любезной съ крутыми горами.
А ты моя любезная съ черными бровями
Эти брови, эти черны изсушили парня.
Изсушилъ парень дѣвчонку, что въ полѣ былинка
Что въ полѣ-та былинка въ саду полынинка.

Сабурово. Малоарх. Сент. 1888.

—

Сторона ль моя сторонка, несчастная сторона
На несчастной на сторонкѣ ковыль-трава не ростетъ,
Ни травушка, ни ковыль, ни цвѣточки не цвѣтутъ.
На цвѣточкахъ мелки пташки не поютъ.
Я милому говорила, любезному своему,
Если тебѣ не по нраву, сошли въ свою сторону,
Возьми въ руки пистолетикъ, прострѣли жь ты грудь мою:
Я тобой буду довольна, прекратишь ты жизнь мою.
Ты и сдѣлай, милый, гробикъ изъ чистаго хрусталю
Положи же, милый, надпись золатыя литера
Золотыя литера, что любила тебѣ я.

Сабурово. Малоарх. У. Сент. 1858 г.

—

Несчастливая дѣвка я на свѣтѣ рождена,
По несчастью своему всѣ любови призошла,
Полюбила душа я такова молодца,
Я такова удалова я Ванюшу браваго.

$^{9}/_{2}15$

И Ванюша возвàлъ, чужу сторону спозналъ
На чужой ли сторонѣ онъ иную полюбилъ,
А меня ли, красную дѣвку, на вѣкъ вѣчный погубилъ.
Вотъ заставилъ, варваръ, вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть.
Вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть худу славушку терпѣть.
Худа славушка пройдетъ — никто замужъ не возьметъ:
Да ни баринъ, ни купецъ, ни кристьянской мужичокъ.

Сабурово. Малоарх. У. Сент. 1858.

—

Не бѣла заря въ окошечко взошла,
Ко мнѣ милая сама въ гости пришла,
Въ окошечко бѣлу руку подала,
А другою привѣчала молодца;
Чернобровый, черноглазый милый мой,
Намъ не долго во любви съ тобой пожить,
Намъ не долго во садикѣ погулять;
Слышу-вижу милъ несчастіе твое,
Слышу-вижу, что женить дружка хотятъ,
Тебя женютъ, меня замужъ отдадутъ.
Если женишься — заѣзжай въ гости ко мнѣ:
На прощаньице я платочекъ подарю.

Записана А. А. Григорьевымъ.

—

Скоро бѣлой снѣжокъ палъ,
Молодецъ съ коня упалъ,
Онъ упалъ, упалъ — лежитъ,
Никто къ нему не бѣжитъ.
Его прежняя милая
Скорехонько подбѣжала,
За бѣлы руки держала,
Посадила на коня,
Черную шляпу подала
Низкой поклонъ отдала.
Ты поѣдешь, другъ, жениться,
Заверни ко мнѣ проститься;
Ты поѣдешь, другъ, гулять —

Заверни ко мнѣ во садъ:
Въ саду яблочки висятъ.

Елецк. У. Зап. М. А. Стаховичъ.

—

Какъ во братовской конторѣ
За убраными столами
Сидѣлъ молодецъ въ уборѣ.
Пришла дѣвица въ нарядѣ,
При кисейной бѣлой юбкѣ,
При голубомъ полушубкѣ;
Бѣла юбочка съ борами,
Полушубочекъ съ хазами (*),
Околъ шеи шаль атласна,
На головушкѣ повязка,
Въ ушахъ серьги золотыя,
Золотыя, зерновыя.
Она кстилася-крестилась
На всѣ стороны челомъ,
Ему писарю поклонъ,
Ужь онъ писарь не стерпѣлъ,
За дѣвицей посмотрѣлъ:
Бросилъ книги и бумаги,
Всѣ казенныя дѣла.
Встала дѣвушка мила,
Красавица дорога,
Праву рученьку дала,
За меня замужъ пошла.
Припѣвъ: «Ай люли»

Бѣлое Море. Зап. зап. С. В. Максимовъ.

—

Течетъ рѣчка по песку
Во матушку во Москву,
Во матушку во Москву
Ко фабричному двору.

(*) Хазы — золотой позументъ.

Во зеленый садъ пошла.
Во зеленомъ во садочку
Распущаются древа,
На лужкахъ цвѣты цвѣтутъ
Кривъ далины ключи бьютъ,
Мелки пташечки поютъ;
Мелки пташечки запѣли,
Сидя въ рощѣ подъ кустомъ,
Подъ лавровымъ подъ листомъ.
Молодецъ въ гусли игралъ
Своей бѣлой рукой;
Къ нему дѣвка подходила
Начала его стыдить:
Если любишь такъ люби,
А не любишь — откажи.
Я любить же не люблю,
Отказатся не могу,
Отказатся не могу,
Я гулять съ тобой пойду.

Сабурово. Малоарх. У, Сент. 1858.

—

Ѣхалъ поваръ на чумичкѣ,
Двѣ кострюли впереди!
Ай люли!
Наша печка со похмѣлья,
Угорѣло помело,
Всѣ ухваты станцовали,
Кочерга плясать пошла!
На Онѣвскомъ на пришпехтѣ
Со косушкой разсуждалъ:
Здравствуй, милая косушка,
Развеселый полуштофъ,
У Дружинихи калачъ
У Мартынихи табакъ.
Калача покушаю,
Табаку понюхаю.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Боленъ, боленъ мой любезнай,
Очень крѣпко нездоровъ.
Говорятъ, что простудился
На гуляньи вечѳръ былъ,
На гуляньи во бесѣдѣ
Парень дѣвушку обнялъ.
Дѣвчоночкѣ стыдно стало,
Стала плакать и рыдать.
Мальчоночки жалко стало,
Онъ сталъ дѣвку унимать:
«Ни плачь, дѣвка, ни плачь красна,
Я самъ холостъ, не женатъ:
Когда вздумаю жениться
Я посватаю тебѣ.»
«Ты бѣденъ, я богата
Не быть дѣвкѣ за тобой».
«Ты богата, а я бѣдный,
Я красавецъ передъ тобой».

Сабурово. Сент. 1858.

—

Ай матушка-кручина, государыня-печаль!
Не кручина изсушила — печаль высушила;
Изсушилъ-крушилъ дѣтинушка, молодчикъ молодой.
Онъ во тоненькой рубашкѣ понравился дѣвкѣ Машкѣ.
Его матушка Арина ему рѣчи говорила:
«Полно, Ваня, перестань, прочь отъ дѣвушки отстань».
«Сударыня моя мать, тебѣ меня не унять,
Тебѣ меня не унять за охотою гулять,
За охотой, за такой, за дѣвичьей красотой.
Ужь хоть бытъ-то я бывалъ, да довольно погулялъ,
Хоть и спинушка избита, да сударушка нажита;
Хоть спинушка износила, да сударушка мила».
Полили-то съ горъ потоки, стала мать потакатъ,
Стала мать потакать, стала сына посылать:
«Поди, Ваня, погуляй, у дѣвушки побывай».
У дѣвушки, у такой былъ хорошій упокой,
Упокой мой упокой, не разстался бъ я съ тобой.

Записана А. А. Григорьевымъ.

—

Какъ вечоръ, вечоръ Ванюшу
Родной батюшка бранилъ,
Родна матушка журила!
Ужь ты гдѣ, ты гдѣ Ванюша
Вечоръ долго пропадалъ?
— Пропадать не пропадалъ,
Я на улицѣ гулялъ,
Хороводы заводилъ;
Въ хороводахъ я плясалъ;
Красныхъ дѣвокъ цаловалъ:
Хорошую дважды,
Пригожую трижды.
Я худую худерьбу
Кругомъ семь разъ обойду,
Поцалую одинъ разъ,
И то ради славы
Чтобы люди знали.
Она вышла на улицу
Разсовинилась,
Расчуфырилась:
Какъ вечоръ-то меня дѣвушку
Дѣтина цаловалъ,
Крѣпко къ сердцу прижималъ,
Разлапушкой называлъ.

—

Вспомни, вспомни моя любезна́я нашу прежнюю любовь:
Какъ мы съ тобой, моя любезна́я, погуливали,
Осеннія, долгія ночи прохаживали,
Любовныя, тайныя рѣчи говаривали:
Тебѣ мой другъ, мой другъ не жениться, мнѣ замужъ нейти.
Передумала красная дѣвица въ одну темную ночь;
Женись, женись, мой любезный, я сама замужъ пойду.
Въ чистомъ полѣ, полѣ при дорогѣ стоялъ новъ высокъ теремъ,
Какъ въ томъ ли въ новомъ теремочкѣ красныя дѣвицы поютъ,
Знать-то, знать-то мою любезную замужъ отдаютъ!

—

За недѣлюшку мое сердце чуяло,
По зараннему же мое сердце испужалося.
Разыгралися дѣвки у чужихъ воротъ,
У чужихъ воротъ онѣ, у сосѣдовыхъ.
Одна ль дѣвушка, она глупо сдѣлала,
Что любить-то она любить Васю бросила!
Что за то его, за то любить бросила
Часто пьянаго она его видѣла.

—

При долинушкѣ калинушка стоитъ,
На калинѣ соловей-птица сидитъ,
Горьку ягоду калинушку клюетъ,
Онъ калиною закусываетъ.
Прилетали къ соловью три сокола,
Звали-брали соловеюшку съ собой,
Посадили его въ клѣточку
За серебряну рѣшеточку,
Заставляли соловьюшку пѣсни пѣть.
Ужь ты пой ли, распѣвай мой соловей,
При кручинѣ спотѣшай-ко молодца,
А при радости возвесели.
Соловей во всю ноченьку не спалъ;
Добрый молодецъ въ цынбалы проигралъ,
Душу красную дѣвицу спотѣшалъ;
А дѣвица выхваляла молодца:
Ужь какъ нѣту такого молодца
Ни въ Казани, ни въ Астрахани,
Ни въ Питерѣ, ни въ Новѣгородѣ;
Проявился такой молодецъ
У Макарья на ярмонкѣ —
У Николы на желтыхъ пескахъ.

—

Какъ бы чарочку горѣлки —
Я бы пьяна напилася,
Любо, любо, любо, любо
Любо, любо, любо, любо!

Я бы пьяна напилася,
Вдоль по улицѣ прошлася
Любо...
Вдоль по улицѣ прошлася
Трое бъ чоботовъ стоптала
Любо...
Чобъ, чобъ, чобъ, чоботочки,
Здравствуй, милые дружечки,
Любо...
У насъ въ домѣ нездорово
Любо, любо нездорово
Любо...
Свекоръ съ печки свалился,
Подъ корыто завалился
Любо...
Кабы да я была
Я бъ повыше подложила
Любо...
Я бъ повыше подложила —
Свекру бъ голову сломила.

РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

П. И. ЯКУШКИНА.

IV.

ОБРЯДОВЫЯ ПѢСНИ.

а) *Свадебныя.*

На горочкѣ деревцо,
На горѣ кудреватое
Высоко, тонко выросло,
Кунàми обдцвѣло.
Что подъ тѣмъ было деревцомъ,
Подъ тѣмъ подъ кудрявымъ,
Тулилась, хоронилась
Душа красна дѣвица
Анисья Ивановна.
Сама она похваляется
Похвалой своей великою,
Красотой своей дѣвичьею.
Изъ-за этого деревца,
Изъ-за этого кудряваго,
Некому меня выкупить
Что не стомъ, да не другіемъ,
Да не цѣлдю счетной тысячей,
Что заслышалъ ту похвалу
Удалой доброй молодецъ

Сергѣй Васильевичъ:
«Не хвались, красна дѣвица,
«Анисья Ивановна!
«Я одинъ тебя выкуплю,
«Я безъ ста, да безъ дрýгаго,
«Безъ цѣлой счетной тысячи:
«Съ единымъ я со *тысячкимъ*,
«Я со крестнымъ со батюшкой,
«Съ единою со сватьюшкой
«Я со крестной со матушкой.

Архангельск. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

На высокомъ на курганѣ
Да Марьюшка траву жала
Васильевна шелковую
(О)на тѣмъ серпомъ серебри́нымъ
(О)на той ручкой позлаченой.
Мимо ѣхалъ Иванъ, сударь,
Мимо ѣхалъ Ивановичъ.
«Богъ тѣ помочь траву жа̀ти,
Богъ тѣ помочь шелковую.»
— Отъѣзжай прочь, Иванъ сударь,
Отъѣзжай-кось Ивановичъ;
Не велѣла мнѣ мати
Съ холостыми стояти,
Съ женатыми говорити».
И шли дѣвки долино̀ю
Несли фонарь подъ полою;
Въ фонаречкѣ уголёчекъ
Уголёчекъ разгорался
Мой батюшко стосковался
По душѣ красной дѣвицѣ
Да по Марьюшкѣ сестрицѣ.

Сабурово. Малоарх. Уѣзд.

Какъ ударили два мороза, третій снѣгъ
Ай лой, лой, люли!
Третій снѣгъ
Четвертая холодная зимушка
Признобили сходатова свата на конѣ,
Приморозили бѣлыя рученьки ко водамъ,
Приморозили быстрыя ноженьки къ *струменамъ*.
Выходила свѣтъ Марьюшка изъ терема долой.
Выходила Васильевна съ высока долой,
Выносила кунью шубу на плечахъ.
«Ну и вотъ тебѣ, сходатай сватъ, одежа
Ну и вотъ тебѣ широкая дорога».

Сабурово. Малоарх. Уѣзд.

—

Растопись банюшка,
Разгорись сыра каменка,
Ты разсыпься крупе́нъ жемчугъ
Не по атласу, не по бархату,
По браной по скатерти,
По серебряному блюдечку!
Расплачься красная дѣвица
Передъ своимъ отцомъ, матерью:
«Государь мой батюшка,
На что хочешь пиво варить?
Иль ты хочешь сына женить,
Молоду сноху въ домъ принять?»
— «Ты дитя ль мое, дитятко,
Хочу тебя замужъ отдавать
Не за князя, не за барина
За своего, за крестьянина.»

—

Ты заря ль моя зорюшка
Зорюшка вечерняя,
Ай люли́, лю́ли лёли,
Зорюшка вечерняя!

Солнушко восхожее
Высоко восходило,
Далеко освѣтило —
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море.
Какъ на синемъ на морѣ
Тутъ лежала жордочка
Тонкàя, кленовàя,
Гибкàя сосновàя.
Тутъ никто не хаживалъ
Никого не важивалъ.
Переходилъ добрый молодецъ
Переводилъ — красну дѣвицу.
Переводилъ онъ ее
И цалуетъ и милуетъ:
Ты ходи — не обманывай,
Ты люби — не сравнивай. (*)
Другъ ты мой, красна дѣвица,
Ты роди-ка мнѣ сына
Бѣлаго сыра,
Ты роди-ка мнѣ
Бѣлую лебедушку.

—

Полечкомъ, полечкомъ
Уторена дорожка конечкомъ,
Уѣзжена широка поступчивымъ.
Кто эту дорожку уторилъ,
Кто эту широку уѣздилъ?
Уторилъ дорожку Иванъ господинъ,
Уѣздилъ широку Васильевичъ,
А все ходючи ко Лукерьѣ своей,
А все ходючи ко Ивановнѣ,
А все носючи гостинцы.
Первой гостинецъ да изюмецъ,
Другой гостинецъ — пряничекъ,

(*) Или «не разгадывай» или «не разглядывай».

Третій гостинецъ — бѣлъ сахаръ,
Четвертый подарокъ — самъ на дворъ!
Не шелковая ленточка
Къ стѣнкѣ льнетъ:
Иванъ передъ батюшкой
Челомъ бьетъ.
Не тесанъ теремъ, да не скобленъ,
Только хорошо да раскрашенъ,
Всякими красными да разноцвѣтными!
Неученъ Иванъ да не школенъ,
Только хорошо да снаряженъ!
Благослови, сударь батюшко, жениться
На душѣ на красной дѣвицѣ,
На младой Лукерьѣ Ивановнѣ!

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Ай сборы, сборы Лукерьюшкины,
Ай сборы, сборы Ивановны,
Собирала Лукерьюшка всѣхъ подругъ,
Собирала Ивановна всѣхъ своихъ,
Садила подруженекъ за свой столъ,
Сама садилась выше всѣхъ,
Клонила буйную голову ниже всѣхъ,
Думала крѣпкую думушку крѣпче всѣхъ:
Подружки, голубушки мои,
Придумайте мнѣ да пригадайте:
Какъ будетъ назвать люта свекра,
Какъ будетъ назвать свекровушку,
Какъ будетъ назвать деверьюшковъ,
Какъ будетъ назвать золовушекъ?
Мнѣ свекромъ назвать такъ безчестно
Батюшкой назвать не хочется.
Убавлю я спѣси-гордости,
Прибавлю смиренства-кротости:
Назову люта свекра батюшкомъ
Назову свекровушку матушкой,

Назову деверьецовъ братьецами,
Назову золовушекъ сестрицами,
Назову Ивана-то душенькой,
Назову я Васильича — ягодою.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Не буйные вѣтры
Навѣяли,
Незваны гости
Наѣхали
Подломили
Сѣни новыя,
Подломили
Съ переходами,
Растушили
Чару золотую,
Выпустили
Соловья изъ саду.
Расплачется, растужется
Агафьюшка,
Расплачется, растужится
Свѣтъ Ивановна:
Мнѣ по вамъ, сѣни,
Не хаживати;
Мнѣ тобой, чара,
Не подхаживати;
Тебя, соловья,
Не видати будетъ!
Кто меня станетъ
По утру будить,
По утру будить,
Рано развеселить?
Сговоритъ, спромолвитъ
Александръ господинъ,
Сговоритъ, спромолвитъ
Михайловичъ свѣтъ:

Я тебѣ построю
Сѣни новыя,
Я тебѣ построю
Съ переходами;
Я тебѣ солью
Чару золотую;
Я у тебя
Соловей въ саду,
Я у тебя
Молодой въ зеленомъ.
Я тебя стану
Поутру будить,
Поутру будить
Рано развеселить.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Мимо батюшковъ высокъ теремъ,
Мимо матушкинъ зеленый садъ,
Мимо дѣвицынъ зеленъ садъ,
Пролегала путь-дороженька,
Широка долга спроважена;
Что й по той ли по дорожкѣ,
Что й по той ли по широкой
Тамъ ѣдетъ-гуляетъ
Удалой доброй молодецъ
Иванъ-то Ивановичъ.
Онъ сворачивалъ съ дороженьки,
Приворачивалъ къ окошечку,
Колотился подъ окошечкомъ
Своей тростью натуральною.
«Ты душа ль моя, душенька,
Душа ль красная дѣвица
Да ты, Марья Ивановна!
Пріотворь, душа, окошечко,
Пріотдерни занавѣсочку,
Покажи-ко лицо бѣлое,
Лицо бѣлое, румяное,
Будто порòха — снѣгу бѣлаго!»

Будетъ ты, душа, прилюбишься —
Я товарищу пòхвалю,
Своему брату крестовому». —
Прилюбилась красна дѣвица
Удалому добру молодцу
Ивану-то Ивановичу.

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

На угорьешкѣ часовенька стояла,
Да стояла, да стояла, да стояла,
Черезъ рѣченьку черемушка лежала
Лежала и проч.
Что никто по той черемушкѣ не пройдетъ.
Двѣ ягодки переходятъ,
Двѣ налпвныя переходятъ,
Да Θедоръ Катерину переводитъ:
«Ужь ты Катенька не свалися,
«За сибирочку задержися,
«Чтобы Катенька не упала,
«Еще Θедору въ семью попала,
«Что во эту семью торовату,
«Во природушку во живату» (*).

Холмогоры. Зап. С. В Максимовъ.

—

Что не ключики-то брякнули,
Да не замочки-то застукали,
По рукамъ сваты ударили.
Государь кормилецъ батюшко,
Съ государыней со матушкой,
Я объ чемъ да васъ просить буду:
Не зажигай, кормилецъ батюшко
Да государыня матушка,

(*) Гостепріимную.

Ты свѣчи воску яраго,
Не отдавай-ко, сударь батюшко,
Ты меня во чужи люди
Ты раны́мъ меня ранешенько,
Зелены́мъ ты зеленешенько.
Чѣмъ же я, кормилецъ батюшко,
Съ государыней со матушкой,
Чѣмъ же я васъ распрогнѣвала?
Развѣ я вамъ не работница:
Я встаю-то всѣхъ ранешенько,
На работу красна дѣвица
Всѣхъ усерднѣй, всѣхъ припадчивѣй
Ты наймешь, кормилецъ батюшко,
Ты наймешь себѣ работницу
Ты лѣнивую-сонливую!
Разбудить, кормилецъ батюшко,
Разбудить васъ будетъ нѣкому,
Выходить-то во чисто̀ поле
Вы поздны́мъ будетъ позднехонько.

Записана А. А. Григорьевымъ отъ череповицкой жительницы.

—

Богъ судья, кормилецъ батюшко,
Государыня матушка,
Не падкіе, не жало̀стливые:
Ты польстился, родной батюшко,
Съ государыней со матушкой
Ты на дружку на лестливаго,
А на свата на хвастливаго.
Знать, я хлѣба много выѣла,
Знать рѣку да воды вышила.

—

Ты кормилица родна матушка,
Ты сама да знаешь-вѣдаешь,
Каково жить во чужихъ лю́дяхъ,
У чужаго отца-матери:

Надо жить-то тамъ умѣючи,
Говорить-то разумѣючи,
Держать голову поклончиву,
Ретивò сердце покорливо.

—

Прошу я, красна дѣвица,
Я кормильца-братца:
Ты кормилецъ братецъ миленькій,
Ты падкòй ко мнѣ, жалòстливый
Ты сидишь да братецъ миленькій
Какъ чужой ко мнѣ чуженинецъ,
Упроси-ко, братецъ миленькій,
Ты кормильца моего батюшка,
Съ государыней со матушкой,
Что ранымъ они ранёхонько,
Зеленымъ да зеленехонько,
Отдаютъ да во чужи люди,
На чужую дальну сторону.

—

Не отъ вѣтра, не отъ вихоря,
Да не отъ Божьей милости,
Верея пошатилася,
Ворота отворилися,
Широко размахнулися...
Не слыхала молодешенька,
Какъ бояра на дворъ взъѣхали,
Съ широка двора на новы сѣни,
Со новыхъ сѣней въ нову горницу.
Ужь я столько услышала,
Ужь я столько увидѣла,
Какъ Григорій зашелъ въ горницу,
Свѣтъ Ивановичъ во свѣтлицу...
Тутъ и я испугалася,
Туть и я перепалася,
Придроглося ретиво сердце
Прибѣлѣло лицо бѣло,
Рѣзвы ножки подломилися.

Бѣлы ручки опустилися,
Изъ глазъ слезы прокатилися...
Во слезахъ я слóво молвила,
Въ возрыданьѣ рѣчь говòрила:
«Вотъ идетъ погубитель мой,
«Вотъ идетъ разоритель мой,
«Вотъ идетъ *расплети-косу* ,
«Вотъ идетъ потеряй-красу !»
Тутъ спроговоритъ доброй молодецъ,
Да Григорій Ивановичъ свѣтъ:
«Ужь ты глýпа, красна дѣвица,
«Неразумна, дочь отецкая!
«Что не я погубитель твой,
«Что не я разоритель твой:
«Погубитель-отъ твой батюшка ,
«Разорительница твоя матушка,
«Расплети-косу — сватьюшка,
«Потеряй-красу — друженька,
«Что два дружки хорошіе,
«Два удалыхъ добрыхъ молодца!»

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

(Стиховодничаетъ невѣста, посылая свою сестру по воду.)

Гдѣ-то ходитъ моя милая сестрица родимая?
Ужь послушай-ко милая сестрица родимая:
Сходи на крутой-то на красной на бережокъ,
По свѣжу водичку ключевую!
Мнѣ-ка есть вѣра-раденіе великое ,
Обмыть горьки слезы горячія,
Намыть радости — веселья великаго!
Ужь послушай, милая сестрица родимая,
Что-то я скажу сиза косата голубушка:
Когда придешь на крутой на красной бережокъ
Первую струю пропусти внизъ по славной Дунай-рѣкѣ,
Другую струю пропусти внизъ по славной Дунай-рѣкѣ,
Изъ третьей-то почерпни, милая сестрица родимая .
Первой струей умывается разлучница злодѣйка неволя великая,

Другой струей — чужи-дальни, не сердечны богоданные родители.
Когда придешь ко частой ко ступенчатой лѣственки,
Поспѣси ниже, моя милая сестрица родимая!
Пусть же выростетъ чаща роща непроходимая,
Чтобы нельзя было не пройдти не проѣхати
Разлучничи злодѣйки великія.

С. Малошуйское Онежеск. У. Зап. Волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Жалобная, когда матъ провожаетъ свою дочь къ вѣнцу).

По лугамъ весною
Разлилася вода весенняя,
Унесло
Три кораблика:
Первый корабль
Со перинами пуховыми,
Второй корабль
Со ларьцами коваными,
Третій корабль
Со душою красною дѣвушкою...
Выходила ея матушка
На крутой славный бережокъ.
Говорила: воротися
Мое дитятко!
Позабыло дитятко
Трое ключей золотыхъ.
Первые ключики
Отъ терема высокаго;
Другіе ключики
Отъ ларьцовъ кованыхъ;
Третіи ключики
Отъ саду зеленаго.
Она на оборотъ говоритъ:
Я не забыла трое ключей.
Позабыла волю, волю
Батюшкину,
Нѣгу, нѣгу
Матушкину.

—

(Невѣста приглашаетъ отца, мать, подругъ и проч. въ баню, которую топили подруги).

Добро жаловать ласкотникъ желанной (*) родитель батюшко.
Въ парную мыльную *баенку*
Въ переди-то меня сизой косатой голубушки!

С. Малошуйское, Онежеск. У. Зап. волост. писарь. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Когда ведутъ невѣсту въ баню и изъ бани).

Я пошла молоденька
Во теплую во банюшку,
Съ кумами да со подружками,
Помыться да попариться.
Не смыть бы мнѣ дѣвью красоту
Отъ роду мнѣ не вопервые,
А въ дѣвьей красотѣ вопослѣдніе!...
Тебѣ спасибо, теплая банюшка,
Я помылася въ тебѣ и попарилась
Со кумами да со подружками
Со душами да съ красными дѣвушками!...

Пермской губ.

—

(Невѣста благодаритъ за баню).

Спасибо тебѣ, парная мыльная баенка,
На храненьи да на береженьи,
Что хранила меня сизу касату голубушку;
Ужь чего-то мнѣ молить, сизой косатой голубушкѣ,
Что ль тебѣ же моя парная мыльная баенка?
Ужь раскатить тебя, парная мыльная баенка,
Съ верхняго бревешка до нижняго!
Глупа моя младая буйна головушка!
Раскатаю я парную мыльную баенку!
Пускай стоитъ парная мыльная баенка,

(*) Родна матушка, милы подруженьки, родный братецъ и т. д. смотря, кому поютъ.

Пускай моются ласкотники желанные родители,
Послѣ меня-то сизой косатой голубушки.

С. Малошуйское, Онежеск. У. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Когда невѣста, послѣ бани, благодаритъ родителей).

Благодарствую, родной батюшка
Со родимою моей матушкой,
Что на банюшкѣ да на теплой.
Помылась я да попарилась
Отъ роду-то не вопервые,
Въ дѣвьей красотѣ да впослѣдніе.

Перм. Губ.

—

(Послѣ бани, невѣста проситъ у отца лошадей, гулять).

Послушай же, мое красно солнце угрѣвное!
Не жалѣй-ко хорошаго, рѣзваго наступчиваго конечка!
Пожалѣй-ко меня, сизу косату голубушку,
Мнѣ-ка есть вѣра-радѣнье погулять покрасоваться
По Дунай-рѣчки быстрыя,
Покрасоваться во честномъ во похвальномъ во дѣвичествѣ,
Во ангельскомъ чину, во архангельскомъ,
Проститься мнѣ со славной со гладкой со гороцькой,
Со хорошой, новошатровой колоколенкой.

С. Малошуйское, Онежеск. У. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Невѣста послѣ катанья, чествуетъ *честныхъ*, т. е. крестныхъ отца и мать жениха).

Сказали бы доносили милые подружки любовные,
Что изнашли да изнаѣхали честные гости небывалые
Во родительской домъ тепловато гнѣздышко,
Гдѣ-то ходитъ ласкотница желанная матушка,
Ужь послушай-ко моя ласкотница желанная родитель-матушка,
Разставливай столы бѣлодубовые,

Развертывай скатерти бѣльчатыя,
Сади, чествуй милыхъ-то гостей небывалыихъ.

С. Малошуйское Онежеск. Зап. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Стиховодничаетъ невѣста (поетъ), когда крестная мать приходитъ на вечеринку и приноситъ натолокъ.)

Не во саду ли я бѣдна обсидѣлася,
Не на садъ ли я бѣдна оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую
Не на всяки цвѣточки лазуревые!
Не вода ли подо мной разливается
Не огонь ли подо мной разгорается
Сама-то я знаю, бѣдна да вѣдаю,
Что ни въ саду-то я бѣдна обсидѣлася,
Не на садъ-то я бѣдна оглядѣлася,
Не на травку-муравку зеленую,
Не на всяки цвѣточки лазуревые,
Не вода подо мной разливается
Не огонь подо мной разгорается
Разгорается мое зябло сердце ретивое,
Разливаются мои горькія слезы горячіи,
По блеклому лицу нерумяному.
Что за чудо, за диво великое!
Прежде этоя поры, прежде времени
Сидѣла я глупа косата голубушка,
Во собранныя своей тихія бесѣды смиренныя
Не бывала крестовая ласкова матушка,
Во собранной-то моей тихой бесѣды смиренныя
Со хорошей-то моей дорогой воли вольныя.

С. Малошуйское, Онежеск. У. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Когда невѣсту, накрывъ платкомъ, уводятъ съ вечеринки).

Послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Пойдемте вонъ со тихія бесѣды смиренныя:
Пришли скорые послы да незастѣнчивые.

С. Малошуйское Онежеск. У. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Когда ведутъ по улицѣ невѣсту съ вечеринки).

Говорила-то крестовая ласкова матушка,
Что съ полна печетъ красное солнцо угрѣвное,
Во родительскомъ-то домѣ — тепломъ гнѣздышкѣ,
Во вкупѣ да во собраньи сидятъ мои милые ласковы братьица,
Весь то родъ-племя приближенное!
Теперь слава тебѣ, Боже Господи!
Не бѣдная да не обидная,
Обрадѣло мое зяблое сердце ретивое,
Во вкупѣ да во собраньи сидитъ мое родъ-племя приближенное.

С. Малошуйское Онежеск. Зап. волостной писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Если у невѣсты есть кто-нибудь изъ братьевъ на чужой сторонѣ, прибавляютъ):

Собралися да сокатилися
Изо славныхъ-то петербургскихъ городовъ,
Со печальнаго синя солона моря!
(*Если есть умершіе братья*):
Со окатъ со горы со Микольскія (*).

(Вызываютъ мать невѣсты для встрѣчи, возвращаясь съ невѣстою съ вечеринки, у лѣстницы):

Не несутъ-то мои ножки рѣзвыя
Во часту во ступенчату лѣствёнку,
Какъ сегодня, да по сегодняшнему,
По тихому позднему вечеру
Безъ ласкотницы жаланной родной матушки!
Прежде этой поры, прежде времени,
Ходила-то я, сиза косата голубушка,
Со тихой полуночной вечериночки,
Носили мои скорыя ножки рѣзвыя!

(По приходѣ матери):

Спасибо жаланная родимая матушка!
Выходишь на торну, на широкую улицу,
Подъ часту, подъ ступенчату лѣствёнку,
Стрѣчаешь меня сизу-косату голубушку,

(*) На Микольской горѣ — кладбище.

Со тонкимъ-то звучнымъ со голосомъ
Со умильной-то, со горазной со причетью!

(Приходя въ сѣни):

Становись моя поневольная млада головушка
Середь новыхъ-то сѣней перёныхъ. (*)

(Снимая съ невѣсты платъ):

Теперь скину свои очи ясныя,
Оведу кругомъ новыя сѣни перёныя,
На которой стѣны-ограды бѣлокаменныя...
Прѝдучись со пути, со дорожки широкія!
Вы здорово, новы сѣни переныя,
Кругомъ свѣтлыя окошки косячатыя,
Круговъ дубовыя бѣлыя лавочки!
Не убойтесь-ко, новы сѣни перёныя,
Что не тихая пришла, не смиренная,
Не по старому пришла не по прежнему,
Со тонкимъ, со звучнымъ голосомъ,
Со умильной, со горазной со причетью,
Со всѣми милыми подружками любовными!
Добро жаловать мои милыя подружки любовныя,
Во родительской домъ — тепло-витое гнѣздышко,
Впереди меня сизу косату голубушку!

(Приходя въ домъ и садясь на лавку у печнаго угла):

Не пужайся: домъ тепловито гнѣздышко,
Не пужайся да не полохайсе, мое сердцо ретивое
Не подломитесь мои скорыя рѣзвыя ноженьки
Не блёкни мое блеклое лицо нерумяное,
Не спѣшитесь-ко, прокатайтесь мои горькія слезы горячія
По блеклому лицу нерумяному,
Не смѣшайся рѣчистъ языкъ
Во младой во буйной головушкѣ!
Теперь дай Господи тонкаго, звучнаго голоса
Со умильной со горозной со причетью!
Теперь благослови, Боже Господи,
Божья Мать, Пресвятая Богородица,
Свѣтъ сударь Микола многомилостивой;

(*) Переныя сѣни — не мшоныя, а конопаченыя и обмазанныя глиною.

Попусти тонкой молодой незвученъ голосъ!
Случалось слыхать сизой косатой голубушкѣ
Отъ чужихъ-то ото младыхъ, отъ ясныхъ соколовъ,
Черезъ три губы синя солона моря,
Есть мощи — ты среди синя солона моря,
На зеленомъ-то высокомъ на островѣ
Стоитъ Божья церковь пресвященная!
Бласловите же Соловецкіе преподобны чудотворцы много-
милостивы,
Попустись тонкой молодой незвученъ голосъ ,
По родительскому теплому витому гнѣздушку .

С. Малошуйское, Онежск. Уѣзда. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Послѣ вечеринки невѣста отцу).

Спасибо мое красное солнцо угрѣвное
Ни вольные воли довольныя,
Воздавалъ мнѣ-ка, сизой голубушкѣ ,
Многую вольную волю довольную,
Ходить-гулять сизой косатой голубушкѣ,
По гульбамъ, по прохладамъ,
По тихимъ сполуночнымъ вечерниочкамъ.
Спасибо мое красное солнцо угрѣвное
На покруты покрасы дѣвичія
Ужь не жалѣлъ особенной датной золотой казны:
Зоводилъ покруту, покрасу великую,
Лучше краше *всѣхъ* (?) милыхъ подруженекъ:
Дивовалися много народъ — люди добрые,
Завидовали мои милыя подружки любовныя.

С. Малошуйское, Онежск. У. Зап. волостной писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Невѣста благословляется у родителей послѣ вечеринки, сидя на лавкѣ у печнаго угла).

Глупая младая буйная головушка,
Не прося пускаю свой тонкой молодой (голосъ?)
У ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Чей домъ того вольная воля довольная;

Домъ ласкотниковъ желанныхъ сердечныхъ родителей!
Благослови-тко, ласкотникъ жаланной, родитель-батюшко,
Попустить тонкой молодой незвученъ голосъ,
Какъ сегодни по сегодняшнему,
По тихому позднему вечеру,
По потухлыя зари поздновечерніе.

(Вставая съ лавки, идетъ давать отцу добровъ):

Расшатнитесь-ко народъ, люди добрые,
Чужи бѣлыя хороши лебедочки!
Всѣ совѣтныя, милыя подружки любовныя,
Дайте немножечко пути-дорожки широкія,
Съ одну дубовую мостовиночку,
Пройти, проплыть сизой косатой голубушкѣ,
На родительское домъ-тепло-витое гнѣздышко,
Передъ бѣлые столы, передъ дубовые!
Могу ли усмотрѣть, дитя бѣдное,
Сквозь туманъ горьки слезы горячія,
На которой бѣлой брусовой на лавочкѣ
Пекетъ красное солнцо угрѣвное,
Сидятъ мои желанные сердечны родители,
Думаютъ сообча крѣпкую думу заединую
Что за чудо, за диво великое,
Что за гости сидятъ за торговые,
Торгуютъ товарами заморскими;
Выбираютъ желанные сердечные родители
Хорошее, дорогое платно цвѣтное,
По моему уму да по разуму!
Ужь послушайте желанны сердечны родители,
Не въ пору схватились, не во время
Заводить хорошее дорогое платно цвѣтное!
Сама-то я знаю сиза косата голубушка,
Что не гости сидятъ не торговые,
Не торгуютъ товарами заморскими,
Не выбираютъ желанные сердечные родители
Хорошаго дорогаго платна цвѣтнаго:
Пособрано свое родъ-племя приближенное,
Честна дорога природа родительска
Сидятъ думаютъ съобча крѣпкую думу заединую
Пьютъ горькое хмѣльно зелено вино,

Пропиваютъ меня сизу косату голубушку
Во злодѣйку неволю великую!
Послушай-ко, жаланный родитель батюшка!
Ужь попѣняю я, сиза косата голубушка,
Тебѣ же, мое красное солнце угрѣвное:
Ужь ты думай да не продумай,
Пей да не пропей мою младую буйную головушку
Во злодѣйку неволю великую!
Сама-то я знаю, сиза косата голубушка,
Видно думалъ да продумалъ!
Ужь послушайте, милыя подруженьки любовныя,
Не держите крѣпкой надѣй
На ласкотничковъ желанныхъ родителей:
Они до поры добры до времени,
Не сулятся, а взополятся желанны сердечны родители!
Послушай-ко желанный родитель батюшко,
За каку вину опалу великую
Отдалъ да обневолилъ во злодѣйку неволю великую?
Развѣ не трудница была, не работница,
Не вѣрная слуга, не измѣнная?
Измѣняла тебѣ красное солнцо угрѣвное —
У всякаго зелья работы тяжелыя,
Не берея была краснымъ наливнымъ ягодкамъ
Не ловея была свѣжія рыбы трепущія!
Развѣ укорять тебя стали, упрекать красное солнцо угрѣвно,
При толпахъ тебя при артеляхъ великіе,
При славныхъ царевыхъ при кабакахъ!
Ты послушай мое красно солнцо угрѣвное,
Что-то я скажу сиза косата голубушка,
Лучше найми меня сизу косату голубушку,
Во рабы, въ козачихи-нахлѣбницы,
Возьми собину счетную золоту казну,
Заплати-ко чужимъ яснымъ-то соколамъ
За проторы убытки великіе,
За довольное хмѣльно зелено вино.

С. Малошуйское. Онежск. Уѣзда. Записалъ волост. писарь Баевъ; доставилъ С. В. Максимовъ.

—

(Невѣста зоветъ отца къ столу, на которомъ стоитъ байникъ, т.-е. хлѣбъ-соль.

Добро жаловать ласкотникъ желанной мой батюшка,
Степанъ Тимоѳеевичъ,
Ко обѣду да ко пшеничному байничку!

(Отецъ, мать, а послѣ всѣ, кто былъ на рукобитьи, подходятъ къ столу, молятся Богу и дарятъ невѣсту).

Спасибо ласкотникъ желанной родитель батюшко,
Что даришь меня, сизу косату голубушку,
Хорошимъ-то бумажнымъ ситичкомъ.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. В. П. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Зажегши свѣчи передъ образомъ, невѣста поетъ 1-ю молитву):

Помолиться было Богу Спасу, Пресвятой Богородицѣ
За царя государя великаго,
Имъ дай Господи здравья здоровья,
Долгаго вѣку протяжнаго,
Жить послѣ меня, сизой косатой голубушки,
Со малешинькими сердечными дѣточками,
Со всей силой силой арміей,
Теперь помолиться кручинной косатой голубушкѣ
За ласкотника желаннаго родителя батюшка,
Ему дай Господи здравія — здоровья долгаго и протяжнаго.

С. Малошуйское. Онежск. У. Зап. вол. пис. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(2-я Молитва невѣсты).

Послушайте, мои милыя подружки любовныя,
Попридайте ума много разума:
Мнѣ чего молить, сизой косатой голубушкѣ
За себя-то, за сизу косату голубушку?
Молить скорыя-то грозныя смерточки
Во родительскомъ во тепломъ витомъ гнѣздышкѣ
На родительской на бѣлой, на брусовой на лавочкѣ!
Ужь ты глупая моя младая буйная голова

Ужь сама-то я знаю, сиза косата голубушка,
Что не придетъ мнѣ во родительскомъ дому во тепломъ-витомъ гнѣздышкѣ
Скорая-то грозная смерточка!
Помолить было мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
Здоровья, здоровья великаго
Жить во злодѣйкѣ-то неволѣ великія.

С. Малошуйское, Онежск. У. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Послѣ молитвъ невѣста даетъ отцу добровъ).

Теперь отворите же мнѣ, сизой косатой голубушкѣ,
На родительской домъ тепло-вито гнѣздушко,
Гдѣ-то ходитъ мое красное солнцо угрѣвное.
Мнѣ-ко есть вѣра-радѣнье
Побити челомъ да покланяться!

С. Малошуйское. Онежск. У. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Невѣста «даваетъ добровъ» крестной матери (стиховодничаетъ).

Спасибо крестовая ласкова матушка,
Творишь дѣлаешь послушанье:
Надѣваешь-то хорошу дорогу волю вольную
На младую буйную голову
Не въ достой-то наряжать мнѣ крестовую ласкову матушку!
Въ достой слушать крестовую ласковую матушку!
Послушай-ко, крестовая ласкова матушка,
Что-то я спрошу еще косата голубушка.
У тебя же, крестовая ласкова матушка,
По чьему входишь повелѣнью, да благословенію,
Заходишь въ тихую бесѣду смиренную,
Со слова, съ докладу ли ласкотниковъ жаланныхъ родителей?
Не отъ своего ль ума-разума?
Сама-то я знаю, сиза косата голубушка,
Не такая крестовая ласкова матушка,
Что придти отъ своего ума да отъ разума,

Что пришла по повелѣнью да благословенью,
Отъ моихъ-то ласкотниковъ желанныхъ родителей.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волостной писарь Баевъ; достав. С. В. Максимовъ.

—

(Дружки будятъ невѣсту въ день свадьбы).

Господи Іисусе Христе Сыне Божій!
Княгиня первобрачна,
Катерина Васильевна!
Стань — убудись
Отъ крѣпкаго сна прохватись,
Бѣлый свѣтъ спорыдается,
Заря розмыкается,
На улицѣ собаки лаютъ,
Ребята играютъ,
По боярскимъ домамъ соловьи свищутъ,
По крестьянскимъ домамъ пѣтухи поютъ, печи топятся!

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Невѣста стиховодничаетъ, когда ее разбудятъ дружки въ день свадьбы).

Полно спать, пора ставать!
Разомкнитесь-ко мои очи ясныя,
Распечатай, Господь, сахарныя уста,
Воротись-ко рѣчистъ языкъ во младой во буйной головушкѣ,
Бѣжи тонкой, молодой, незвученъ голосъ
По родительскому дому — тепло-витому гнѣздушку!
Ужь послушайте, милыя подружки любовныя,
Не спрося попускаю свой тонкой молодой незвученъ голосъ,
И ласкотниковъ желанныхъ родителей,
Добро со слова съ докладу!
Бласловите ласкотники желанны родители
Попустить тонкой молодой незвученъ голосъ!
Что за чудо, за диво великое:
Прежде этой поры, прежде времени
Убужала ласковитница желанная матушка
Какъ сегодни, да посегодняшному поутру по раннему,

Убужаютъ чужи млады ясные соколы,
Ставайте милыя подружки любовныя
Отъ крѣпкаго сна забудущаго!
Ужь послушайте мои милыя подружки любовныя,
Что я спрошу, сиза косата голубушка:
У васъ мягкая ли была перина пуховая?
Круто ли было зголовье косесчатое?
Тепло ли было одѣяло соболиное?
У меня-то какъ у сизой голубушки
Не мягкая была перина пуховая:
Во три ряду было сѣрыхъ валючихъ камешковъ
Одѣяломъ-то была бѣлая льдина холодная!
Малымъ-то мало спалось, во снѣ видялось,
Во снѣ-то мнѣ бѣдной привидялось,
На яву-то мнѣ бѣдной показалося:
Какъ подъ нашимъ-то свѣтлымъ окошкомъ косесчанымъ
Стоитъ тихое приглубое озеро,
Ужь во этомъ во тихомъ приглубомъ во озерѣ
Плаваютъ сѣрыя водоплавныя утушки,
У нихъ подобрано легкое крылье утиное;
Одна плаваетъ сѣрая водоплавная утушка,
У ней распущено легко крылье утиное!...
Ужь разсудите-тко мои милыя подружки любовныя,
Мои крѣпкіе сны забудущіе!
Не разсудницы милыя подружки любовныя!
Не тихое стоитъ приглубое озеро,
Стоитъ родительской домъ тепло-витое гнѣздышко;
Тутъ не сѣрыя плаваютъ утушки,
Сидятъ милыя подружки любовныя
По бѣлымъ, по брусовымъ по лавочкамъ;
Ужь зачесаны у нихъ младыя буйныя головы,
Я одна-то сижу, сиза косата голубушка
Распущены мои тонкіе вольные волосы.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волост. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(За ужиномъ гостямъ у невѣсты).

Во горницѣ во новой,
Стоитъ столикъ дубовой,

Убитъ парчей голубой,
Онъ со алой бохрамой;
На немъ чайникъ золотой
Колонъ чаю налитой.
Господинъ N
Онъ по залу проходилъ, проходилъ,
Чаю чашку положилъ
Своей душѣ подносилъ,
Выпей, душа, для себя, для себя,
Роди сына сокола, сокола,
Дочку милу перепелицу
Душу красную дѣвицу!

Пермской Губ.

—

(Плачъ невѣсты за ужиномъ дѣвицъ).

Слава Богу, слава Господу
Попила я молода да покушала
Со кумами да со подружками!
Не осудите, мои голубушки,
Не на гусяхъ и не на лебедяхъ
Не на сѣрыхъ большихъ утицахъ!
У меня некому ходить за охотою
Некому стрѣлять уточекъ.
У меня батюшка лѣтъ при старости,
Ретиво сердце при скудости.
У меня братецъ во работушкѣ
Во работушкѣ да во тяжелой.

Пермской Губ.

—

(Послѣ ужина для жениха и невѣсты.

Во Китаѣ на коврѣ,
На красномъ золотѣ,
На стулѣ на рѣшетчатомъ,
Противъ чиста зеркальца;
Господинъ Иванъ молодецъ
Чесалъ кудри русыя,
Самъ приговаривалъ,
Красной дѣвицѣ наказывалъ:

Перевей ты кудри,
Перевей ты русыя.
Что хочу я, сударь — перевью,
Не хочу — не перевью.
Я, сударь, теперь еще не твоя,
А родимаго, сударь, батюшки.

Перм. Губ.

Пѣсня эта поется втройнѣ: для отца, матери и для жениха. Для послѣдняго поютъ: «Что она уже твоя».

—

(Поется, когда невѣста сирота).

Много, много у сыра дуба
Много, много у зеленаго,
Много вѣтья и павѣтья,
Много листа зеленаго,
Отростенья серебрянаго;
Только нѣтъ у зеленаго
Нѣтъ жемчужныя маковки,
Позолоченой вершиночки!
Много, много у Аннушки,
Много, много у Ивановны,
Много роду и племени
Много всѣхъ честныхъ родителей,
Много милыхъ подруженекъ,
Нѣту, нѣтъ у ней, у Аннушки,
Нѣтъ родителя-батюшки,
Нѣтъ сударыни-матушки.
Снаряжать младу есть кому,
Благословить младу нѣкому.

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

(Когда невѣстѣ чешутъ голову).

Гдѣ-то ходитъ мать моя, ласкотница жаланная матушка?
Ужь послушай-ко, ласкотница желанная матушка,
Накажу-то я службу-работу нетяжелую:
Найди-ко хорошой частозубчатой гребешокъ,
Зачеши-тко мою младую буйную голову;
Ужь не въ достой-то наряжать мнѣ

Ласкотницу желанную матушку;
Въ достой слушать самой сизой косатой голубушкѣ
Заплети-тко мою русую косу красовитую,
Вплети хорошія семишелковыя ленточки.

С. Малошуйское, Онежск. У. Зап. волостн. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Стиховодитъ невѣста, когда мать зачешетъ голову).

Спасибо тѣ, ласкотница, желанная матушка;
Творишь-дѣлаешь послушаніе:
Зачесала мою буйную голову!
Ужь на томъ тебѣ не спасибо,
Что не заплела моей русыя косы красовитыя,
Не вплела моихъ хорошихъ семишелковыхъ ленточекъ!

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волостн. писарь Баевъ; достав. С. В. Максимовъ.

—

(Одѣвшись, невѣста благодаритъ родителей).

Послушайте, ласкотники, желанны родители,
Что̀-то я скажу, сиза косата голубушка:
Не жалѣли поить-кормить меня, сизу-косату голубушку,
Крутить-рядить младую буйную голову,
Не жалѣйте вы сальныя свѣчи, воску яраго,

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волостн. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

(Къ свату).

Да тебѣ, свату бо̀льшему,
Да измѣнщику дѣвичьему,
Да Акиму Степановичу!
На ступень ступить— *нога́* сломить,
На другой ступить—*друга́* сломить,
На третéй — голову свернуть!
Того мало свату бо̀льшему,
Да измѣнщику дѣвочьему!
На печи спать подъ шубою,
Подъ трема̀ полушубками,

Подъ четырема тулупами:
Да трясло бы тя, повытрясло!
Да сквозь печь бы провалитися,
Въ мясныхъ щахъ оваритися!
Того мало свату бо̀льшему
Да измѣнщику дѣвичьему:
Съ хоромъ бы те о бо̀рону,
Да съ горы бы тя о каменье,
Безъ попа, безъ покаянія,
Безъ духовнаго батюшка!
Не ходилъ бы, не сватался,
Стариковъ не обманывалъ,
Да старухъ не подговаривалъ,
Не хвалилъ, не похваливалъ
Чужи-дальнія стороны,
Да *Подгорскія слободы* (назв. дерев.).
Она горемъ насѣяна,
Да слезами наполивана!

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волостн. писарь Баевъ; доставилъ С. В. Максимовъ.

—

(Невѣста стиховодничаетъ (поетъ), когда дѣвушки наперерывъ бросаются выплетать ленты изъ косы).

Ужь послушайте, милы подруженьки любовныя!
Ужь не расплетайте моей русы-косы красовитыя,
Два вострые ножа, два булатные
Обрѣжите свои бѣлыя опальнія рученьки.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. волостн. писарь Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

—

Что сестра брату милому,
Брату милому, родимому,
Одиноку ясну соколу,
Николаю сударь Ѳедоровичу,
Катерина, сударь, Ѳедоровна
Жалобилась и плакала:
«Ужь ты братецъ, ты братецъ мой.
Удалой добрый молодецъ!

Поступико-ся, свѣтъ родной,
По столовой новой горницѣ,
Что по свѣтлой свѣтлицѣ
Со родителя батюшки
До Ѳедора Ивановича,
До сударыни-матушки,
До Агафьи Матвевны свѣтъ!
Ужь ты братецъ, ты братецъ мой,
Удалой добрый молодецъ!
Унимай, разговаривай
Милосердаго батюшка
И сударыню матушку:
Зачѣмъ рано воскручинилися
На меня молодешеньку,
На мою буйну голову,
На природну трубчату косу
Дорогу́ на дѣвью красоту!
Не кладу я судьбы-жалобы
На родителя-батюшка,
На сударыню-матушку;
Я кладу судьбу-жалобу,
Что на сватью, на бо̀льшую,
На лукавую, вилявую,
На змѣю семиглавую,
Семиглавую, семихвостую:
Чтобъ тебѣ, сватьюшка,
Сыновей бы тѣ разбойниковъ,
Дочерей посидѣлочекъ!
Не прогнѣвайся, сватьюшка,
За великую выслугу,
Что пожаловала-высватала
Нашу милую подруженьку,
Нашу милую, любимую
Катерину Ѳедоровну.
Какъ ходила-подхаживала
Не путемъ, не дорогою,
А все улками, заулками,
Все тропами собачьими,
Все ходила почастешенько,
Говорила помалешенько,

Говорила, все обманывала,
Чужу сторону выхваливала:
Какъ чужая, дальня сторона
Она сахаромъ насѣяна,
Она медомъ поливаная,
Виноградомъ гороженая,
Да тафтою покрывана!
Я сама про то вѣдаю,
Молода догадалася,
Что чужа дальняя сторона,
И чужа незнакомая:
Она горемъ насѣяная,
И слезами поливаная,
И тоскою покрываная,
И печалью зараженная».

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

(Передъ свадьбою, утромъ, плачъ невѣсты).

Вы вставайте, мои голубушки,
Высоко взошло красно солнышко,
Выше лѣсу, лѣсу темнаго,
Выше батюшкина нова терема.
Обогрѣло красно солнышко
Моего батюшки высокъ теремъ;
Обогрѣло красно солнышко
Моей матушки нову горницу;
Обогрѣло красно солнышко
Мово братика новъ широкій дворъ;
Обогрѣло красно солнышко
Моей сестрицы крыльцо бѣлое.
Обогрѣло красно солнышко
Моихъ кумушекъ подружекъ.
Какъ меня же молоденьку
Да не грѣетъ красно солнышко,
Что не грѣетъ, не освѣщаетъ,
Бѣдно сердце мое повызнобитъ.

Пермск. Губ.

—

(Послѣдняя прощальная пѣсня невѣстѣ).

Что не стукъ-отъ стучитъ во теремѣ,
Что грохотъ гремитъ во высокомъ,
Благословляются два отрока:
Отрокъ N съ отроковицею N,
У своего роднаго батюшки,
У своей родимой матушки
Ко Божьей-то до церкви ѣхати,
Подъ златые-то вѣнцы ставати,
Законъ Божій принимати
Со чужимъ то со.....!

Пермской Губ.

—

Прости-ко вольная волюшка,
Оставайтеся всѣ шуточки-глумечки
У родителей въ дому,
У красныхъ солнышковъ, свѣтовъ желанныхъ,
Милосердыхъ!
Прошла теперь моя волюшка
У красныхъ солнышковъ;
Пошла я, повыступила
Во женско печально
Житье подначально;
Не своя теперь воля-волюшка:
День пройдетъ даваючи,
Другой словъ дожидаючись,
Третій похоячись (*)...
Вотъ и вся недѣлька семидённая
Прошла, прокатилася;
Приношу благодарность
Вамъ, краснымъ солнышкамъ,
Свѣтамъ желаннымъ, милосердымъ,
Что дрочили да нѣжили
Крутили (**), да ладили.

Арханг. Губ. С. Шуя. Зап. С. В. Максимовъ.

—

(*) Наряжаючись. (**) Снаряжали.

(Причитываютъ на могилахъ).

Послушайте, тонкіе буйные вѣтры!...
Потяните, тонки-усильчивы вѣтры,
Раснесите-ко желты сыпучи пески,
Расколись-ко мать гробова доска,
Расшейся-ко саванъ, хотя не полотняный,
Размахнитесь-ко рѣзвыя ручки отъ ретива сердца...

—

(Послѣ этой пѣсни говоркомъ).

Заговори-ко, забай-ко со побѣдной, со безсчастной;
Ужь пришла теперь со многой великой тоской-кручиной
Пріубавить съ своего со безсчастнаго сердца съ ретиваго.
Я глупа, неразумна; вразуми да и опріобдумайся
Своимъ ты нетвердымъ, несверетнымъ непостояннымъ умомъ-разумомъ
Что не сдѣлается, не станется, что изъ мертвыхъ въ живы возстанутъ, красно ты солнушко!
Забаютъ, да заговорятъ!
Я живу теперь, горюю.

С. Шуя. Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

(Разставаясь съ повязкой, ее прикладываютъ къ обѣимъ щекамъ и кладутъ на окошко, припѣвая).

Брошу я за свѣтло окошко косящето,
Пусть повыростетъ садъ, виноградье зеленое,
Обглядится чужа дорога круглоскатна, жемчужена
На садъ-виноградье зеленое,
Позабудемъ младу косату голубушку.

(Затѣмъ прощается съ подругами).

Простите да не помните ни зла, ни лиха,
Милы-совѣтны подруженьки!
Не помните младу косату голубушку
Ни зломъ, ни лихомъ, ни сердцемъ!

Арханг. Губ. С. Шуя. Зап. С. В. Максимовъ.

—

(По отъѣздѣ *честныхъ*, невѣста красуется: она одѣвается, беретъ въ руки повязки и ими ударяетъ какъ въ ладони).

Расшатнитесь-ко народъ-люди добрые,
Дайте немножечко пути-дороженьки широкія
Съ одну дубову мостовиночку!
Мнѣ-ка есть вѣра-радѣніе,
Покрасоваться во покруты красы великія!
Посмотрите-ко, ласкотники, желанны родители:
Ходитъ, красуется ваша сиза косата голубушка,
Во покруты покрасы великія.

С. Малошуйское Онежск. У. Зап. Баевъ; дост. С. В. Максимовъ.

РУССКІЯ ПѢСНИ

ИЗЪ СОБРАНІЯ

П. И. ЯКУШКИНА.

IV.

ОБРЯДОВЫЯ ПѢСНИ.

б) *Величальныя.*

(Величаютъ женатаго).

Судомъ по морю
Константинъ Андреевичъ;
Пѣша бережкомъ
Иринья Петровна.
Крикнула, зыкнула
Своимъ зычнымъ голосомъ:
«Стой-постой, милый другъ,
«Константинъ Андреевичъ!
«Я тебѣ по̀днесу
«Чару зелена вина!»
— То мнѣ не надобно,
То не душа моя! —
Судомъ по морю
Константинъ Андреевичъ:
Пѣша бережкомъ
Иринья Петровна.
«Стой-постой, милый другъ,
«Константинъ Андреевичъ!

«Я тебѣ спòрожу
«Сына, ясна сокола!
— То мнѣ-ко надобно —
То душа моя!

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

(То же).

Вьется, вьется-стелется
По лугамъ трава шелковая.
Цалуетъ, милуетъ-то
Михайлушко жену свою:
Другъ ты мой да и Аннушка —
Животокъ-сердце Леонтьевна,
Ты жь меня состарѣла,
Безъ ума поставила
Тихою походою,
Вѣжливою говорою,
Низкими поклонами,
Еще частыми возглядами,
Дальными провòдами,
Еще сладкими поцалуями.

—

(Величальная холостыхъ).

Вьется, вьется хмѣлюшко
Черезъ тынъ на улицу,
Ко мнѣ во зеленый садъ.
Во моемъ ли во садикѣ
Гуляетъ дѣтинушко,
Горькій сиротинушко;
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку,
Ко красному солнышку;
Увидала матушка
Со высокаго терема:
«Дитя ль мое, дитятко,

Дитя, чадо милое,
Что ходишь невесело
Головку повѣсило?»
— «Родимая матушка!
Чего жь веселиться мнѣ?
Всѣ мои товарищи
Да всѣ поженилися,
А я у тебя, матушка,
Холостъ неженатъ хожу.»
—«Поди, поди, дитятко,
Самъ ли ты на улицу
Выбирай ты, дитятко,
Самую-то лучшую,
Самую-то лучшую —
Купеческу дочерю».
— «Родимая матушка,
Купеческа дочеря
Въ полѣ не работница,
Въ домѣ не хозяюшка.
У сосѣда дѣвушка —
Та-то вотъ мнѣ по сердцу!»

Малоарханг. Уѣздъ.

—

(То же).

Охъ, хмѣлюшка, хмѣлюшка
Веселàя головушка!
Завѣйся, мой хмѣлюшко,
На мою сторонушку:
На моей на сторонушкѣ
Приволье хорошее,
Да раздолье широкое.
Да по томъ по раздольицу
Ходилъ-гулялъ мòлодецъ,
Михайло Алексѣевичъ;
Связалъ буйну голову
Тафтою зеленою,
Тафтой полосатою,
Подъ шляпой пуховою.

Какъ увидѣла матушка
Со высокаго терема:
«Дитя ты мое, дитятко!
Дитя мое милое,
Что ходишь невесело,
Что глядишь нерадостно?»
— «Чему жь мнѣ радоваться?
Всѣ братья женятся,
А я холостъ».
— «Кто не велитъ, дитятко?
Возьми дѣвушку
У ближняго сосѣда —
Она дѣвка умная».

—

(То же).

Я вечоръ въ гостяхъ гостила,
Во компаніи была,
Я хорошаго молодчика
Во любовь себѣ взяла;
Онъ въ обрядѣ, въ чистомъ рядѣ
Весь мнѣ глянется хорошъ;
Онъ хорошъ собой и славенъ,
Весьма ласковъ на словахъ,
Изъ поступковъ политиченъ,
Тороватъ во всѣхъ дѣлахъ.
Между прочимъ разговоромъ
Прежде въ рѣчь меня вводилъ,
Пріятнымъ своимъ взоромъ
Грудь мнѣ бѣлу прострѣлилъ;
Пріятновски объявилъ,
На колѣни посадилъ,
Танцовать съ собой просилъ.
Я недолго танцовала —
Онъ мнѣ ручку крѣпко жалъ:
Я руки не отнимала,
Проявился въ лицѣ жаръ!

Холмогоры. Зап. С. В. Максимовъ.

—

в) *Хороводныя.*

Винный мой колодезь
А что жь стоишь безъ воды?
Конь воду вышивалъ,
Копытами выбивалъ.
Нашего хозяина
Дома не случилось:
Какъ поѣхалъ
Нашъ хозяинъ
Въ Казань городъ погулять,
Привезетъ ли нашъ хозяинъ,
Привезетъ ли, молодой,
Казанскую умницу?
«Казанская умница,
Цалуй меня, золотцо!»
Винный мой колодезь
А что жь стоишь безъ воды?
Конь воду вышивалъ,
Копытами выбивалъ.
Нашего хозяина
Дома не случилось:
Какъ поѣхалъ
Нашъ хозяинъ
Въ Рязань городъ погулять.
Привезетъ ли нашъ хозяинъ
Рязанскую умницу?
«Рязанская умница,
Цалуй меня, золотцо!»
Винный мой колодезь,
А что жь стоишь безъ воды?
Конь воду вышивалъ
Копытами выбивалъ.
Нашего хозяина
Дома не случилось.
Какъ поѣхалъ
Нашъ хозяинъ
Въ Москву городъ погулять.

Привезетъ ли нашъ хозяинъ
Московскую умницу?
«Московская умница
Цалуй меня, золотцо!
Казанская умница,
Стели мнѣ постелюшку,
Рязанская умница,
Клади мнѣ сголовьицо,
Московская умница,
Ложись спать со мною!»

Пальна, Елецкаго Уѣзда.

—

Вдоль да по травкѣ, да вдоль по муравкѣ,
Ай лёшеньки лели — да вдоль по муравкѣ.
Тамъ ходитъ, гуляетъ удалой молодчикъ,
Ай лёшеньки лёли...
Кличитъ, выкликаетъ красную дѣвицу,
Ай лёшеньки лёли...
Выйди, выйди, дѣвица, ко мнѣ за ворота
Ай лёшеньки лёли, со мной побороться.
Какъ дѣвица къ молодцу она выходила,
Ай л. л...
Что низко-низёхонько ему поклонилась:
Ай л. л...
Не хвались, молодчикъ, не хвались собою,
Ай л. л...
Своей молодецкою да ты чистотою,
Ай л. л...
Я жь тебя, молодчика, тебя обезчещу.
Ай л. л...
При всемъ я при мірѣ — да я при народѣ.
Ай л. л...
Что въ большомъ дѣвичьемъ, въ большомъ хороводѣ,
Ай л. л...
Какъ дѣвица молодца — она поборола,
Ай л. л...
Пуховую шляпушку она собивала,
Ай л. л...

Синь на немъ кафтанчикъ она изорвала,
Ай л. л...
Ситцеву рубашечку она замарала,
Ай л. л...
Поборомши, дѣвушка, парня пожалѣла,
Ай л. л...
За правую рученьку его подымала,
Ай л. л...
Пуховую шляпу ему подавала,
Ай л. л...
Русыя кудри ему расчесала,
Ай л. л...
Пошелъ-то молодчикъ, пошелъ самъ заплакалъ:
Ай л. л...
На что меня матушка на свѣтъ породила,
Ай л. л...
Несчастною долею на вѣкъ надѣлила,
Ай л. л...
Что меня ли, молодца, дѣвка повалила,
Ай лёшеньки лёли — дѣвка повалила.

Записана Т. И. Ф—мъ.

—

Вкругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новыя хожу—
Младу старицу бужу:
«Ахъ, старица, встань!
Спасенàя душа, встань!
Встань: къ заутренѣ звонятъ
На сходъ говорятъ.
Люди сходятся,
Богу молятся.»

—«Отойди прочь, молодецъ,
Отойди прочь, удалой!
Не могу я встать,
Головы поднять:
Голова моя болитъ,
Грудь-сердечушко щемитъ.»

Вкругъ я келейки хожу,
Вкругъ я новыя хожу,
Младу старицу бужу:
—«Ахъ, старица, встань!
Спасенàя душа, встань:
Къ тебѣ миленькій идетъ,
Чаю-кофею несетъ,
Напиться велитъ,
Позабавиться.»

—«Ахъ! встать было мнѣ,
Поскакать было мнѣ,
Поплясать было мнѣ,
Поцаловать было мнѣ».

(Подгородняя Архангельская на Кегъ-островѣ).
Зап. С. Максимовъ.

—

Нападала порошица
Что на землю на талую,
На траву на муравую,
На цвѣточки лазуревы;
Что по той по порошицѣ,
Что по той по молоденькой,
Не бѣлъ заюшко скачетъ,
Не бѣляночка пляшетъ,
Еще скокъ-поскокъ зайко,
Что по чистому полю,
По широкому раздолью
Еще хлынь по хлынушки...

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Заутра молоденькой
Одинъ молотитъ,
Такъ-таки такъ молотитъ.
Жалко женушку будити
Такъ, и проч.

Спи, моя женушка-подружка,
Вотъ тебѣ въ головы подушка!
Спи моя любая, дорогая,
Вотъ тебѣ въ головы другая!

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Сковородка въ печи,
Сковородникъ на печи!
Ты немного хлопочи,
А десятка два-три
Намъ блинковъ испеки!
Двое ходятъ, двое бродятъ,
Двое сойдутся, пріобойдутся,
Поцѣлуются!
Что по старому закону
По четыріэ на конѣ;
А сейчасъ пришелъ указъ —
Цѣловаться три разъ.

Шенкурскъ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Со вьюночкомъ хожу
Съ молодымъ гуляю.
Ахъ! куда мнѣ вьюночка дѣвати,
Куда молодаго положити?
Положу ль я вьюночка,
Положу ль молодова
Ко князьямъ въ высокъ теремъ,
Ко молодымъ въ изголовье:
«Пусть-ко се имъ на здоровье!
Чѣмъ мнѣ вьюна выкупати,
Чѣмъ молодаго выручати?
Дамъ я за молода вьюночка
Двѣ гривны золотыя,
Три-четыре серебряныя
Еще два инохода-коня...
Три-четыре не гуляютъ со двора,
Да двѣ душки двѣ дѣвушки,

Три-четыре молодушки,
Да два ясна сокола,
Три-четыре въ полянѣ летятъ,
Полно дѣвицѣ съ молодчикомъ гулять.

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

—

«Заинька, гдѣ ты былъ-побывалъ?
Сѣренькой, гдѣ ты былъ-побывалъ?
Заинька, мой бѣленькій
Бѣленькій, мой сѣренькій,
Гдѣ ты, гдѣ ты зайка былъ,
Гдѣ ты сѣрой побывалъ?
Заюшко, ты кого видѣлъ?
Сѣренькій, ты кого видѣлъ?
Видѣлъ, видѣлъ двѣ дѣвицы
Видѣлъ, видѣлъ красавицы.
Заинька, ужь не били ли тебя?
Сѣренькой, ужь не били ли тебя?»
«Били, били, парень мой.
Били, душечка моя, били, сердце мое».
«Заинька, скажи, чѣмъ били,
Сѣренькій, скажи, чѣмъ били?»
«По бокамъ кулакамъ
По плечамъ *розгочамъ*, кирпичамъ».
«Заинька, ты не плакалъ ли?
Сѣренькій, ты не плакалъ ли?
Хипи-хипи, парень мой,
Хипи-хипи, сердце мое!»
«Заюшка, утекати пора,
Сѣренькій, цаловати пора,
Цаловать-миловать,
Крѣпко къ сердцу прижимать».
«Заюшка, распрощаться пора,
Сѣренькій, распрощаться пора,
Утекати, распрощаться,
Низко кланяться
Да не чваниться».

—

Около было сыра дуба,
Около было зелененькова,
Скачетъ черный соболь.
Не скачи, соболь, по улицѣ,
Не скачи, черный, по широкой;
Скачь, соболь, въ новой горницѣ,
Да выбирай себѣ дружиночку,
Выбирай себѣ хорошую.
Дружина — милъ-сердечный другъ;
Еще вотъ моя дружиночка,
Еще вотъ моя хорошая,
Дружина — милъ-сердечный другъ!
Походить-было съ дружиночкой,
Погулять-было съ дружиночкой.
Дружина, милъ-сердечный другъ!
Мы поклонимся дружиночкѣ,
Мы поклонимся хорошенькой.
Дружина, милъ-сердечный другъ!
Пріохватимся съ дружиночкой,
Пріохватимся съ хорошенькой.
Дружина, милъ-сердечный другъ!
Поцалуемся съ дружинькой;
Поцалуемся съ хорошенькой.
Дружина, милъ-сердечный другъ!
Распростимся мы съ друженькой,
Разпростимся съ хорошенькой.
Дружина, милъ-сердечный другъ.

Пинега. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Летѣлъ голубь,
Летѣлъ сизой
Со голубушкою;
Шелъ удалой молодецъ
Съ красной дѣвицею.
Позади идутъ товарищи,
Высматриваютъ,
Что высматриваютъ, приговариваютъ:

Какъ бы эта бы голубушка
Не за голубемъ была,
Какъ бы эта красна дѣвица
Не за молодцомъ была,
Я бы взялъ, я бы взялъ за себя,
Я бы лѣтнею порою
Во каретѣ прокатилъ,
Я бы зимнею порою
Въ новыхъ питерскихъ саняхъ,
На своихъ лошадяхъ.
На извощичкѣ кафтанъ
Темно-синяго сукна,
Петербургскаго шитья.
Кладу голубя на ручку —
Не тряхнется,
Переложу на другую —
Не шелохнется.
Скажу, *кышъ*. голубь, домой,
Полетай, сизый, домой,
Ко голубушкѣ своей —
Сизъ-голубчикъ взволновался,
Голубушку цаловалъ,
Сизъ-голубка взворковала,
Молодчика цѣловала.

С. Кигбаево. Сарапульскаго уѣз. Вятской губ.
Зап. С. Р. Честноковымъ. см. № 118.

—

Селезень ловилъ утку,
Молодой ловилъ сѣру:
Поди, утица, домой
Поди, сѣрая, домой:
У тя семеро дѣтей,
Осьмой селезень.
Селезень ловилъ утя, и проч.

Вятская Губ.

—

Не во полѣ дождь поливаетъ,
У насъ, въ терему, красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Хозяинъ-отъ волю даваетъ,
Хозяюшка не унимаетъ:
Погуляйте-ко красны дѣвки,
Покрасуйте-ткось, молодицы!

Усть-Цильма. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

—

На улицѣ диво:
Варилъ чернечь пиво.
Я пиво сливала —
Меня разнимало;
Бросилась хмѣлинушка
Во ручки, во ножки,
Изъ ручекъ, изъ ножекъ
Во буйну головку,
Изъ буйной головки
Въ ретиво сердечко;
Не дастъ мнѣ стряхнуться,
Не дастъ зворохнуться!
Встану я, стряхнуся,
Да пойду зворохнуся,
Милой (*) поклонюся.

Усть-Цильма. Мезенск. Уѣзда. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Какъ за нашимъ за дворомъ
Росла трава шелкова,
Зеленая мурава.
По той травѣ панья шла,
За паньею панъ идетъ,
Кричитъ: панья ты моя!
А я, сударь, не твоя,
Родимого батюшки,
Сударыни матушки.
Какъ изъ нашихъ изъ воротъ

(*) Второй вар. милому.

Молодой ямщикъ выѣзжалъ,
Красны сукны разстилалъ,
Гулять жену посылалъ:
Гуляй, жена, до поры,
До вечерней до зари.
Какъ зорюшка занялась,
А я млада поднялась,
Подхожу я ко двору—
Деверь ходитъ по двору,
Расчесавши бороду,
Ужь ты деверь-деверекъ,
Ужь ты мужній братъ,
Проводи меня къ мужу спать:
Станетъ меня мужъ-то бить—
А ты меня отними;
Станетъ меня мужъ цаловать —
А ты прочь поди.

Москва. Запис. Ѳ. Л. Барыковъ.

—

Ходитъ панъ, панъ за горами,
Зайдемъ дѣвушкамъ толпами,
Молодушкамъ табунами.
Едной дѣвки въ толпѣ нѣту,
Едной красной не случилось;
Едное не слободно, знато ей недосужно:
Печетъ пироги на опары,
Въ печь посажаетъ на лопаты,
Изъ печи таштитъ на хордахъ,
Растворяетъ на дрождяхъ;
Естоль они высокеньки!
Естоль они широкеньки!
Естоль они мякошеньки!

Усть-Цыльма. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

—

По лугу-лугу разливалася вода,
По зеленому стоечка течетъ,

На этой на стоечкѣ
Бѣла лебедь сидитъ,
Гребешкомъ головушка расчесаная,
Лентой коса перевиванная.
«Завтра у батюшки честенъ пиръ:
«Мнѣ ли на пиру не бывати,
«Будетъ пива и вина не пивати,
«Будетъ сладкаго меду не кушивати,
«Съ миленькимъ по садику не гуливати!»

Усть-Цыльма. Мезенск. У. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Какъ со вечера цѣпочка горитъ,
Со полуночи серебряная;
Она горитъ, перегариваетъ,
Мальчикъ дѣвушку выманиваетъ.
«Ужь ты, дѣвица, сойди съ терема,
Раскрасавица, сойди съ высока:
Что на улицѣ сушехонько,
Въ переулочкѣ темнешенько,
Что башмачки не стопчутся
И чулочки не смараются».

Подгородная архангельская на Кегъ-островѣ
С. В. Максимовъ.

—

Взойди, взойди, солнце,
Не низко, высоко;
Ай лешеньки лели,
Не низко, высоко.
Не близко, далеко.
Взойди, взойди, братецъ,
Ко сестрицѣ въ гости.
Спроси, спроси, братецъ,
Про мое здоровье:
Здорова ль, моя сестрица,
Здорова ль ты, родная?
— Здоровъ ли ты, братецъ,

Здоровъ ли ты, родимый?
Родимый мой братецъ,
Не само здорово (*):
Есть четыре горя,
Пятая кручина.
Какъ первое горе —
Мужъ жену не любитъ.
А другое-то горе —
Деверекъ насмѣшникъ,
А третье-то горе —
Золовки смутьянки.
Четвертое горе —
Свекровь кропотлива,
Пятая кручина —
Свекоръ-то журливый.
— Потерпи, сестрица,
Потерпи, родная,
Золовки смутьянки:
Сами въ люди пòйдутъ.
Деверекъ-насмѣшникъ.
Онъ самъ въ людяхъ вòзьметъ.
Свекровь кропотлива
Скоро въ землю пòйдетъ
Свекоръ-отъ журливый —
Онъ самъ въ землю смотритъ.

Москва. Зап. Ѳ. Л. Барыковъ.

—

Взойди, взойди, солнце
Не низко, высоко,
Ай лёшеньки лёли
Не низко, высоко,
Не низко, высоко,
Не близко, далеко,
Ай лёшеньки, лёли
Не близко далеко.

(*) т. н. не очень.

Зайди, зайди, братецъ,
Ко сестрицѣ въ гости
Ай леш...
Ко сестрицѣ въ гости;
Спроси, спроси, братецъ,
Про ея здоровье
Ай леш...
Про ея здоровье.
Родимый мой братецъ —
Плохое здоровье
Ай леш...
Плохое здоровье.
У меня ли братецъ
Да четыре горя
Ай лешеньки, лели
Да четыре горя,
Четыре-то горя,
Пятая кручина,
Ай леш...
Пятая кручина.
Первое-то горе —
Свекоръ-то бранчивый
Ай леш...
Свекоръ то бранчивый (*).
Другое-то горе —
Свекровь кропотлива,
Ай леш...
Свекровь кропотлива;
Третіе-то горе —
Золовка смутьянка
Ай леш...
Золовка смутьянка.
Четвертое-то горе —
Деверёкъ насмѣшникъ,
Ай леш...
Деверёкъ насмѣшникъ;.

(*) Журливый.

Пятая кручина —
Мужъ жену не любитъ
Ай леш...
Мужъ жену не любитъ.
— Потерпи, сестрица,
Потерпи, родная (*)
Ай леш...
Потерпи родная:
Свекоръ-то бранчивый
Скоро въ землю пойдетъ (**),
Ай леш...
Скоро въ землю пойдетъ.
Свекровь-кропотлива
Сама со двора пойдетъ (***)
Ай леш...
Сама со двора пойдетъ (****)
Золовка-смутьянка
Скоро замужъ пойдетъ,
Ай леш...
Скоро замужъ пойдетъ
Деверекъ насмѣшникъ
Свою жену вòзьметъ...
Ай леш...
Свою жену вòзьметъ...
Мужъ жену не любитъ,
Другую не вòзьметъ,
Ай леш...
Другую не вòзьметъ.

Эти два варіанта помѣщаю, чтобъ показать, какъ два пѣвца варьируютъ одну и ту же пѣсню.

Запи. А. А. Григорьевымъ.

—

(*) Голубка. (**) Да онъ скоро помретъ.
(***) Сама за нимъ пойдетъ.
(****) Иногда поютъ соединяя:

Вотъ свекоръ-то умретъ
Свекровь за нимъ пойдетъ.

Шелъ Ванюша долинòю
Чужею межею,
Снѣги, снѣги выпадали,
Росы не отрясали,
Набираетъ, нажимаетъ
Комъ бѣлаго снѣга:
Онъ кидаетъ, онъ бросаетъ
Къ Дуняшѣ въ окошко.
Дуня, радость, догадайся,
Радость, домекнися.
Дуня Ванѣ говорила:
Я бы рада домекнулась,
Мнѣ теперь не время:
У батюшки въ гостяхъ гости,
У матушки сестры,
Какъ у братца молодцы,
У меня подружки.
Пошелъ Ваня отъ окошка,
Руками махаетъ,
Головой Ваня качаетъ,
Руками махаетъ.
Ужь и какъ же мнѣ быти —
Мнѣ некого любити;
Чужемужнюю любити —
Убитому быти.

Москва. Зап. Ѳ. Л. Барыковъ.

—

Стали воробушки рядами,
Къ нашимъ воротамъ передками.
Они думали гадали:
Всѣ-то воробьюшки женаты.
Какъ одинъ-то воробейко
Онъ и холостъ, неженатый...
Я возьму себѣ невѣсту —
Черну ворону черноброву.
Та моя невѣста не по мысли
Часто она по полю летаетъ,

Широко она ротъ разѣваетъ,
По цѣлому воробьюшку глотаетъ.

Записана А. А. Григорьевымъ.

—

Ходитъ Иванъ по хороводу,
По дѣвичью, по молодичью;
Ищетъ-поищетъ
Иванъ себѣ невѣсту...
Ты мнѣ невѣста.

Зап. А. А. Григорьевымъ.

—

Семенова жена,
Она ему давала,
Она ему сулила
Два коня татарскихъ,
Двѣ плети татарскихъ...
Еще конь да изогонь
Да девятаго вонъ.

—

Другъ ты мой, красна дѣвица!
Ты родила мнѣ сына
Бѣлаго сыра;
Ты родила мнѣ дочерю
Бѣлую лебедушку.

—

Мы вечоръ въ торгу торговали.
Свинцу-пороху закупали,
Мѣдны пушечки заряжали,
Въ каменну стѣнушку стрѣляли,
Красну дѣвицу въ полонъ брали.
Красна дѣвица испугалася
По-нѣмецкому изубрана,
По-російсскому изубрана.

На ней шубочка голубая,
Душегрѣечка шелковая,
Въ косѣ ленточка золотая.
Ко Румянцеву подводила:
Ты пойди, пойди въ Рòси замужъ
За любимаго мово сына —
За Ивана Ивановича,
За россійскаго генерала,
Я нейду, нейду въ Росеи замужь
За любимова твово сына
За Ивана Ивановича
За россійскаго генерала.
Графъ Румянцевъ разсердился,
Онъ безъ милости распалился.
Красна дѣвица испугалась.
Я иду, иду въ Рòси замужъ
За любимаго твого сына,
За Ивановича за Ивана,
За россійскаго генерала.
Красна дѣвица распишися.
Ты подай, подай листъ бумаги
Изъ кармашика карандашикъ.

Москва. Зап. Ѳ. Л. Барыковъ.

—

За дворомъ лужокъ зеленёшенекъ;
Ай да люли, люли, зеленёшенекъ,
У меня дружекъ молодёшенекъ,
Ай да люли, люли молодёшенекъ,
Молодешенекъ — милъ-милешёнекъ
Ай да люли, люли милъ-милешёнекъ.
Мы пойдемъ во лужòкъ, заведемъ кружокъ,
Ай да люли, люли, заведемъ кружокъ,
Милой съ гуслями, а я съ пѣснями,
Ай да люли, люли, а я съ пѣснями.
Не придутъ гусли противъ пѣсенокъ,
Ай да люли, люли противъ пѣсенокъ,
Не придетъ свекоръ противъ батюшки
Ай да люли, люли, противъ батюшки.

Мой то батюшко — слово вѣрное,
Ай да люли, люли, слово вѣрное,
Моя матушка — дума крѣпкая,
Ай да люли, люли дума крѣпкая.

Записана А. А. Григорьевымъ.

—

Саша, барыня моя,
Не гнѣвайся на меня,
Что я не былъ у тебя.
Ужь я былъ-побывалъ —
Въ Новѣгородѣ гулялъ,
Тужилъ, плакалъ, горевалъ,
Купецкую любилъ дочь,
Любилъ ее до поры...
Дунулъ вѣтеръ съ горы
Съ московской стороны
На купецкіе дворы.
Во купецкихъ во дворахъ
Тамъ дѣвушка хороша
Сашечка-душа.

Сообщена Гр. Городецкимъ.

—

Я на камешкѣ спжу,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Ой ли, ой люли,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Я топоръ въ рукахъ держу,
Изгородь горожу,
Ой ли, ой люли,
Изгородь горожу,
Изгородь горожу,
Я капусту сажу
Ой ли, ой люли
Я капусту сажу,
Я все бѣленькую,
Все кочаненькую
Ой ли, ой люли
Все кочаненькую.

У кого нѣту капустки —
Прошу къ намъ въ огородъ,
Ой ли, ой люли,
Прошу къ намъ въ огородъ,
Прошу къ намъ въ огородъ,
Во дѣвичій хороводъ
Ой ли, ой люли,
Во дѣвичій хороводъ.

—

Плыветъ-восплываетъ,
Плыветъ-восплываетъ
Зеленый садокъ,
Зеленый садокъ.
Какъ вдоль ли по бережку,
Какъ вдоль ли по крутому
Молодецъ гулялъ,
Молодецъ гулялъ,
Чесалъ свои кудри,
Чесалъ свои русы
Частымъ гребешкомъ,
Частымъ гребешкомъ,
Очески бросаетъ,
Очески бросаетъ
Да вдоль по рѣкѣ,
Да вдоль по быстрой:
Плывите очески,
Плывите русы
Вы вдоль по рѣкѣ,
Вы вдоль по быстрой,
Чтобъ васъ, очески,
Чтобъ васъ, русые
Соколъ не поймалъ,
Гнѣзда не свивалъ —
Гнѣздышка не вилъ,
Гнѣздышка не вилъ —
Дѣтокъ не водилъ,
Дѣтокъ не водилъ.

Какъ братъ къ свому брату,
Какъ братъ къ родному
Въ гости приходилъ,
Въ гости приходилъ.
Родимый мой братецъ,
Родимый мой братецъ,
Пожалуй коня
Съѣздить до села.
— Родимый мой братецъ,
Родимый мой братецъ
Бери не спросясь,
Ступай куды хошь.
Промежь насъ съ тобой, братецъ,
Промежь насъ, родимый,
Двѣ лютыя змѣи —
То жены наши,
Ссорятся, бранятся,
Ссорятся, бранятся,
Урекаются —
Урекаются
А намъ съ тобой, братецъ,
Намъ съ тобой, родимый,
Ни честь, ни хвала —
Безчестье одно.
А мы съ тобой, братецъ,
Мы съ тобой, родимый,
Въ любви пожывемъ
Во согласьицѣ.

Записана Т. И. Филипповымъ.

—

г) *Разныя обрядныя пѣсни.*

(Пѣсня, которою начинаютъ подблюдныя пѣсни на васильевъ вечеръ).

Слава Богу на небѣ!
Слава!
Государю русскому по всей землѣ
Слава!

А и слугамъ его, боярамъ, не старѣться:
Слава!
А бы правда пошла по всей русской землѣ!
Слава!

Московской губ.

—

Лежитъ волчище да на пузищѣ,
Слава!
Раскинулъ хвостъ, да на сто верстъ,
Слава!
Кому поемъ—тому добро,
Слава!
Кому вынется—тому сбудется,
Слава!
Тому сбудется, не минуется!
Слава!

Орловск. губ.

—

Да за рѣчкою, да за быстрою,
Слава!
Живутъ мужики богатые,
Слава!
Гребутъ золото лопатою,
Слава!
Кому поемъ и проч.

—

Лежитъ кишка
Слава!
Посередь горшка!
Слава!
Кому поемъ, тому добро,
Слава!
и проч.

—

Сидитъ воробука нкѣолыш,шо
Слава!
Онъ смотритъ: куда летѣть?
Слава!
Кому поемъ и проч.

—

(Поется дѣвушками 28 марта. даже и постомъ).

А мы розчисть чистили, чистили,
Дидъ и Ладо! чистили, чистили (*).
А мы пашню пахали, пахали,
А мы просо сѣяли, сѣяли.
—А мы просо вытопчемъ!
—А чѣмъ же вамъ вытоптать?
—А мы коней выпустимъ!
—А мы коней переймемъ!
—А чѣмъ же вамъ перенять?
—Шелковымъ неводомъ.
—А мы коней выкупимъ.
—А чѣмъ же вамъ выкупить?
—А мы дадимъ дѣвицу!
—Нашего полку прибыло!
—А нашего полку убыло!

Костромск. Губ.

—

(Колыбельная)

Бай да убай!
Богородица дала,
Съ небеси бросила,
Иваномъ назвала,
Бай, бай, бай!
Она да она
Малешенько.
Спи-тко усни,

(*) Въ Орловской Губерніи этого припѣва не слыхать; вмѣсто котораго повторяютъ послѣднее слово.

Наше глупенько.
Бай, бай, бай,
Наше дитятко!
Спи да усни,
Наше маленько!
Сонъ идетъ по сѣнямъ,
Дрéма нò терему.
Сонъ говоритъ:
«Усыплю, да усыплю!»
Дрема говоритъ:
«Удремлю, да удремлю!»
Бай, бай, бай!
Наше дитятко!
Спи да усни
Наше мàленько,
Спи да усни.
На погостъ гости!
Бай да люли —
Хоть сегодня умри!
А завтра къ дитёнку
На похороны.
Кладемъ цюроцьку
Въ могилочку,
Подъ бѣлъ камешекъ,
Подъ сыпучей песокъ
Подлѣ бабушки,
Подлѣ своей родныя!
Бай, бай, бай
Да убайкайся.
Спи мое милое,
Спи дорогое!
Выростешь большò —
Будешь въ золотѣ ходить,
Нéнёкъ да мамокъ
Камòчками дарить,
Да своихъ милыхъ подруженекъ
Ленточками.

Арханг. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

(Обрядн. Игра съ дѣтьми).

Капки по капки,
Гдѣ были?
— «У бабки».
— Что ѣли, капки,
Что пили, капки?
—«Ѣли мы кашку,
«Пили мы бражку;
«У бабушки
«Бражка сластенька,
«Бабушка добренька!»

Архангельск. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

Пѣсня архангельскихъ шкиведоровъ, которые нанимаются на суда для того, чтобъ распоряжаться работами и прикрикивать и припѣвать при нагрузкѣ).

Эй Господи Боже да э-э!
Эй пособи-тко да э-э!
Эй намъ опружить, да о-о!
Эй поутюжить! да о-о!
Эй мой куманекъ,
Эй миленькій дружечекъ
Эй ты, кума-ста
Эй вечеръ ты брали-ста,
Эй не поберегла-ста,
Эй не побрела-ста...
Оу! оу! о! охъ, охъ!

Архангельск. Губ. Зап. С. В. Максимовъ.

—

(На похороны).

Зачѣмъ же я тебя,
Свѣта яснаго,
На свѣтъ спородила,
Во святое крещенье крестила,
Во пелены пеленовала,
Во пелены камчатыя,
Во пояса шелковыя?
Свѣтъ ты мой младой и юношъ,
Юношъ сынъ возлюбленный!...

Архан. Губ. Запис. С. В. Максимовъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

RD 225

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec. 2006

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

DOBBS BROS.
LIBRARY BINDING
MAY
ST. AUGUSTINE
FLA.
32084

LIBRARY OF CONGRESS
00025196909